

ПЕРЕПИСКА А.А. КИРЕЕВА И Ф.Д. САМАРИНА

Публикация, вступительная статья и комментарии *И.В. Лукоянова*

Correspondence of A.A. Kireev and F.D. Samarin. Introduction, publication and comments by *I.V. Lukoyanov*. Correspondence of two well-known right-wing figures A.A. Kireev and F.D. Samarin between 1904 and 1909 covers a wide range of political problems, first of all the history of creation of popular representation — the State Duma — and formation of right-wing political organizations. The authors are brilliant publicists, their polemics plunges the reader into the atmosphere of right-wing political thought in Russia of the early twentieth century. Here the first part of their correspondence in 1904 and 1905 is reproduced.

Среди многочисленных исследований и публикаций, посвященных истории первой русской революции, имена А.А. Киреева, адъютанта великого князя Константина Николаевича, а затем лидера «славянофильской партии», и Ф.Д. Самарина, сына одного из виднейших славянофилов Д.Ф. Самарина, мелькают не так уж часто. Между тем они сыграли в то время не такую уж малую роль, особенно это касается истории возникновения правых политических организаций. Не черносотенных, а именно правых, пусть и немногочисленных, нестойких, но, тем не менее, старавшихся влиять на политические события того времени. И главное — они оставили интереснейшую политическую (личного в ней очень мало) переписку между собой, в которой весьма откровенно обсуждали все крупные, с их точки зрения, события 1904–1909 гг. и подробно аргументировали свои точки зрения¹.

Их обмен мнениями завязался, по-видимому, в 1904 г. и был связан с общественной и политической деятельностью корреспондентов, чувствовавших значительную идейную близость. Несмотря на то, что в ряде вопросов они расходились (это весьма хорошо отмечено в переписке), тем не менее их сближало общее отношение к переживаемому моменту и ряд фундаментальных политических ценностей (сохранение неограниченного самодержавия, отрицательное отношение к бюрократии и либерализму, признание необходимости значительных, но не либеральных реформ в России и некоторые другие). Их можно назвать консерваторами, так как и Киреева, и Самарина объединяла опора на традиции и понимание того, что перемены, в том числе и в политическом строе, необходимы. В эпистолярной полемике, оттачивавшей аргументы, корреспонденты, несмотря на несогласие, с огромным уважением относились друг к другу. Судя по содержанию переписки, можно предполагать, что до нас дошли не все письма, хотя и подавляющее большинство из них. Сами авторы осознавали общественную ценность своего творчества, поэтому сразу, по горячим следам опубликовали часть своих писем за 1904 г. в Харькове отдельной брошюрой под эгидой журнала «*Мирный труд*», возглавляемого известным правым деятелем, профессором истории А.С. Вязигиным. Авторы сами подготовили переписку к печати, убрав из текстов некоторые слишком откровенные или резкие оценки, а также большинство упоминавшихся имен. Более поздние письма никогда не печатались. В данной публикации письма печатаются по оригиналам, все расхождения с изданием 1904 г., в частности купюры в текстах, сделанные самими авторами, не оговариваются. Некоторые места, где текст был изменен авторами для печати, помещены в примечаниях. Письма публикуются по правилам современной орфографии, но с сохранением стилистики авторов, явные опечатки и описки авторов исправлены без оговорок. Надо признать, что и Киреев, и Самарин были

¹ Кстати, она подвергалась перлюстрации.

блестящими публицистами, умевшими не только сформулировать собственную мысль, но и подать ее просто и точно. Это делает их переписку как весьма содержательной, так и легко читаемой.

Из-за значительного объема публикация разбита на две части. Здесь представлена переписка только за 1904–1905 гг. В письмах затрагивается большое количество тем и проблем. Но главной для авторов в тот момент была, пожалуй, проблема учреждения народного представительства в России.

Разговоры о возвращении к практике Земских соборов значительно оживились в декабре 1904 — начале 1905 г., когда при подготовке указа Комитету министров 12 декабря 1904 г. из него в последний момент был вычеркнут пункт о призыве народных представителей для предварительного обсуждения законопроектов². Тогда идея Собора оказалась востребована умеренными силами как компромисс между сохранением самодержавия и началом серьезных преобразований в России. У крайне правых соборная тема вызвала реакцию отторжения³. Один из будущих лидеров «черной сотни», редактор *«Московских ведомостей»* В.А. Грингмут видел в намерении реанимировать Соборы грубую политическую ошибку тогдашних «славянофилов». Рассматривая их как мечтателей и безответственных людей, Грингмут писал: «Они держатся не реальной, а именно какой-то мистической или эстетической политики: им хоть на 5 минут увидеть “царя в Московском кремле среди Земского собора”, а там хоть вся Россия провалится!»⁴ Суть позиции «неумеренно» правых можно выразить кратко: никаких перемен, ибо любая из них в той или иной степени несет в себе потенциальную опасность неограниченному российскому самодержавию. Впрочем, Собор как единичный акт, «если монарх найдет нужным для решения особо важного вопроса выслушать совет своих верноподданных», чтобы возложить на них всю ответственность за принятое решение, они допускали⁵. Прежде всего это касалось вопроса о продолжении русско-японской войны или заключении мира.

В основном отрицательно к идее Собора относились и либералы. Они уже требовали введения в России настоящего парламента, конституции, ограничения самодержавия. «Неясный и двусмысленный славянофильский термин» *«Земский собор»* был раскритикован в *«Освобождении»* (по-видимому, П.Н. Милюковым):

«Убежденные сторонники самодержавия ведь не идут в своих политических стремлениях дальше наивного желания “доводить до царя всю правду”. <...> Но допустим, что их на самом деле позовут — и не раз или два, как обещает им г. Плеве, а “по вся дни”, как

² Подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб., 1991. С. 27–42.

³ Летом 1904 г. *«Гражданин»* Мещерского опубликовал аллегория своего постоянного автора Д. Бодиско (Шквореня) о том, как созданный Земский собор из-за внутренних разногласий должен перерасти во всеобщую смуту (*Шкворень. Земский собор // Гражданин. 1904. № 55. 11 июля. С. 5–8*).

⁴ В.А. Грингмут — К.П. Победоносцеву 20 апреля 1905 г. // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 152. Л. 1.

⁵ «Если же по этому вопросу (нужна ли России Маньчжурия. — И.Л.) высказываются специально созданные царем для совета со всей России думные люди, очевидно, вся ответственность останется на совещательном учреждении, и у врагов порядка будет отнята всякая возможность разжигать страсти. Экстренный созыв такой думы по выдающемуся государственному вопросу отнюдь не противоречит принципу монархии и имеет за собой многие прецеденты» (Д. Бодиско — В.А. Грингмуту 19 мая 1904 г. (перлюстрация) // ГАРФ. Ф. 102. 00. Оп. 265. Д. 26. Л. 20).

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

требовал русский политический памфлет XVI века — “говорить всю правду царю”. Неужели же кто-нибудь серьезно может думать, что политический вопрос будет этим решен? И неужели сами искренние доктринеры славянофильства, если такие существуют и если они действительно стремятся не к власти, а к праву совета, — неужели они могут сомневаться в том, что в лучшем случае им предстоит сыграть роль некоторого политического украшения, никому не нужного, тогда как настоящей, “твердой” власти на этой стадии уступок г. Плеве из рук не выпустит?»⁶

Круг стойких и последовательных защитников идеи Собора был всегда невелик. Тогда его представляли, прежде всего, известный издатель А.С. Суворин, выступавший, по его словам, за Собор с начала 80-х гг., а также ряд монархистов, в том числе А.А. Киреев. Собор в их представлении был средством решения целого набора проблем: он донес бы до царя «правду народную», ликвидировал бы ненавистное «бюрократического средостение» между императором и страной, никак не ограничивая при этом самодержавие. Собор должен быть обязательно представительным (выборным) по строго сословному принципу. Детали организации такого Собора до 1905 г. не разрабатывались, но в целом это был скорее некий образ проверенной историей государственного института во времена, когда царская власть искала опоры и поддержки в народе. Такие порядки виделись славянофильствующим правым идеалом государственного устройства России.

Старт открытой полемике вокруг Собора в начале 1905 г. был положен «*Новым временем*»: идея Собора оказалась созвучной образу мыслей издателя газеты А.С. Суворина. Известный публицист уже 4 января 1905 г. говорил в гостях у Богдановичей, что у него уже есть написанная статья про «*Земский собор*», но редактор «*Нового времени*» Ф.И. Булгаков советует еще подождать⁷. По-видимому, под влиянием Суворина 12 января 1905 г. «собрание редакторов ежедневных изданий Санкт-Петербурга» составило адрес министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому за подписью 12 человек, где было заявлено о необходимости созыва Земского собора из представителей всех сословий и классов с «неограниченной свободой мнений и постановлений»⁸. После этого в «*Новом времени*» уже в открытую и еще до (!) рескрипта 18 февраля, узаконившего эту практику, началось обсуждение проектов созыва Земского собора.

А.С. Суворин опубликовал в «*Новом времени*» ряд собственных статей с обоснованием идеи Собора. Без благословения сверху этого не могло бы произойти: многоопытный издатель, постоянно жаловавшийся на недовольство газетой властей, никогда бы не рискнул исключительно по собственной инициативе поднять столь крупный и опасный политический вопрос. Под его пером рисовалась идиллическая картина:

«Земский собор соберет всю русскую землю перед лицом государя. Он услышит ее искренний, любящий голос. Как скоро образуется общественное представительство, образуется и

⁶ К очередным вопросам // Освобождение. № 17. 16 февраля (1 марта) 1903 г. С. 290.

⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 330. Еще в апреле 1902 г. А.С. Суворин встречался с В.К. Плеве и предлагал министру созвать Земский собор, чтобы он нашел выход из сложного положения дел в стране. Плеве ответил, что сочувствует идее, но пока о Соборе «в газете по-прежнему не должно быть ни звука» (Фон Плеве и А.С. Суворин // Освобождение. 1902. №12. 2(15) декабря 1902 г. С. 200; Суворин А.С. Маленькое письмо ДЛП // Новое время. 1905. 16 января. № 10368). Весной 1903 г. в земской среде даже распространились слухи о возможном созыве Земского собора в августе 1903 г. (Земец. Современные вопросы и настроения // Освобождение. № 22. 8(21) мая 1903 г. С. 386).

⁸ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 336–337.

единое и сильное правительство, чуткое к народным нуждам и к своей солидарности между собой и представительством. Мировой престиж русской монархии поднимется тотчас же. Славянские народы от всего сердца будут приветствовать этот великий акт русской государственной жизни как воссиявшее солнце. Волей-неволей весь просвещенный мир взглянет глубокими очами на русское возрождение. Настанет та шумная, но плодотворная весна, о которой я мечтал вместе с массой русских людей, верующих в крепость, в здравый смысл и величие русской державы»⁹.

Далее Суворин несколько конкретизировал свою идею. К участию в выборах примерно тысячи депутатов на Собор он предложил допустить практически всех: и инородцев, и женщин (чего не было ни в одной из европейских стран), без всяких цензов (имущественных, образовательных, вероисповедальных и т. п.), за исключением одного — знания русского языка¹⁰. В рассуждениях Суворина не было ничего оригинального, но столь открытое и детальное изложение мечты публициста, еще несколько недель назад казавшейся далекой от осуществления, стало заметным явлением в общественной жизни России.

Кроме самого Суворина, со статьями о Соборе выступил еще ряд других авторов. Дискуссия была, по-видимому, специально инспирирована хозяином газеты. Так, 5 февраля¹¹ свои соображения представил известный публицист, философ и постоянный автор газеты В.В. Розанов, не замеченный ранее в серьезном интересе к политике. Логика его рассуждений на тему Собора удивляет своей беспомощностью: Розанов пытался установить прямую аналогию между Иваном Грозным и Николаем II (!), утверждая, что, едва собравшись, русские люди немедленно «начали бы формироваться в огромные немногие течения» мысли. Народ и царь, встретившись лицом друг к другу, тут же «возродятся в любви к могуществу». В целом и другие нововременские публикации на тему Собора выглядели не очень убедительно. Но Суворин сделал одно важное дело: вынес тему на страницы периодической печати еще до того, как власть приняла ряд решений. Скорее всего, его действия можно рассматривать как пробный шар самой власти (известно, например, что Суворин поддерживал близкие, доверительные отношения с С.Ю. Витте).

В целом, среди правых не было единого отношения к идее Земского собора. Однако можно перечислить ряд моментов, вполне устраивавших подавляющее большинство монархистов. Они готовы были принять Собор как средство донесения до престола нужд и настроений народных; они допускали такое «историческое» представительство, которое будет собираться нерегулярно, время от времени, по желанию царя и обсуждать вопросы, предложенные властью. От Собора требовалось лишь дать ответ — «да» или «нет» — на поставленные проблемы. Его решения, не имеющие обязательной силы, давали самодержавию возможность поделиться с Собором, а то и свалить на него по крайней мере часть ответственности за принимаемые непопулярные, но неизбежные решения. Такое отношение к Собору делало его удобным инструментом для значительного спектра политических сил, определяя тем самым серьезный интерес к этой архаичной форме народного представительства в канун преддверия и начала Первой русской революции.

⁹ Суворин А.С. Маленькие письма DLV // Новое время. 1905. 25 января. № 10377.

¹⁰ Суворин А.С. Маленькие письма DLVIII // Новое время. 1905. 2 февраля. № 10385.

¹¹ Новое время. 1905. 5 февраля. № 10388.

Власть и Земский собор

Сильнейшим толчком, заставившим власть вернуться к планам народного представительства, стали события 9 января 1905 г., ознаменовавшие начало революции. В середине января, практически одновременно, несколько видных чиновников выступили (но не публично) с рассуждениями о характере и пределах необходимых реформ, причем в их записках о возможном народном представительстве упоминался Земский собор. Если Б.А. Васильчиков (позднее возглавлявший при П.А. Столыпине Главное управление земледелия и землеустройства) рассматривал учреждение Собора как альтернативу конституции (требующую, однако, свободы слова, собраний и печати)¹², то А.К. Горчаков, подавший свою записку непосредственно царю, настаивал на недопустимости созыва Собора именно сейчас: идет война, а при слабом правительстве и возбужденной стране он будет опасен. Горчаков искал спасение от всех бед в «восстановлении» всевластия закона¹³. Число подобных сочинений, составленных в самом начале 1905 г., можно, наверное, умножить, но обращает на себя внимание то, что в значительном количестве их речь идет о Земском соборе как наиболее приемлемом ответе на вызовы времени.

Однако в среде высшей бюрократии вопрос о народном представительстве принял иное очертание. Учреждение Собора или иной формы участия выборных в государственных делах сановники связывали с реформированием правительства — его объединением. Это отвечало интересам многих и прежде всего — председателя Комитета министров С.Ю. Витте. После своего выступления — во многом решающего — 11 декабря против привлечения выборных к законосовещательной работе он решил «опровергнуть репутацию врага представительных учреждений»¹⁴. 31 декабря 1904 г. при обсуждении в Комитете министров вопроса о расширении круга деятельности земских и городских учреждений, упоминавшегося в указе 12 декабря, в журнал заседания был внесен пункт о желательности обсуждения этого вопроса в двух особых совещаниях с участием избранных земством и городскими думами представителей¹⁵. Современники восприняли это как план включения выборных представителей от местного самоуправления в состав Государственного совета. Такое решение очень походило на предложение М.Т. Лорис-Меликова создать при высшем законосовещательном органе империи комиссию из выборных представителей для предварительного рассмотрения законопроектов, одобренное Александром II в день его убийства 1 марта 1881 г.

После событий 9 января обстоятельства для Витте изменились. Считая «свои акции резко поднявшимися»¹⁶, он уже не собирался ограничиться должностью министра внутренних дел, о чем еще несколько месяцев назад мог только мечтать. Целью Витте стало премьерство, т. е. возглавить объединенное правительство. Но для царя нужны были веские аргументы для такой значительной реформы исполнительной вла-

¹² Васильчиков Б.А. [Записка о необходимости Земского собора] // ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 158. По-видимому, эта записка была представлена и Николаю II (*Ганелин Р.Ш.* Царизм после начала первой русской революции (акты 18 февраля 1905 г.) // Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983. С. 101).

¹³ Горчаков А.К. Записка, поданная Николаю II 16 января 1905 г. // РГИА. Ф. 928. Оп. 1. Д. 18.

¹⁴ *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 38–39.

¹⁵ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 153.

¹⁶ *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 67.

сти. Одним из них стала увязка создания кабинета с планами учреждения народного представительства: перед лицом выборных власть должна предстать монолитной и сильной. Поэтому Витте в начале января поручил управляющему делами Комитета министров Э.Ю. Нольде составить текст всеподданнейшего доклада с обоснованием учреждения Совета министров как постоянно действующего органа под председательством царя¹⁷. Доклад был готов к 17 января 1905 г., и Витте распорядился подготовить экземпляр для представления царю¹⁸.

17 же января с Николаем II встретился министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов. В правительстве Ермолов был на тот момент одним из старейших министров, назначенный на должность еще Александром III 28 марта 1893 г. Ермолов имел устойчивую репутацию либерала и даже «красного», но на деле он мало чем подтверждал такие оценки: «везде речи вечно разъезжающего по России министра, отчеты, записки, пожелания, а в конце концов, круглый ноль и безвозвратно потерянное золотое время»¹⁹. Даже в кругу своих друзей и сторонников Ермолов получил прозвище «балалайки»²⁰.

Однако 17 января Ермолов вдруг выступил с серьезной политической инициативой: он предложил царю создать Совет министров для предварительного обсуждения вопросов (т. е. ничего не решающий) и одновременно подумать о том, что сейчас «нужно непосредственное прямое общение между царем и народом», чтобы придать таким образом дополнительную опору трону. О конкретных формах такого «общения» Ермолов рассуждать на аудиенции у Николая II отказался. Чуть конкретнее он был в записке, представленной царю 31 марта, где объяснил, что под «прямым общением» он имеет в виду «призыв свободно избранных представителей» «всех классов и сословий» «в виде народной Земской думы». Эта дума, по замыслу министра, должна была заниматься обсуждением «наиболее важных вопросов современной нашей жизни» и представлением самодержцу «истинного мнения русского народа»²¹.

Вряд ли Ермолов предпринял такой шаг в одиночку, только на свой страх и риск. Р.Ш. Ганелин считает, что министр действовал, по крайней мере, с ведома Витте²². Но их цели заметно расходились. Если для Ермолова главным был пункт о представительстве, то для Витте — премьерство. Министр также не поддерживал намерение Витте призвать выборных в состав Государственного совета — это, по его мнению, «ничего не даст», будет исключительно бюрократическим решением проблемы²³.

Адресат ермоловского письма — великий князь Александр Михайлович — также сыграл заметную роль в тех политических событиях. С началом царствования Николая II он претендовал на значительную роль в политической жизни империи, однако быстро потерпел неудачу. Отстраненный от флотских дел в 1896 г. из-за конфликта с другим великим князем — Алексеем Александровичем, Александр Михайлович был

¹⁷ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 37. Л. 69–75.

¹⁸ Там же. Л. 59.

¹⁹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 185. Л. 2–5.

²⁰ К.П. Победоносцев — великому князю Сергею Александровичу 12 января 1895 г. // ОР РГБ. Ф. 253. К. 29. № 2. Л. 16 об.

²¹ Записки А.С. Ермолова Николаю II 17 и 31 января 1905 г. // Красный архив. 1925. № 1(8). С. 51–67. Цитаты — С. 57, 64, 66. Подробнее об этом см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 68–71.

²² Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 68.

²³ А.С. Ермолов — «императорскому высочеству» [великому князю Александру Михайловичу] (перлюстрация?) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1096. Л. 625–626.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

вынужден свернуть всякую активность и лишь через некоторое время вернулся к политике, действуя в основном из-за кулис. В начале XX в. он был окончательно прощен и в 1902 г. назначен управлять специально созданным для него Главным управлением торгового мореплавания и портов, продолжая активно участвовать в разных политических интригах. Великий князь являлся, по-видимому, сторонником идеи Земского собора²⁴. Косвенно об этом свидетельствует письмо его давнего корреспондента А.А. Клопова и приложенные к нему записки. Рассуждения этого «маленького человека», во многом нелепые, интересные прежде всего тем, что в них нашли отражение как взгляды самого великого князя, так и ряда либеральных деятелей, к чьему мнению Клопов прислушивался и этого не скрывал²⁵. Клопов отверг предложение Витте призвать представителей земства и городских дум для обсуждения местных дел: по его мнению, собравшись, они обязательно заговорят об общих вопросах, возникнет конфликт с правительством и пойдет «революция снизу»²⁶. Вместо этого Клопов предлагал учредить время от времени (пусть даже раз в 10 лет) созываемый Земский собор из 600 и более депутатов, который доносил бы до царя нужды народа²⁷. Созвать такой Собор должен был кабинет министров во главе с великим князем, за Витте закреплялся портфель министра внутренних дел в составе кабинета из общественных деятелей²⁸. Для реализации этого плана Клопов предлагал Александру Михайловичу сговориться со всеми заинтересованными лицами, прежде всего с Витте²⁹.

Однако корреспондент великого князя опоздал. После того как Ермолов сообщил Витте о своем разговоре с царем, последний сразу составил заметку, где одним из пунктов значилось «Представительство (Земс[кие] соборы)»³⁰. По-видимому, Витте немедленно превратился в сторонника представительства (неважно какого, в данный момент — Собора), так как понял, что у него появились реальные шансы на премьерство.

Вопросы о создании народного представительства и реформе правительства стали предметом обсуждения на секретных заседаниях собиравшегося очень редко Совета министров под председательством царя 3 и 11 февраля 1905 г. Официального протокола на них не велось. Черновые записи хода этих заседаний, сделанные Э.Ю. Нольде, расшифрованы и опубликованы Р.Ш. Ганелиным³¹. Однако кроме записей Нольде сохранились также заметки, которые делал в ходе заседаний великий князь Александр Михайлович³². Они менее подробны, но содержат детали, которые позволяют существенно уточнить позиции некоторых участников заседаний.

²⁴ 19 января он спорил с великим князем Константином Константиновичем о Земском соборе (Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 66).

²⁵ Подробнее о Клопове см.: Лукьянов И.В. Тайный корреспондент Николая II А.А. Клопов // Из глубины времен. Сб. 6. СПб., 1996. С. 64–86.

²⁶ Текст без заголовка, посланный А.А. Клоповым великому князю Александру Михайловичу // ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 43. Л. 4–5.

²⁷ Машинописная записка без атрибутов, посланная А.А. Клоповым великому князю Александру Михайловичу // ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 43. Л. 11–18.

²⁸ Там же. Л. 6–10.

²⁹ А.А. Клопов — великому князю Александру Михайловичу 31 января 1905 г. // ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

³⁰ Цит. по: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 71.

³¹ Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 291–305.

³² РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 167. Л. 58–59а.

В Совете министров вопрос о представительстве рассматривался исключительно как уступка общественному мнению, как необходимость выпустить пар недовольства властью. Наиболее удобной формой такого представительства виделся Земский собор (нерегулярность созыва, сословность выборов депутатов, определение повестки дня царем, необязательность мнения). Однако пойти на созыв даже такого, ничем не ограничивающего самодержавие собрания депутатов министры не решились. Судя по записям Александра Михайловича, основное обсуждение на заседаниях свелось к вопросу о своевременности обнародования манифеста о созыве такого Собора в неопределенном будущем. Мнения участников разделились: если А.С. Ермолов, великий князь Александр Михайлович, Э.В. Фриш, А.Г. Булыгин, С.С. Манухин настаивали на необходимости немедленно пообещать Земский собор, то министр народного просвещения В.Г. Глазов, А.С. Танеев, П.Л. Лобко и ряд других сановников заявляли о несвоевременности такого шага. Особняком стоит позиция Витте. Современники не могли определить, был он «за» или «против» Собора. Кажется, Витте повторил прием, использованный им в дискуссии 1897–1899 гг. с И.Л. Горемыкиным по вопросу о земстве: он заявил, что любое представительство в тех условиях неизбежно ведет к ограничению самодержавия (и он был прав, так как в основе решения лежала уступка общественному мнению). Однако, как это ни покажется странным, Витте в принципе был не против Собора (как вариант — привлечения выборных в состав Государственного совета). По свидетельству А.А. Лопухина, Витте еще в начале января 1905 г. выдвигал идею Земского собора для решения вопроса о продолжении войны с Японией (как и крайне правые). Собор мыслился Витте как совещательное собрание, депутаты которого представляли всех жителей империи, с председателем, назначаемым царем³³. Пугая Николая II опасностью революционного Собора, Витте тут же говорил, что созыву представительства должно предшествовать создание объединенного правительства. Поэтому-то Александр Михайлович, хорошо понимавший интересы председателя Комитета министров, расценил его позицию как согласие с идеей Собора.

Другим вопросом, вызвавшим непреодолимые разногласия в совещаниях, стала сословность выборов. Многие участники (Коковцов, Фриш, Ермолов, Витте) высказались против сословности. В условиях начавшейся революции такая позиция обещала, что Собор, избранный на началах всеобщего голосования, будет настроен весьма радикально. Таким образом, идее Собора придавался смысл дальнейших уступок революционному и либеральному движению, что значительно уменьшало шансы на его созыв; все это понимали правые и сам царь. Безрезультатность этих заседаний и развитие революции отразились в рескрипте Булыгину 18 февраля 1905 г., где обещание созвать в будущем народных представителей так и не получило никакой конкретной формы. Но рескрипт был важным политическим шагом самодержавия: он означал, что власть признает неизбежной реформу политической системы империи, уступая тем самым обществу, а отсутствие твердых границ и неопределенность усилили смуту во многих головах и прежде всего — у сторонников самодержавия. В любом случае, после рескрипта обсуждение вопроса о грядущем народном представительстве приобрело совсем иные формы. Но Земский собор остался одной из самых обсуждаемых форм народного представительства на весну 1905 г.

³³ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 56. Сам Витте в своих мемуарах настаивает на том, что 11 декабря 1904 г. при обсуждении окончательного текста указа 12 декабря он «высказал убеждение» царю, «что Земские соборы это есть такая почтенная старина, которая при нынешнем положении неприменима» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2002. С. 115).

Идея Земского собора после 18 февраля 1905 г.

В монархические круги рескрипт Булыгину внес разлад. Крайне правые (вроде Б.В. Никольского) встретили его, сжав зубы и решив бороться за сохранение неограниченного самодержавия³⁴. Умеренные правые, в частности один из авторов публикуемой ниже переписки — Ф.Д. Самарин, увидели в рескрипте прежде всего шатание мысли, бессилие власти, союз наивности и обмана вместо твердости³⁵. Они стояли на том, чтобы свести представительство к бесправному доведению при Государственном совете. По мнению Самарина, в тех условиях Собор рассматривался в обществе как настоящее народное представительство, поэтому его поддержка означала бы присоединение немногочисленных идейных монархистов к «общему движению», т. е. к конституционалистам³⁶. Конечно, опасения Самарина имели большие основания. Но, не считая возможным идти на уступки, Самарин (да и другие), однако, не мог предложить что-либо содержательное, чтобы и порядок навести, и общество успокоить и удовлетворить. Наиболее типичным для людей его круга было стремление максимально ограничить возможное толкование рескрипта Булыгину и оттянуть созыв любого представительства³⁷. Однако бездействие в то время было едва ли не хуже, чем любое действие, ибо оно неизбежно вело к развитию революции. Симптоматично рассуждение Л.А. Тихомирова: «Земский собор, конечно, был бы спасением, если бы он мог возникнуть как национальное собрание. Но это еще труднее сделать, чем создать царское правительство. И выходит опять один вероятный исход — революция»³⁸. Самодержавная власть, может быть, была бы не против пойти по пути, предлагаемому крайне правыми. Но в условиях разворачивающейся революции такое решение оказалось запоздалым: общество с энтузиазмом встретило бы приглашение выборных в состав Государственного совета, прозойди это несколькими годами или даже месяцами ранее. А сейчас уже требовались немедленные и серьезные уступки. Доминирующим после 18 февраля стало желание видеть в России уже не Земский собор, а постоянное народное представительство, избираемое на равных и свободных выборах. Сословность, отстаиваемая «Новым временем», «Гражданином» и «Московскими ведомостями», выглядела уже анахронизмом³⁹. Поэтому наибольшее распространение среди правых получила точка зрения А.А. Киреева, давнего горячего сторонника Земского собора.

³⁴ Подробнее об этом см.: Павлов С.Б. 1905 год. Борьба крайне правых против учреждения полноправного парламента в России // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 5. С. 22–23.

³⁵ Ф.Д. Самарин — А.А. Кирееву 24 февраля 1905 г. и 16 марта 1905 г. // Наст. изд. С. 71, 76; Ф.Д. Самарин — П.А. Кулаковскому 25 февраля 1905 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 572. Оп. 1. № 217. Л. 4–5.

³⁶ Самарин Ф.Д. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 265. К. 124. № 3. Л. 36.

³⁷ Например, князь М.С. Путятин, составивший 22 февраля 1905 г. записку о мерах по реализации рескрипта, предлагал создать Особое совещание, губернские комиссии на местах с тем, чтобы они успели бы обобщить свои предположения только к осени 1906 г. (Павлов С.Б. 1905 год. Борьба крайне правых против учреждения полноправного парламента в России // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 5. С. 23).

³⁸ 25 лет назад (из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. № 2 (39). С. 68.

³⁹ Марков Н. Записка об отзывах прессы о планах создания представительства в России. 1905 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. (I Дума). Д. 769; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 124–126.

В отличие от крайне правых, Киреев полагал, что система государственной власти в России находилась в кризисе, «самодержавие бюрократическое обанкротилось», оно уже не сможет оставаться прежним. Вернуться к самодержавию «à la Nicolas I» невозможно; правительство — «дряблое и слабое», само не способно «выбраться из глубокой трясины, в которую <...> оно завело Россию»⁴⁰. Поэтому, по убеждению Киреева, «к Земскому собору мы придем фатально (иначе придем к революции)». Он надеялся сохранить неограниченное самодержавие, но не «бюрократического вида», а сделать его «совещательным». На бумаге такой Собор выглядел наилучшим выходом: это обещало и изменение самодержавия, пропитавшегося бюрократическим духом, и удовлетворение общества, которое должно было быть довольным, что с ним советуются. Собор вместе с царем смогли бы также заменить слабое и неавторитетное правительство, а для Киреева и его сторонников — это было еще и воплощением давно лелеемых славянофильских идеалов, средством размежевания с конституционалистами и консолидации консервативных сил⁴¹. Киреев понимал, что его планы содержат определенный риск, но, по его мнению, кризис власти в России зашел уже настолько далеко, что простой и безболезненный выход был уже невозможен⁴². Если упростить рассуждения Киреева, то получается, что Собор у него был прежде всего мощным средством консолидации сторонников самодержавия в России, особенно — в обществе, призванном не только поддержать царя, но и создать авторитетную и сильную исполнительную власть.

Поэтому попытка Киреева вовлечь Самарина и «кружок москвичей» в обсуждение соборного проекта натолкнулась на их решительное сопротивление⁴³. «Москвичи» решили искать выход в буквальном следовании тексту рескрипта 18 февраля, т. е. организации привлечения выборных без создания «постоянного представительного учреждения»⁴⁴. Вообще Самарин, при всей его консервативности, был еще и настроен глубоко пессимистично и малодейтельно.

Однако для Киреева и его соборной идеи было исключительно важно то, что в марте 1905 г. его представления в основном совпали с позицией большей части губернских предводителей дворянства. 10—15 марта 1905 г. состоялась встреча 22 предводителей, на которой участники обменялись мнениями о рескрипте и обсудили записку, подготовленную Н.А. Хомяковым, будущим председателем III Государственной думы. Лейтмотивом записки было «возрождение нашего отечества на основе самодержавия при народном представительстве»⁴⁵. Председатель собрания петербургский предводитель князь П.Н. Трубецкой вполне разделял такой подход. Конституировав наличие двух политических течений — ультраконсерваторов, не сочувствовавших рескрипту, и конституционалистов, стремившихся превратить Россию в конституционное государство европейского типа, — он предложил занять третий путь: «за сохранение самодержавия при участии выборных от земли людей в государственной работе». Собрание, обсуждавшее в основном вопросы о характере будущего представительства, пришло к заключению, что за собранием депутатов следует закре-

⁴⁰ А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину 14 февраля 1905 г. // Наст. изд. С. 70.

⁴¹ А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину 14 февраля 1905 г. // Наст. изд. С. 70.

⁴² А.А. Киреев — В.А. Грингмуту 28 февраля и 11 марта 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 47. Л. 3—6.

⁴³ Ф.Д. Самарин — А.А. Кирееву 11 февраля 1905 г. // Наст. изд. С. 69.

⁴⁴ Ф.Д. Самарин — А.А. Кирееву 16 марта 1905 г. // Наст. изд. С. 76.

⁴⁵ Записка Н.А. Хомякова // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 21. Л. 35—36.

пить право принятия и контроля за государственным бюджетом, законодательной инициативы, рассмотрения законопроектов и запросов к министрам⁴⁶. Принятие Земского собора ни в документах, ни в выступлениях на встрече предводителей не звучало, но по мнению А.А. Киреева, «20 предводителей остановились на славянофильской программе, т. е. Земский собор, консервативно избранный, с правами контроля действий министров, правом внесения проектов законов. Голос Собора, конечно, совещательный»⁴⁷.

Оставался еще один важный вопрос — избирательная система. На встрече 10–15 марта предводители решили, что «откладывать рассмотрение этого вопроса на продолжительный срок совершенно невозможно», поэтому они намеревались обменяться мнениями о порядке выборов на местах и встретиться вновь. Лидеры дворянства исходили из того, что выборы по сословиям «едва ли возможно будет организовать», а согласиться с всеобщей и равной подачей голосов для них было невозможно. Они торопились с принятием решения еще и потому, что рассчитывали представить консолидированное мнение российского дворянства булыгинской комиссии, чья работа должна была вскоре начаться. Кроме того, они хотели противопоставить свое решение грядущему земскому съезду, заседания которого должны были начаться 22 апреля⁴⁸. По-видимому, для обсуждения на местах была составлена специальная записка. В «Мнении по избирательной системе» отрицались как всеобщие (народ политически незрел), так и сословные выборы (границы сословий сильно размыты) и предлагалось взять за основу положение о выборах в земство 1864 г. с некоторыми изменениями (расширение круга избирателей, прямой выбор членов губернского избирательного собрания, пропорциональное голосование на последнем этапе)⁴⁹.

Опередить земцев дворянские лидеры не успели. Их встреча состоялась 24–28 апреля 1905 г. в Москве. К этому времени «записку 22-х» успели обсудить дворянские собрания лишь 19 губерний, в 30 этого сделано не было. Уже этот факт ставил под большое сомнение возможную консолидацию дворянства на единой политической платформе. Не было единства и среди губернских предводителей. Большинство — 26 из них — согласилось с «Мнением по избирательной системе», предусматривавшей выборы по Земскому положению 1864 г. Против высказались лишь трое: В.Н. Поливанов (Симбирск), С.Ф. Головин (Тверь) и А.Б. Голицын (Владимир). Однако 11 предводителей вообще никак не высказали свое мнение, а четверо представили коллективное особое мнение⁵⁰. Того, на что так рассчитывали московский и петербургский предводители П.Н. Трубецкой и В.В. Гудович, — консолидированного мнения дворянства — не получалось. Однако принятие принципиальных решений о пределах компетенции и принципах выборов в грядущее народное представительство было уже политической платформой, объединившей пусть и не все, но большую часть как губернских предводителей, так, по-видимому, и всего российского дворянства.

⁴⁶ Запись беседы 22 губернских предводителей дворянства 11 и 12 марта 1905 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 131. № 4. Л. 12–16.

⁴⁷ А.А. Киреев — О.А. Новиковой 25 марта 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 48.

⁴⁸ П.Н. Трубецкой — В.В. Гудовичу 5 апреля 1905 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 131. № 19. Л. 1–2.

⁴⁹ Мнение губернских предводителей дворянства по поводу выборной системы // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 131. № 5а.

⁵⁰ Записка П.Н. Трубецкого // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 131. № 22. Л. 1–2.

Инициатива губернских предводителей по объединению на консолидированной политической платформе вызвала живую реакцию. 24 марта в Петербурге группа правых под председательством А.А. Бобринского приняла решение объединиться в партию («*Отечественный союз*») и примкнуть к мнению дворянских предводителей («записка 22-х»)⁵¹. Этому объединению предшествовал распад кружка К.Ф. Головина. Он с единомышленниками готовил свой проект народного представительства согласно рескрипту 18 февраля.

«Когда дело дошло до подписания его записки (о проекте народного представительства, которое предполагалось представить на рассмотрение Совета министров. — *И.Л.*), то из всего числа собиравшихся у него только 4 согласились приложить свою руку, остальные же просили сначала отпечатать записку, чтобы подробнее с нею ознакомиться и затем изложить свои особые мнения. Когда же стали перечислять последние, то бедный слепец впал в отчаяние и объявил, что он не намерен печатать свою записку, а пошлет ее в том виде, как она у него читалась»⁵².

Чтобы отделиться «от всяких сборищ, куда залезли и Валь, и Штюрмер,» 13 апреля под председательством все того же Бобринского состоялось еще одно собрание семи деятелей (А.А. Бобринский, А.А. Нарышкин, Н.А. Хвостов, А.П. Струков, А.А. Киреев, В.М. Волконский, Н.А. Врангель, восьмым пригласили К.Ф. Головина), образовавших «учредительное бюро партии». «Новая» партия также примкнула к «программе 22-х» за единственным исключением: собравшиеся настаивали, что выборы в народное представительство должны производиться по сословиям⁵³.

«*Отечественный союз*» сразу начал разрабатывать учреждение Земского собора. Порядок избрания депутатов на Собор подготовил В.И. Гурко, крупный чиновник МВД, впоследствии — товарищ министра внутренних дел. Собор в его представлении должен был состоять из 612 депутатов. Самое большое представительство предполагалось отдать крестьянству — 191 человек; затем землевладельцы — 161 (вместе с 48 депутатами от дворянских обществ их оказывалось больше, чем крестьян); все вместе взятые горожане (мещане, торговцы, владельцы недвижимости) давали еще 194 депутата. В основе избирательного права у Гурко лежали сословный и имущественный цензы (для крестьян — земельный). Собор должен был созываться на краткий срок для решения наиболее принципиальных вопросов государственной жизни. Для постоянного же участия в законотворческой деятельности предполагалось избрать из состава Собора Земскую думу из 128 человек. Дума должна была участвовать в разработке законопроектов, а также получала право запросов министрам и ходатайства перед царем о созыве Собора. Система «*Дума — Собор*» не отменяла существования Государственного совета, по замыслу автора он становился верхней по отношению к Думе палатой. Однако подробно отношения Думы и Собора Гурко не расписал⁵⁴.

⁵¹ А.А. Киреев — О.А. Новиковой 25 марта 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 48; А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину 26 марта 1905 г. // Наст. изд. С. 80.

⁵² А.А. [Ширинский-] Шихматов — Ф.Д. Самарину 28 апреля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1979. Л. 95.

⁵³ Н.А. Хвостов — С.Д. Квашнину-Самарину 14 апреля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 252. Надежда на сословные выборы как на заслон проникновению на Собор революционеров или интеллигенции была весьма иллюзорна.

⁵⁴ Гурко В.И. Земский собор и Земская дума. СПб., 1905.

Программа Гурко в целом была принята «Отечественным союзом». Основная дискуссия развернулась вокруг цензов, а именно: как не допустить в состав собора интеллигенцию. В итоге Гурко порекомендовали ужесточить цензы. Возможно, что в результате обсуждения появилась более подробная схема выборов депутатов, сохранившаяся в бумагах А.А. Бобринского. В ней предусматривалось создание 7 курий: духовенство (18 депутатов); губернские дворянские общества (47); землевладельцы (169, 1 — от 720 тыс. десятин); крестьянство (167, 1 — от 500 тыс. крестьян и 1 — от 750 тыс. десятин); торгово-промышленное население (104, 1 — от имущества на 72 млн. руб); городские собственники недвижимости (62, 1 — от собственности на 72 млн. руб.); плательщики квартирного налога (60, 1 — от суммы оценки арендуемых помещений в 72 млн. руб.)⁵⁵. Выборы строились на имущественно-сословном принципе, при котором интеллигенция, действительно, имела мало шансов получить на Соборе заметное представительство. Доминирование представителей села (землевладельцев и крестьян) должно было обеспечить по замыслу автора монархический настрой у собравшихся. Но в целом система избрания получалась громоздкой и трудноосуществимой на практике.

Далеко не все правые поддержали эту инициативу. Ф.Д. Самарин и группированный вокруг него «кружок москвичей» составили отповедь «программе 22-х»⁵⁶. По письмам Самарина Кирееву видно, что он был принципиальным противником Собора, полагая (и справедливо), что в тех условиях он неизбежно превратится в парламент и будет только способствовать развитию революции.

Несмотря на это, идея Земского собора получила некоторую поддержку и в правительственных кругах. Так, А.Н. Куломзин предлагал составить Собор из членов Синода, Государственного совета, Сената, а также по 4 выборных от каждой губернии (духовенство, землевладельцы, купечество, крестьяне), избираемых на губернских избирательных собраниях (у крестьян предусматривались двухступенчатые выборы). Куломзин опасался, что такой Собор будет слишком многочисленным, поэтому его заботой было максимально сократить его численность⁵⁷.

Нетрудно заметить, что «бюрократический» проект Собора сильно отличался от «славянофильского». Куломзин явно стремился не создать представительный законосовещательный институт, а свести к минимуму уступки обществу и максимально бюрократизировать учреждение, чтобы таким образом нейтрализовать грозную перспективу появления настоящего парламента и конституции.

Все эти часто несогласованные друг с другом действия свидетельствовали о том, что весной 1905 г., по мере того как верноподданное общество и власть осмысливали рескрипт 18 февраля, большая часть их склонялась к варианту Земского собора, расходясь лишь в деталях, пусть и существенных. По-видимому, к идее Собора склонялся и Николай II, об этом косвенно свидетельствует его внимание к записке В.И. Гурко о Земском соборе⁵⁸. А.А. Киреев, не сидевший бездельно, на царя не полагался, считая его слишком неустойчивым, но намеревался оказать воздействие на 2–3 министров и некоторых близких царю лиц, чтобы добиться максимально консервативного Собора⁵⁹.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 229. Л. 1.

⁵⁶ Ф.Д. Самарин — А.А. Кирееву 18 апреля 1905 г. // Наст. изд. С. 80.

⁵⁷ А.Н. Куломзин — Э.В. Фришу б/д // Библиотека РГИА. Печатная записка № 45.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1544. Оп. доп. Т. XVI. Д. 1. Л. 573.

⁵⁹ А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину 23 марта [1905 г.] // Наст. изд. С. 79.

Однако бюрократия повернула дело иначе. 12 марта 1905 г. министр внутренних дел А.Г. Булыгин обратился со всеподданнейшим докладом к Николаю II, в котором отверг все предложенные Совету министров планы создания представительства и просил передать разработку проекта в ведение МВД. Несмотря на то что доклад был утвержден Николаем II 16 марта, уже 12 марта состоялось первое заседание особого предварительного совещания в странном составе: С.Е. Крыжановский, Д.Ф. Трепов, А.И. Путилов, И.А. Ивановский. «Представителем» общества (на что так надеялись губернские предводители дворянства) оказался Ф.Д. Самарин, занимавший весьма крайние позиции и выступавший вообще против учреждения любого представительства в тех условиях, в том числе и Земского собора. Впрочем, его участие ограничилось первым заседанием: зачитав свое выступление, он более не появлялся на заседаниях. В итоге именно эти 4 бюрократа и профессор государственного права решили, что Земский собор не подходит из-за бесплодности его решений в XVI – XVII вв. (странное заключение, если рассматривать его как опору самодержавия), а включение выборных в состав Государственного совета не позволит представить в нем мнение страны из-за малочисленности выборных, которые потеряются на фоне массы отставных бюрократов. Поэтому совещание решило остановиться на варианте достаточно многочисленного (400–500 человек) постоянного представительства, которое решили назвать Государственной думой, заимствовав название из проектов М.М. Сперанского. Автор этой конструкции С.Е. Крыжановский, согласно его воспоминаниям, тогда уже понимал неизбежность того, что через непродолжительное время Дума осознает себя как парламент. Иначе говоря, исходная идея, с которой соглашался Николай II, о создании себе советника в законодательных делах, на которого к тому же можно было взвалить часть ответственности за принимаемые решения, оказалась подмененной проектом создания оппозиционного самодержавию представительного органа с перспективой превращения его в действительный парламент, то есть окончания самодержавия в России. Безынициативный Булыгин, по мнению того же Крыжановского, не хотел разбираться в ситуации, фактически пустив дело на самотек. В результате, начав с идеи представить перед самодержавием мнение страны, власть пришла к созданию себе врага.

В начале мая 1905 г. в верхах наблюдались, по-видимому, серьезные колебания относительно характера будущего народного представительства. Николай II не говорил «нет» никому, а в отношении плана Земского собора проявлял некоторый интерес. Это давало Кирееву иллюзии, что его Собор имеет шансы на осуществление. Неожиданно, на очень непродолжительное время, надежды Киреева получили действительные основания.

17 мая в Петербург пришла весть об ужасной катастрофе — полном разгроме эскадры адмирала Рожественского в Цусимском проливе (само сражение произошло 14–15 мая). Столь катастрофическая военная неудача поставила под сомнение перспективу продолжения и без того несчастной и неудачной для России войны. Но никто не хотел брать на себя ответственность за признание поражения. Тут и вспомнили о планах Земского собора — почему бы не передать на его усмотрение вопрос о продолжении военных действий или признании поражения и заключении тяжелого мира⁶⁰. По-видимому, в дни между 18 и 23 мая было составлено не-

⁶⁰ 19 мая 1905 г. А.В. Богданович записала в дневник со слов Н.А. Мордвинова (директора канцелярии МВД по дворянским делам), пришедшего от Булыгина, что власти «собираются созвать Земский собор немедленно», на один день, чтобы решить вопрос о продолжении войны (*Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 350).

сколько проектов созыва Земского собора⁶¹. Отличаясь в деталях, они исходили из одних установок. Выборы в той или иной степени предполагалось организовать на сословных началах с использованием прихода как низшей избирательной ячейки (для иноверцев — их церкви) и некоторых цензах (например, оседлости или имущества). Собор следовало созвать максимально быстро — уже в августе 1905 г. из нескольких сотен (от 200 до 1000) депутатов. Лишь в одном варианте (№3) был представлен список из 10 вопросов, которые следовало задать Собору. Речь шла о продолжении русско-японской войны, о внешних займах, о реформе местной власти и местного самоуправления, а также о мерах по поднятию благосостояния народа и успокоения страны. Различия в проектах касались в основном порядка проведения выборов. Детальной проработки избирательного процесса не содержалось ни в одном из них, что делало маловероятным решение о немедленном созыве Собора. Скорее всего, следует говорить о растерянности власти после цусимской катастрофы.

Чаша политических весов качнулась в сторону Собора на очень краткое время. Уже 23 мая Николай II препроводил на рассмотрение Совета министров сообщения об учреждении Государственной думы, подготовленные комиссией Булыгина⁶², полученные им 17 мая⁶³. Составленный Крыжановским проект предполагал создание в России постоянного двухпалатного законосовещательного учреждения, состоящего из учреждаемой Государственной думы и реформированного Государственного совета, давая возможность самодержавию лавировать между ними в случае необходимости⁶⁴.

24 мая 1905 г. булыгинский проект и проекты созыва Земского собора были обсуждены на Особом совещании при Совете министров под председательством Д.М. Сольского. Срочного решения требовал лишь один вопрос — продолжать ли войну с Японией и кто будет отвечать за последствия такого решения. Тем не менее за Собор на совещании однозначно выступил лишь Д.Ф. Трепов, другие участники с большей или меньшей степенью критики, но отвергли его в пользу булыгинской Думы. Лейтмотивом опасений можно считать слова Булыгина: «Проект[ы] о Земс[ком] соб[оре] ведут к конститу[ции, Собор] обратится в Учред[ительное] собрание»⁶⁵. Эти же документы были переданы для рассмотрения в Совете министров, которое продолжалось с 26 мая по 28 июня. Собор с трудом допускался сановниками лишь как средство подтвердить условия мира с Японией⁶⁶. Основное внимание участников дискуссии было отведено проекту учреждения Государственной думы.

Отрицательная реакция бюрократов на проекты Земского собора еще не означала, что они были окончательно похоронены. Уже после начала обсуждения булыгинского проекта в Совете министров, 28 мая Киреев встречался с императрицей Александрой Федоровной.

⁶¹ Четыре проекта, помеченные № 2–5, сохранились среди бумаг великого князя Александра Михайловича (РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 167. Л. 65–77); три из них представлены в фонде министра просвещения В.Г. Глазова (РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 251).

⁶² Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 142.

⁶³ А.Г. Булыгин — великому князю Александру Михайловичу 20 мая 1905 г. // ОР РНБ. Ф. 482. Оп. 1. № 270.

⁶⁴ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 132–134.

⁶⁵ Цит. по: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 146; Ганелин Р.Ш. «Совещание при Совете министров» 24 мая 1905 г. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. Л., 1987. С. 127–142.

⁶⁶ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 147.

«Они (царь и царица) опасаются, чтобы “совет” земли (Земск[ий] собор) не возмутился против царя, не превратился в констит[уционную] камеру. Я объяснил, что все будет зависеть от того, из каких элементов будет составлен З[емский] соб[ор]. Объяснял, что если элементы эти будут консервативны, то нечего опасаться, но я допускал серьезность и даже опасность этой операции, хотя считал ее необходимой. Царица еще два раза возвращалась к опасности, чтобы Земск[ий] собор не превратился в парламент, я все то же возражал, что ежели З[емский] собор будет составлен на консервативных началах, то он не представит опасности<...> Она слушала меня с большим и благосклонным вниманием»⁶⁷.

Трудно судить, какое влияние оказала встреча Киреева с молодой императрицей, но он сам отметил, что уже на следующий день его начал обхаживать князь М.С. Путятин, влиятельный царедворец и один из авторов актов 18 февраля 1905 г. А 6 июня Николай II в своей речи перед депутацией земско-городского съезда (12 человек) говорил о союзе царской власти и земли: «Моя воля — воля царская созвать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»⁶⁸. В этих словах самодержца можно усмотреть определенное влияние Киреева. Сам генерал воспринял царские слова как обещание созвать Земский собор. В любом случае, категорического «нет» на свои земско-сборные планы Киреев в июне не услышал. Значит ли это, что для Киреева не было еще все потеряно? Можно предположить, что Николай II, склонный колебаться в большинстве ответственных решений чуть ли не до последней минуты, еще не принял окончательного решения и разворот от булыгинских планов к Земскому собору нельзя исключить при определенном стечении обстоятельств. Другое дело, что такие обстоятельства так и не сложились.

Киреев еще пытался настоять на своем. Несмотря на все обсуждения, в начале июля у царя на столе лежало два проекта созыва народного представительства — МВД и киреевский⁶⁹. Однако один из главных защитников Собора Д.Ф. Трепов поменял позицию и проголосовал 28 июня за учреждение Думы в булыгинском варианте. Дворцовый комендант уже включил Думу в свои планы. 1 июля он обратился к царю с запиской о необходимости срочных реформ, подготовку которых он будет контролировать. Нольде поручалось доработать проект учреждения Думы, а заседания ее, по разумению генерала, для спокойствия следовало перенести в пригороды столицы. Сольский должен был наметить основы реформирования Государственно-го совета, Иксуль — создания объединенного правительства — Совета министров⁷⁰.

Демарш Трепова подкрепил Сольский, встретившийся с Николаем II 4 июля. Целью Сольского было преодолеть несочувственное отношение монарха к булыгинскому проекту. Пугая самодержца ростом революции, Сольский прямо заявил ему, что скорейшее учреждение Думы необходимо и что, несмотря на отсутствие

⁶⁷ Дневник А.А. Киреева. Запись 28 мая 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 44–45. Ср.: Царица «два раза, настойчиво, меня спросила могу ли я отвечать за то, что это не поведет к конституции, к смутам? Я ответил оба раза, что нет, что это дело опасное, но сравнил наш политический организм с телом, у которого кисть руки охвачена антоновым огнем. Приходится сделать опасную операцию!» (А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину 1 [июня] 1905 г. // См. наст. изд. С. 81.

⁶⁸ Цит. по: *Ольденбург С.Ф.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 286.

⁶⁹ Дневник А.А. Киреева. Запись 8 июля 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 59 об.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–2; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 160.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

формальных ограничений в законе самодержавной власти, ей придется действовать «с особой осмотрительностью», стремясь не вступать без серьезных оснований в конфликты с будущим народным представительством⁷¹. По-видимому, события первой недели июля окончательно склонили Николая II к выбору булыгинского проекта. 8 июля он поручил Иксулю отредактировать проект Учреждения Думы⁷², а на 19 июля было назначено первое заседание Особого совещания для его обсуждения, получившее название Петергофских совещаний.

В дальнейшем планы созыва Земского собора поднимались еще несколько раз. Это было связано с планами правых упразднить законодательную Думу и вообще большинство уступок, данных 17 октября, которые они считали чрезмерными. Время от времени также возникали планы созыва Собора наряду с Государственной думой. Например, для возвращения Думе законосовещательного статуса и для того, чтобы создать в народном представительстве консервативную опору самодержавной власти⁷³. Однако ни одно из подобных предложений не было воплощено в жизнь. Если на излете первой русской революции власть еще могла размышлять о необходимости поддержки выборных в судьбоносных решениях, то после того, как она решилась на государственный переворот 3 июня 1907 г., стало ясно, что подобная опора ей уже не нужна. Сам же Киреев продолжал сожалеть о том, что планы учреждения Земского собора так и не получили воплощения в удачный, как ему казалось, момент, но возвращение к ним в будущем даже для него выглядело малореальным.

⁷¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. С. 160–162.

⁷² Там же.

⁷³ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 625. Л. 506–50н. Несмотря на резолюцию Д.Ф. Трепова, что записка эта представляет «выдающийся интерес», она не имела никакого результата.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Приношу Вам глубокую благодарность за ваше любезное письмо и вместе с тем усерднейше прошу Вас извинить меня, что я в свое время не отозвался на Вашу брошюру о классической системе¹, доставленную мне через князя П.Н. Трубецкого², и не поблагодарил Вас за этот знак внимания, в высшей степени для меня ценный. Когда я получил Вашу брошюру, я был занят спешною и срочною работой, а потом я был совершенно поглощен всевозможными семейными заботами и хлопотами, так что писать обстоятельно было совершенно некогда, а ограничиваться коротенькою запиской мне не хотелось, и я изо дня в день откладывал письмо до более благоприятного времени, о чем немало и искренне жалею.

Примите же теперь, многоуважаемый Александр Алексеевич, хоть запоздалое выражение моей глубокой благодарности за сообщение Вашей интересной брошюры. Позвольте вместе с тем просить Вас принять одну мою записку, посвященную тому же вопросу, как и Ваша брошюра³. Я старался, как умел, оградить классическую систему от обычных несправедливых нареканий, которым она теперь подвергается, и указать истинную причину неуспешности наших классических гимназий, равно как и других средне-учебных заведений. В московском дворянском собрании, для которого моя работа предназначалась, она успеха не имела, да, признаюсь, я и не ожидал иного отношения, кроме отрицательного, и писал главным образом потому, что участвовал в комиссии и был обязан высказать свой взгляд на дело. Решаюсь, кроме того, поднести Вам одну небольшую свою работу по толкованию текста богослужебных книг, предназначаемую в пособие учителям начальных школ⁴. За нею должен был следовать целый ряд подобных изданий, но обстоятельства до сих пор не позволяли мне продолжить начатую работу и, думаю, долго еще не будут позволять взяться снова за это дело. В настоящем же виде этот фрагмент имеет, конечно, мало практического значения, и если я позволяю себе представить его Вам, то только в надежде, что, может быть, самая задача покажется Вам не лишненною некоторого значения.

Обе свои брошюры посылаю отдельно, заказною бандеролью. Адресую, как и письмо это, просто в Павловск.

Вы изволили упомянуть в письме своем о нескольких брошюрах, Вами посланных для доставления мне, но я получил только одну, о которой я упомянул. Очень бы желал знать, каких вопросов касаются прочие и куда они направлены, чтобы мне их разыскать. Ваши статьи читаю всегда с большим интересом и сочувствием, особенно то, что Вы пишете о старокатоликах. На днях еще в «*Богословском вестнике*» читал Ваш ответ профессору Керенскому⁵ и сожалел только о том, что эта статья появилась в таком малораспространенном издании. Было бы чрезвычайно полезно, чтобы с нею могли ознакомиться более широкие круги. Особенно важно было бы, чтобы получили широкое распространение Ваши мысли о разных богословских «течениях» наших — течениях, которые при всей своей сравнительной новизне и при довольно очевидной зависимости своей от богословия западного, преимущественно римского, так часто стремятся отождествлять свои излюбленные воззрения с самою сущностью православия. Не одним старокатоликам эти школьные построения стоят поперек дороги к соединению с церковью, но и многим нашим отщепенцам. Борьба с ними, т. е. выяснять их частный, не общецерковный характер, безусловно необходимо для прояснения нашего религиозного сознания, для устранения тех недоразумений, которые столь многих смущают и отталкивают от церкви. Нельзя не пожелать, чтобы Ваш голос, к которому прислушиваются со внима-

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

нием и представители нашего официального богословия, заставил кого следует вникнуть в этот вопрос. Ведь здесь кроется корень большей части болезненных явлений, которыми страдает наша русская церковная жизнь.

Позвольте также от всей души приветствовать Ваши замечания о вреде цензурной опеки для выяснения вопросов, волнующих верующую совесть. Честь и слава редакции академического журнала, обыкновенно такой боязливой, что она допустила печатное выражение таких необычных для нашего духовного мира мыслей. Вообще за последнее время с «*Богословским вестником*» в этом отношении происходит какая-то непонятная перемена. Он решается печатать такие вещи, которые, казалось бы, должны считаться безусловно нецензурными по господствовавшим доселе понятиям. Так, читали Вы, напр[имер], статьи Заозерского в сентябрьской и ноябрьской книжках⁶ и статью Тихомирова в январской книжке?⁷ Как бы ни относиться к высказанным в этих статьях мыслям по существу, но нельзя не признать, что в них содержится очень решительная, определенная, а подчас и резкая критика нашего синодального строя. Чем объясняется возможность появления такой критики в подцензурном духовном журнале? Махнул ли на все рукою маститый страж и блюститель нашего церковного благочиния или цензура почуяла какие-либо новые веяния? Казалось бы, судя по тому, что доходит к нам в Москву, что таким веяниям неоткуда подуть. А все же хотелось бы верить, что и в данном случае нет дыма без огня.

Очень ценными показались мне приводимые Вами извлечения из труда покойного Болотова о filioque. Хотелось бы знать, где эта работа напечатана и можно ли ее достать⁸. Писания наших богословов большею частью печатаются в таком ограниченном числе экземпляров, что почти тотчас после появления своего в свет обращаются в библиографическую редкость, да и узнать об их появлении бывает нелегко.

Кончаю тем, с чего начал — благодарностью за Ваше письмо и усердную просьбою снисходительно отнестись к моему непростительному молчанию по поводу Вашей брошюры, так любезно мне доставленной.

Кланяюсь Вам и прошу верить моему глубокому уважению и душевной преданности.

26 марта 1904 г.

Ваш покорный слуга
Фёдор Самарин.

P.S. Усердно прошу извинить, что по слабости зрения пишу на машинке.

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 1—3.

31 марта 1904 г.

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Брошюры Ваши и Ваше письмо я прочел с величайшим интересом. Я вижу, что мы совершенно тождественно смотрим и на классическую систему образования и на необходимость сделать слово Божие сколь возможно более доступным тем, для которых оно писалось.

К сожалению, наши взгляды не разделяются теми, от которых зависит решение затронутых Вами вопросов. Среднюю школу, искалеченную Ванновским⁹, намереваются «исправить» по рецепту нового педагога кн[язя] Мещерского¹⁰ (Гоморры князь и гражданин Содома, попадающий в педагоги!), тут уже не «*risum teneatis amici*», а «*lacrymas*»!¹¹ Грустно это, конечно, но особенно грустно то, что мы входим в такую

эпоху, такой стадий нашей истории, в котором самые лучшие индивидуальные силы, энергичнейшие старания отдельных лиц будут уничтожены разнузданными силами стихийными; силами, с которыми умом, аргументами ума бороться нельзя, потому что стихийные силы не рассуждают и рассуждать не могут, ибо рассуждать им нечем. Удержать их можно лишь подавляющим авторитетом, «престижем», а к несчастью, в России ничего подобного ни у кого налицо не имеется. Ни у кого не будет отдельного человека вроде Бисмарка, Штейна, Гладстона¹², ни у коллективно взятого правительства, ни у самого царя.

Как из этого положения выйти и можно ли выйти? Многие из умных людей, близко к царю стоящих, думают, что даже «на их краткий век не хватит»!

Мне кажется, что выход есть! Позвольте мне прислать записку, которую я год тому назад представил царю. Я получил разрешение отпечатать ее в очень ограниченном числе экземпляров¹³, но ее по выкраденному экземпляру у кого-либо из лиц, кому я таковой передал, перепечатали в Праге и я приобрел, хотя и нелегальным путем, возможность передавать ее и таким лицам, которые не вошли в список, мною представленный в цензуру¹⁴. Очень бы желал знать о ней Ваше мнение.

Мысль, мною проводимая, — необходимость возвращения к государственному укладу московского периода, т. е. к «земскому самодержавию» (конечно, *mutatis — mutandis*)¹⁵.

Не помню хорошо, какие брошюры я Вам послал (у меня их остается немного, к сожалению), посылаю Вам кое-что снова с покорнейшей просьбою возвратит мне заказную бандеролью те из них, на которых будет помечено, что я прошу их возвратить. Прежде посланные были адресованы в Москву на Ваш нынешний адрес. К сожалению, бандероль была не заказная и теперь уже этих брошюр не достать; мне остается пожелать, чтобы они попались в руки грамотного человека, может быть, он обратится в славянофила.

Благодарю Вас за сочувствие, высказываемое Вами моим мыслям, в особенности — мыслям, относящимся к ст[аро]католичеству. И этот вопрос, как и многие другие, не двигается с места и едва ли двинется, хотя мне удалось расположить к нему царя. Но против него стоит Победоносцев; кроме того, его не понимают наши иерархи и большинство наших присяжных богословов, против него пишут и те богословы, которые хотят «сделать карьеру». Я получаю, впрочем, массу писем даже от совершенно не известных мне людей, заявляющих мне о своем сочувствии ст[аро]католицизму, но которые не решаются даже и письма свои подписывать своим именем. Мне и два епископа сказали: «Да! Вам хорошо, Вы — придворный генерал, до Вас не доберутся». Несомненно, что число самостоятельно мыслящих и смело пишущих богословов уменьшилось за последнее время. Вместе с этим съезжилась и мысль.

При таких условиях, конечно, ст[аро]католический вопрос не двигается. В особенности не двигается он после ответа нашего Св[ятейшего] Синода всел[енскому] патриарху, ответа плачевно-грусливо-казенного, то, что французы называют «pitoyable»¹⁶, написанного тем же еп[ископом] Сергием, который нагородил такой вздор в своем ответе мне и Мишо. Вся беда в том, что у нас не умеют понять разницу между учением древней вселенской церкви и новейшими постановлениями, сплошь да рядом отменяемыми нашими же церквами (хотя бы, напр[имер], в вопросе о перекрещивании р[имско]-католиков).

Вы говорите, что к моему голосу прислушиваются — да, но разве у нас мысль легко превращается в дело? Это на моей памяти случилось однажды — 19-го февраля, и только. Реформа судебная и освободительная война [18]76—[18]78 год[ов], введенные наперекор славянофильским основоположениям, не удались! А ведь реформа церковная несравненно труднее: царь, который ей сочувствует (он и ст[аро]ка-

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

толичеству сочувствует, я с ним не раз об этом говорил), недостаточно силен, чтобы выступить решительно с ясной и определенной программой. Его запугивают (Победоносц[ев]), грозят ему новым расколом, уговаривают его «*quieta non movere*»¹⁷ (Победоносцев), а где эти «*quieta*»?¹⁸ В одной из моих статей я сравнивал эту quietis с замерзшей рекой: на поверхности лед, полное спокойствие, но тем стремительнее движется под ним вода; а мы блуждаем по этому льду, блуждаем со слепыми глазами, ощупью огораживая проруби и полыньи, не замечая, что самый лед-то, на котором мы стоим, тает, тает не по дням, а по часам! Вы не можете себе представить, как трудно работать в петербургской атмосфере, а ведь приходится работать именно здесь — ежели стараться, ежели хлопотать о том, чтобы избежать надвигающуюся катастрофу.

Пишу я Вам, как видите, с полной откровенностью, как будто мы были знакомы с Вами сто лет... Письмо Ваше и Ваши брошюры дают мне повод думать, что мы стоим на одной и той же и религиозной и политической почве.

Пожалуйста, присылайте все, что Вами будет написано!

«*Богословский вестник*» печатает статьи гораздо более смелые, нежели другие журналы, но это дело случайное, зависящее от местных причин, главнейше — от недостатка систематичности действий нашей духов[ной] цензуры, в данном случае оказывающегося благотворным!

К сожалению, у меня нет брошюры Болотова о filioque. Она появилась в «*Revue Internationale de Filioque*» (Berne [v] 1898 году) за подписью «*Von einem russischen Theologen*»¹⁹. Ничего лучшего по этому вопросу не существует. Но добыть его можно лишь приобретя весь год «*Revue*» (Berne, prof[essor] Michaud), а это обходится [в] 16 франков. Пожалуйста, не стесняйтесь писать мне на машинке, тем лучше!

Сегодня же высылаю Вам брошюры заказной бандеролью.

Искренне Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 36. Л. 134–136 об.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Опять я кругом виноват перед Вами, опять я должен просить Вашего снисхождения к моей крайней неисправности в переписке. Причина все та же: мне не хотелось ответить кратко, а писать обстоятельно я не имел никакой возможности, потому что был совершенно поглощен своими семейными хлопотами и заботами. С шестой недели великого поста и до конца апреля у меня не переводились в доме больные, которые меня немало беспокоили и которые требовали ухода: сначала захворал сын, потом старшая дочь. Только что они оба поправились, начались хлопоты и волнения по случаю экзаменов сына, потом переезд в деревню и т. п. Только теперь, живя в деревне, я начинаю отдыхать от всех этих хлопот и принимаюсь за занятия и за переписку, так непозволительно запущенную. Здесь и в других отношениях живется спокойнее: не доходит та масса тревожных слухов, которые в Москве точно мухи в ушах жужжат и мешают на чем бы то ни было сосредоточиться мыслью; не приходится вести и тех невыносимо тяжелых разговоров о войне и современном положении нашем, которые так мучительны своею бесплодностью, постоянным ощущением, что мы все как в потемках блуждаем и тщетно ищем друг у друга опоры, поддержки и ободрения. В последние три месяца до того все друг друга измучили, что просто хочется остаться одному, в занятиях искать отвлечения от современности, которая так нас всех подавляет, и набраться терпе-

ния, бодрости и спокойствия, чтобы быть готовым ко всему, что может еще предстоять нам в ближайшем будущем.

Прежде всего позвольте от всей души поблагодарить Вас за Ваши письма, особенно за первое, в котором Вы так горячо и ярко изображаете Ваше отношение к нашей современной действительности и с такою откровенностью, прямотой и полнотой высказываете Ваш образ мыслей. Высоко ценю эту откровенность, чрезвычайно дорожу согласием и единомыслием с Вами и потому прошу позволения ответить Вам с тою же прямотой и откровенностью. Этого требует и важность вопросов, которых Вы касаетесь в Ваших письмах и в Ваших брошюрах, и самое стремление к возможно полному единомыслию. Смею думать, что мы действительно стоим на одной почве — религиозной и политической — но именно это-то и дает возможность, более того, обязывает смело касаться тех вопросов, по которым возможно между нами разномыслие, говорить без обиняков, недомолвок и умолчаний, которые только плодят недоразумения и поддерживают ту умственную неурядицу, которая у нас теперь царит. Все это пишу в объяснение и оправдание того, что в дальнейшем будет речь не столько о том, в чем я безусловно с Вами согласен, сколько о тех сторонах Вашего воззрения, которые во мне возбуждают сомнения и по которым я бы желал получить от Вас некоторые разъяснения.

Брошюру Вашу «Россия в начале XX столетия», о которой Вам угодно знать мое мнение, я прочел и перечел с особенным вниманием. Она заинтересовала меня и своею основною мыслью, которую я вполне разделяю, и многими отдельными замечаниями и соображениями, а также приведенными выписками из письма гр[афа] Воронцова. Но не буду останавливаться на том, с чем я согласен, а перейду прямо к тому, что в Вашей брошюре вызывает, на мой взгляд, сомнения и возражения.

Прежде всего, никак не могу согласиться с Вами в оценке книги Чичерина, которая подала Вам, по-видимому, повод написать Вашу брошюру. Вы говорите, что это сочинение обратило на себя внимание «серьезностью своего содержания и строгой выдержанностью полемических приемов»²⁰. Вы находите далее, что «с содержанием первой части [этого сочинения], представляющей весьма умеренную и объективную оценку всем известных фактов, нельзя не согласиться»²¹. Не соглашаясь с теми мерами, которые Чичерин предлагает для лечения обнаруженной им общественной болезни, Вы считаете его однако «прекрасным диагностом»²². В свое время, прочитав книгу Чичерина, я вынес совсем другое впечатление. Теперь, чтобы проверить себя, я опять ее просмотрел и, признаюсь, еще более утвердился в прежнем своем мнении о ней. Никак не могу считать серьезным трудом книгу, исполненную крайне поверхностных, необоснованных суждений. Не могу хвалить полемические приемы, которые состоят главным образом в резких выражениях и отзывах о государственных и общественных деятелях и в докторальных приговорах, расточаемых направо и налево. Не знаю, в чем Вы усматриваете умеренность и объективность Чичерина; все, что он говорит, наоборот, проникнуто страстью и пристрастием, доводящими его иногда до полного ослепления. Недоумеваю, как Вы со своей точки зрения можете согласиться с той оценкой нашей действительности, какую находим у Чичерина; казалось бы, что многое в этой оценке должно бы находиться в решительном противоречии с Вашими воззрениями. Чтобы обосновать свое мнение о книге Чичерина, я бы должен был представить подробный разбор ее, проследить шаг за шагом все ошибки, пристрастные, несправедливые отзывы и произвольные утверждения. Здесь, в письме, сделать это, конечно, невозможно. Я позволю себе только обратить Ваше внимание на те страницы чичеринской книги, на которых ее недостатки, по-моему мнению, проявились особенно ярко. Вспомните, напр[имер], что он говорит о Положении о земских начальниках (стр. 49—53) и о мировых судьях. Я вовсе не безус-

ловный защитник закона 12 июля 1889 г.; думаю, что упразднение мировых судей было крупной ошибкой, и, тем не менее, я никак не могу признать справедливыми и основательными утверждения, будто со введением земских начальников у нас суд заменен «полнейшим произволом», будто Положение о земских начальниках было «одним из самых необъяснимых актов в истории», т. е. будто оно ничем решительно не было вызвано, будто мировые судьи были каким-то идеальным учреждением, свободным от всяких недостатков, никогда и нигде не возбуждавшим неудовольствия: будто в этом учреждении служили чуть не безвозмездно ([Чичерин говорит:] «нашлись на местах люди, которые взяли на себя эти обязанности») и во всяком случае работали во имя идеи, а не ради жалованья. Все это, по-моему, несправедливо, ибо с одной стороны, новое учреждение чрезмерно и без достаточного основания унижается, смешивается с грязью совершенно незаслуженно, с другой — старое столь же незаслуженно идеализируется. Получается фальшивое освещение действительности. Перечтите далее страницы, посвященные крестьянскому делу ([стр.] 59–61), и скажите, можно ли признать основательной и серьезной критику, которая до такой степени увлекается своею предвзятою идеей, что даже не считается с хронологией и, вопреки здравому смыслу, приписывает обеднение крестьян и голодовки, закону о неотчуждаемости крестьянской наделной земли, изданному в 1893 г[оду]²³, забывая, что крестьянское обеднение начало очень резко сказываться уже во второй половине 70-х годов (вспомните книгу Янсона, вышедшую в 1879 г., и вызванную ею полемику²⁴), а голодовки, на которые указывает сам Чичерин (если не принимать даже в расчет таких годов, как 1868, когда бедствие распространилось на весь север, и 1873 и 1880 г., когда была поражена вся Самарская губерния), начались с 1891 года. Не менее поразительно суждение Чичерина по еврейскому вопросу. Забывая, что антисемитизм — явление повсеместное, где только евреи многочисленны, что враждебное к ним отношение проявлялось и в средние века и в древнем мире, Чичерин смело и докторально заявляет, что ограничительные меры против них у нас принимались «без всякого повода» и что в Малороссии народ с евреями «сживается очень хорошо» и от присутствия их богатеет. Можно не одобрять принятия нашим правительством меры по еврейскому вопросу, но утверждать, что самого вопроса нет, что он чуть ли не правительством же выдуман, это, по-моему, верх увлечения. Увлечение предвзятой мыслью и стремление во что бы то ни стало и во всем без разбора сваливать вину на правительство и на так называемую бюрократию приводит Чичерина подчас к довольно очевидным и резким противоречиям с самим собою. Так, на стр. 79, желая доказать, что не было никакой надобности в чрезвычайных мерах против революционной партии, он утверждает что в царствование Александра III «не было ни смут, ни покушений», а дальше (стр. 85) мы читаем, что «социалистическая пропаганда», которая вызвала реакцию, «продолжала служить ей главной опорой» (очевидно, по связи речи, при Александре III) и что вследствие этой пропаганды полиция «лучшего себе оправдания не могла найти».

Я бы мог привести еще много подобных выдержек в подтверждение своего взгляда на труд Чичерина, но, кажется, и того, на что я указал, уже довольно, чтоб объяснить, почему эта книга представляется мне произведением очень несерьезным, поверхностным и далеко не объективным и почему я никак не могу признать вместе с Вами, что «со взглядами автора (т. е. Чичерина) на настоящее положение дел трудно не согласиться»²⁵. Взгляды эти я считаю, напротив, в высшей степени односторонними, и основываться на них при решении вопроса о том, где исход из нашего положения, было бы опасно.

Таким образом, я расхожусь с Вами в исходной точке. Вы признаете правильным поставленный Чичериным диагноз нашей общественной болезни и утвержда-

ете, что причина болезни в том, что «бюрократический строй <...> начинает изнашиваться; он распарывается по всем швам, он уже явно отстает от усложненных и разнообразных требований народной и государственной жизни отсюда, — полагаете Вы, — и всеобщее недомогание, всеобщее недоверие к “завтрашнему дню”»²⁶. Между тем, диагноз этот представляется мне весьма спорным. Само первое положение, — что бюрократический строй оказывается теперь несостоятельным, — едва ли может считаться не подлежащим сомнению. Если бюрократия могла восстановить равновесие в бюджете, привести наши финансы в такое блестящее состояние, в каком они никогда не были, ввести золотое обращение, справиться с таким небывало колоссальным предприятием, как винная монополия, и заведовать железнодорожным делом во всяком случае не хуже частных предпринимателей, то не знаю, какие могут быть основания, чтобы утверждать, что бюрократическая машина работает теперь хуже, чем 40, 50, 60 лет тому назад? Напротив, она как будто даже идет вперед, старается поспеть за народными потребностями и жить с «веком наравне». Возьмите другую область — сравните состояние государственных имуществ, в особенности казенных лесов, лет двадцать — тридцать тому назад, и теперь: здесь огромное улучшение, которое нельзя никак отрицать даже при совершенно отрицательном отношении (которое я лично разделяю) к общему направлению деятельности Министерства государственных имуществ и земледелия. Наконец, вспомните, в каком положении было переселенческое дело лет двадцать тому назад и как правительство к нему относилось, и скажите, неужели и здесь нет существенного шага вперед? Знаю, что и теперь дело это поставлено недостаточно широко и твердо, но разве можно даже сравнивать то, что делается теперь, с прежними порядками? Я бы не хотел, конечно, чтобы слова мои поняты были Вами, как идеализация бюрократического строя в принципе или как безусловное восхваление правительственной политики; я указываю все эти факты лишь в доказательство той мысли, что нынешняя наша бюрократия вовсе не хуже действует, чем прежняя, и что она справляется даже с такими задачами, которые были совершенно не под силу прежней административной машине или перед которыми та останавливалась в былое время. Если же все это так, то можно ли корень нашего современного недуга видеть в упадке бюрократического строя?

Но если даже допустить, что бюрократическая машина наша в настоящее время оказывается в большей или меньшей мере несостоятельной, то все же трудно, кажется, в этом видеть причину того «всеобщего недомогания», о котором Вы говорите. Если бы было так, то Чичерин был бы прав и в предложенном им способе лечения. Все дело будто бы в том, что бюрократия уже не может справиться с делом, которое она ведала до сих пор; так дайте ей отставку, поставьте на ее место другие силы, призовите к работе свободные общественные элементы, и дело должно пойти на лад. К сожалению, наша действительность совсем не дает основания для тех радужных надежд, которые возлагаются многими на привлечение общества к участию в государственных делах. Начать с того, что у нас, как Вы сами замечаете (стр. 12)²⁷, нет разницы по существу между бюрократами и людом неслужащим; между ними нельзя провести сколько-нибудь определенной границы. Значит, с переменой «режима», как принято теперь выражаться, властью будет орудовать тот же класс, что и теперь. Но «все дело в условиях их работы», — говорите Вы и указываете при этом на «безответственность бюрократа»²⁸. Почему, однако, губернатора, исправника, полицмейстера, податного инспектора и т. п. Вы считаете менее ответственными, чем председателя земской управы, городского голову, предводителя дворянства? Казалось бы, наоборот, что для первых ответственность ощутительнее и чаще проявляется, чем для вторых. Если Вы имеете в данном случае в виду собственно министров и их склонность прикрываться высочайшими повелениями, то подобное явление вовсе не

составляет исключительной особенности нашего бюрократического строя; оно встречается и при парламентском режиме. Посмотрите хоть на Францию: разве там есть действительная ответственность министров? Разве палата не вмешивается на каждом шагу в управление страной, даже в суд? Вспомните хоть дело Дрейфуса. И это не случайно: знаменитая теория разделения властей на практике не применима, и едва ли где-либо применяется. С другой стороны, и при самодержавии вовсе не неизбежны те явления, которые у нас так часто теперь повторяются. Сущностью самодержавия вовсе не требуется отождествление самодержца с правительством; напротив, нет ничего вреднее и опаснее для идеи самодержавия как подобное отождествление. Поэтому вмешательство самодержца в текущие дела, — я говорю о вмешательстве по личному почину и ради проведения личных взглядов или ради прикрытия авторитетом самой верховной власти распоряжений министерских, должно бы быть явлением чрезвычайным, исключительным, в интересах самой власти. Следовательно, «безответственность» должностных лиц вовсе нельзя считать непременно принадлежностью «бюрократического» порядка управления в противоположность тому строю, при котором орудует властью не особый класс, к тому специально призванный и занимающийся этим делом, как своим ремеслом, а само общество.

Лучшим доказательством тому, как мало зависит ход общественных дел от условий, в которые поставлены люди, если люди те же, могут служить наши общественные учреждения — дворянские, земские, городские. Если посмотреть на них беспристрастно, со стороны, то трудно отрешиться от мысли, что они также переживают некоторый кризис и притом кризис, обусловленный причинами внутренними, а вовсе не внешними условиями, в которые эти учреждения теперь поставлены. Всякому, близко стоящему к делу, видно, что учреждения эти теперь просто не в силах сами справиться с делом, которое на них лежит, что дело это постепенно ускользает из их рук и попадает в руки опять-таки бюрократии, только не носящей мундира и не получающей чинов и орденов. На долю же мнимых руководителей выпадает по большей части лишь показная сторона — политика, агитация. Я вовсе не хочу сказать, что среди земцев нет людей дельных и работников способных (достаточно указать хоть на Шипова²⁹), но я утверждаю, что земство как общественное учреждение, как самоуправляющаяся единица оказывается несостоятельным, бессильным исполнять свое прямое назначение и от этого ударяется в политику. Обыкновенно несостоятельность земских учреждений у нас объясняется внешними стеснениями, враждебным отношением правительства и т. п. Нисколько не желая защищать политику правительства в отношении к нашему земству — политику еще более вредную для власти, чем для самоуправления — я все-таки не могу видеть в ней причину тех ненормальных явлений в жизни и деятельности земства, которых не отрицают самые ярые земцы. Отсутствие людей, равнодушное отношение к делу, склонность все сваливать на платных работников — все это черты, которые нетрудно заметить и в прежних земских учреждениях, действовавших по закону 1864 года; да и теперь они проявляются совершенно вне всякого соответствия с внешними условиями и ограничительными мерами, которым земство подвергается. Скажем, напр[имер], в устройстве путей сообщения, в организации содействия крестьянскому и частновладельческому хозяйству земство не встречает никаких препятствий сверху, а между тем как раз эти две стороны земского дела всего слабее развиты. Да если бы корень всех нестроений общественных был исключительно в отношении правительства к местному самоуправлению, то чем же объяснить бездеятельность всех наших частных обществ, научных, благотворительных и научно-практических? Они могут действовать довольно самостоятельно в той области, которая им отмежевана,

но обыкновенно они спят непробудным сном; если же просыпаются, то только для какого-нибудь скандала, разыгрывающегося на почве личных отношений или имеющего политическую подкладку. Вспомните хоть недавние происшествия в московском Обществе сельского хозяйства.

Итак, общество наше не в силах справиться даже с тем делом, которое ему теперь предоставлено и которое оно может ведать самостоятельно. В этой, отмежеванной ему области оно оказывается совершенно несостоятельным. Я говорю, конечно, об обществе, не об отдельных лицах, которые могут здесь или там действовать более или менее успешно. Я хочу указать на то, что общество, как союз бытовой, свободный и органический, у нас бессильно, более того, что его у нас нет, ибо то, что у нас носит это название, в сущности, не достойно его, ибо это — не более как «людская пыль», по удачному выражению [И.Л.] Горемыкина. В этом, по-моему, наш главный, коренной недуг, а не в господстве бюрократии. Будь наше общество иное, и бюрократия не была бы так вредна, может быть, даже она была бы только полезна.

Если же все дело в бессилии общества, бессилии, зависящем от причин внутренних, а не внешних, то едва ли можно возлагать надежды на возможность исцеления нашего государственного организма путем предоставления общественному элементу более или менее широкого участия в государственных делах. Можно ли думать, что те общественные классы, из рук которых теперь валится местное самоуправление, были бы способны вести управление всем государством? Если в губернии и уезде дело переходит мало-помалу в руки того, что принято у нас называть «интеллигенцией» или третьим элементом, то и во главе всероссийского представительного собрания неизбежно окажется тот же «элемент», и русский народ попадет из рук одной бюрократии в зависимость от другой, еще худшей и более опасной, ибо она будет выдавать себя за излюбленных народом людей и свои фантазии будет проводить как волю народа. Это будет лженарод и лжеправительство, и эта лесь будет горше прежней.

Вот почему я и считаю в настоящее время безусловно опасным и вредным созыв какого бы то ни было всероссийского представительного собрания, будь то общеперсского земства по проекту Чичерина, будь то «Земского собора». Думается мне, что при нынешних обстоятельствах не следует даже в отдаленной перспективе указывать на возможность и желательность такого собрания. В особенности же нахожу рискованным заводить речь именно о «Земском соборе». Этот термин, по-моему, способен породить самые нежелательные недоразумения и наделать много бед. Когда говорят о какой-нибудь палате представителей, постановления которой должны бы быть обязательны для верховной власти, то по крайней мере ясно, чего желают, к чему ведут дело. Вокруг этого знамени сплотятся только несомненные и сознательные конституционалисты. Образцом и крайнею целью для нашего государственного развития ставится в таком случае парламентский строй в той шаблонной форме, которая теперь стала, так сказать, общеевропейским достоянием. Иначе обстоит дело, когда лозунгом служит «Земский собор» как учреждение совещательное и притом долженствующее осуществить некий особый, своеобразный тип государственного устройства. В этом случае указывают обыкновенно в качестве образца на земские соборы московского периода нашей истории. Но беда в том, что эти соборы не были учреждением в обычном смысле этого слова. Это было явление бытовое, не успевшее еще окрепнуть настолько, чтобы все его черты окончательно определились и чтобы оно связалось наглухо с народной жизнью. Его можно было бы воскресить, только воскресивши весь быт, весь уклад народной жизни XVI и XVII веков. Угадать, какую бы форму земские соборы приняли теперь, если бы не было перерыва предания, невозможно: в самой постановке такого вопроса кроется

внутреннее противоречие. Ведь те самые исторические условия, которыми создана наша современная жизнь, были причиной того, что земские соборы прекратили свое существование, не успев развиться. Значит, современная наша действительность не обладает как раз теми условиями, которые необходимы для воссоздания старинного нашего земского собора и, наоборот, в ней есть много такого, что ставит такому воссозданию почти непреодолимые препятствия. Если же так, то ссылка на земские соборы, созывавшиеся 250 и 350 лет тому назад, в сущности, весьма мало уясняет, что такое будет то представительное собрание, которое теперь желали бы созвать под этим наименованием. Ссылка эта тем менее разъясняет дело, что относительно характера и значения наших старинных соборов в исторической литературе взгляды, как известно, далеко не установились. Ведь и Вы сами, хотя указываете, что «*Земский собор не имеет ничего общего с парламентом ни по составу, ни по способу созыва, ни по правам, ни по назначению*» (стр. 34–35)³⁰, но не поясняете даже в самых общих чертах сущность этого важного различия. Правда, Вы отмечаете одну положительную черту Собора, которая отличает его от парламента: «*парламент, — говорите Вы, — стесняет волю самодержца, а Земский собор ее освещает*»³¹. Но ведь весь вопрос в том, как этого достигнуть, т. е. как сделать, чтобы у Собора не было поползновения ограничивать власть самодержавную, а чтобы царь с своей стороны смотрел на участие Собора в государственном деле не как на стеснение своей власти, а лишь как на наиболее для нее надежную опору. Для этого совершенно недостаточно сказать, что Земский собор есть и будет учреждением совещательным, мнения которого для верховной власти не обязательны. Сколько бы ни твердить это, но если в обществе, представители которого будут задавать тон на Земском соборе, сложились иные понятия об отношении народного представительства к верховной власти и об его правах и обязанностях, то трудно рассчитывать, чтобы эти понятия не проявились в деятельности Собора и не отразились на действительных его отношениях к власти. В нашем же обществе, при полном отсутствии твердых или даже сколько нибудь определенных положительных политических идеалов, именно господствует отрицательное отношение к верховной власти, как она у нас исторически сложилась, и этим только общество и объединяется в политическом отношении. Ввиду такого настроения общества и правительство, и сами государи все более забывают о земском характере верховной власти у нас, об ее тесной связи с землею и в своем недоверии к народу, о котором они судят по обществу, доходят даже до того, что склонно усматривать единственную надежную опору власти в штыках и картечи... Не думаете ли Вы, что при таких условиях Земский собор в настоящее время сыграл бы у нас ту же роль, что Генеральные Штаты 1789 года во Франции?³² Между тем, не подлежит сомнению, что термин этот значительно облегчил бы введение у нас представительных учреждений: все нерешительные, колеблющиеся элементы, все умеренные люди скорее соединятся под флагом Земского собора, чем под другим, более прямо и резко выражающим идею участия народа в государственном деле; да и сама верховная власть, если бы обстоятельства ее вынудили или она сама пришла к убеждению в необходимости подумать о перемене «режима», тоже, вероятно, скорее решилась бы идти по пути, который, по-видимому, устраняет опасность резкого разрыва с прошлым, и сулит даже как будто не расшатать порядок, веками выработанный, а укрепить его, подложив под него новое основание. Вот почему я считаю этот термин опасным в настоящее время и могущим породить недоразумения. Самая его неопределенность, неясность и спорный характер того учреждения, которое им обозначается, помогли бы объединиться и сойтись на нем таким элементам русского общества, которые иначе едва ли станут действовать заодно в политических вопросах. Такой союз оказался бы на руку, конечно, только

тем, которые в Земском соборе видели бы первую ступень конституционных учреждений, первый шаг по пути к парламентаризму.

Итак, созвание в настоящее время какого бы то ни было представительного собрания, — будь то палаты депутатов с конституционными правами, будь то совещательное учреждение, хотя бы под именем Земского собора, — представляется мне нежелательным и опасным. Но этого мало: мне думается, едва ли следует указывать на Земский собор даже как на окончательную цель нашего политического развития, которая может быть достигнута лишь в будущем, путем постепенного улучшения наших порядков (*Россия в нач[але] XX столетия*. [Прага, 1903]. Стр. 15). Пусть об этом рассуждают политические мыслители, пусть возможность или невозможность, желательность или нежелательность того политического строя, который знаменует собою Земский собор, послужит предметом теоретических научных исследований, но не будем успокаивать себя мыслью, что в слове «*Земский собор*» заключается действительное, практическое средство для борьбы с нашими общественными и государственными недугами, не будем принимать его хотя бы за указание на возможный исход из нашего современного трудного положения. Политическая программа должна, мне кажется, избегать упоминания о таких задачах, которые требуют предварительной теоретической разработки и которые во всяком случае, по мысли даже тех, кто их выдвигает вперед, должны стать предметом практических законодательных мер не в ближайшем будущем, а лишь «со временем» (*Россия в нач[але] XX столетия*). [Прага, 1903]. Стр. 34), при совершенно иных, нам не известных условиях государственной и общественной жизни. На политическом знамени должны быть выставлены цели возможно более ясные и точно определенные, пожелания и требования, достижимые при наличных условиях. Только тогда можно надеяться на успех и притом на успех в желательном направлении. Иначе легко может случиться, что мы своей цели не достигнем, а поработаем только на пользу других течений, которые сумеют воспользоваться нашим лозунгом для достижения своих, более осуществимых на практике задач.

С этой точки зрения я всецело разделяю основную мысль Вашей «записки» — что «многое у нас следует изменить, отменить, улучшить, но этого можно достигнуть и без всякой ломки, удерживая и даже усиливая наш исконный политический самодержавный строй»³³. Я не вижу только, почему надо заранее заявлять, что все подобные улучшения будут лишь переходными мерами, ступенью к организации государственного строя на иных началах, с Земским собором в качестве совещательного учреждения при царе и что только этот окончательный шаг может радикально поправить наш расшатанный политический строй (*Россия в нач[але] XX столетия*). [Прага, 1903]. Стр. 22). Законодательная работа никогда не может, — по крайней мере, не должна, — останавливаться, успокаиваться на достигнутых результатах; она всегда должна следовать за жизнью, не переставая никогда разрешать выдвигаемые общественною и государственною жизнью задачи. Поэтому всякая законодательная мера имеет в известном смысле переходное значение, и едва ли есть такая радикальная реформа, которая могла бы дать окончательное решение вопроса: он только видоизменяется и возникает в новых формах. И всего ценнее и прочнее те радикальные реформы, которые совершаются незаметно, без шума и треска, постепенно, путем целого ряда мелких по внешности, как будто переходных мер, принимаемых в силу непосредственной практической их целесообразности. Классическим примером в этом отношении может служить Англия.

Не лучше ли поэтому сосредоточивать общественное внимание на таких именно, с виду второстепенных, но по существу дела настоятельно необходимых реформах, не подчеркивая их переходного характера? Ведь если мы будем внушать обще-

ству, что предлагаемые нами меры могут дать нам только «период передышки» или «временное успокоение», то следует опасаться, что, по свойству русской природы, к ним не отнесутся достаточно внимательно и серьезно, их не оценят, а заинтересуются главным образом тою окончательной целью, к которой они направлены и для которой они должны служить лишь ступенью. В конце концов все наиболее существенное пройдет мимо ушей, а внимание общественное остановится на том, что не может быть предметом практических мероприятий в настоящее время. Так, думается мне, и в Вашей «записке» на первый план выступает, с одной стороны, критика конституционализма и парламентаризма, а с другой — мысль о вреде бюрократического строя и о необходимости замены его другим «режимом», основанным на привлечении земли — в лице Земского собора с совещательным голосом — к участию в государственных делах; что же касается тех мер, которые, по Вашему мнению, «можно бы было принять немедленно, безо всякой ломки нашего современного строя» и которые, как Вы полагаете «несомненно исправили бы многие недочеты нашего настоящего положения, удовлетворили бы многие справедливые и вполне законные желания нашего общества»³⁴ и были бы им «радостно встречены»³⁵ — то они остаются в тени.

Переходя теперь к предположениям Вашим об этих переходных мерах, которые Вы считаете необходимыми в настоящую минуту, я прежде всего скажу, что совершенно сочувствую тому общему направлению, которое в них выражается, хотя и не совсем согласен с Вами по некоторым отдельным вопросам. Но главное, на что мне хотелось бы обратить Ваше внимание, это, что в Вашем перечне недостает некоторых первостепенных законодательных мер, существенно необходимых именно для того, чтобы дать русскому обществу то успокоение, о котором Вы говорите. Возможно более широкая свобода верующей совести, некоторое обеспечение личной неприкосновенности и свободы, ограждение частных лиц от административного и судебного произвола — вот в чем теперь особенно нуждается русское общество, вот чего ему особенно недостает в настоящую пору и отсутствие чего чрезвычайно болезненно в нем отзывается. Распространяться об этом мне нет никакой надобности, потому что в этом отношении мы с Вами, конечно, безусловно сходимся во взглядах. Но меня тем более удивляет, что Вы в данном случае обошли эти вопросы молчанием. О положении нашей церкви Вы, правда, говорите, но только мимоходом, в примечании, а не в окончательных Ваших выводах и заключениях, и притом не касаетесь тут вопроса о свободе совести, хотя в других Ваших трудах Вы не раз возвышали свой голос за отмену действующих у нас в этой области законов. При этом Вы замечаете, что вопросы о положении нашей церкви и об ее отношении к государству — «прямого отношения к настоящей записке не имеют»³⁶. Думается мне, не в этом ли объяснение того умолчания, на которое я позволяю себе указывать? Если это так, то я не могу с Вами в этом согласиться: по моему убеждению, удовлетворение тех нужд и потребностей русского общества, на которые было указано выше, существенно необходимо не только принципа ради, но именно для того, чтобы выйти из переживаемого нами общественного кризиса; в этом и заключается, смею думать, тот «исход» из нашего современного положения, который мы все так мучительно ищем. Так как Вы в Вашей «записке» имеете в виду выяснить, в чем следует искать этот «исход», то, казалось бы, что Вам нельзя было бы обойти вопросов, имеющих такое непосредственное отношение к Вашей теме³⁷.

Действительно, как бы ни была сильна и тверда верховная власть, она может оказаться неспособной управлять страной и пасть жертвой внутреннего бессилия, если тот общественный класс, который служит ей орудием, без которого она не может обойтись, ибо чрез него она правит, — если этот класс относится к ней враждебно или хотя бы отрицательно и все лучшие свои надежды связывает с переменой

«режима». У нас именно так и есть: общество, а с ним вместе и правящая бюрократия убеждены, что с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления. Поэтому общество, по крайней мере господствующее в нем течение, питает коренное предубеждение против исторически сложившейся у нас формы верховной власти, а бюрократия в свою очередь старательно внушает власти, что ее судьба тесно связана с существующим порядком, что она должна его отстаивать, не отступая ни пяди, и что все попытки устранить хотя бы самые непривлекательные его стороны направлены против самого принципа, на котором у нас зиждется весь государственный строй. Так поступает бюрократия вовсе не из каких-либо корыстных побуждений, а потому, что она совершенно разделяет в принципе господствующее в обществе воззрение, а по долгу службы считает себя обязанной поддерживать власть, которой она служит. Витте это раз как-то высказал совершенно откровенно.

Нормальные отношения между обществом и властью восстановятся лишь тогда, когда общество убедится, что те стеснения личной свободы, которые оно теперь испытывает, тот произвол, от которого оно так страдает и которым так тяготится, вовсе не вытекают из самого существа самодержавия и могут быть вполне устранены без перехода к так называемому конституционному строю, а верховная власть придет к сознанию, — и внушит это своим слугам, — что предоставление возможно более широкой личной свободы и обеспечение законности в управлении не только не противоречит ее интересам, но даже служит вернейшим залогом ее прочности и наилучшим обеспечением против всякого рода революционных стремлений. Если же будет продолжаться нынешнее печальное недоразумение, то мало-помалу недовольство будет захватывать все более широкие круги, будет проникать все глубже и, наконец, та идеальная связь власти с народом, на которой все у нас пока держится, может порваться окончательно. Поэтому устранить все то, чем порождается общественное недовольство и чем питается смута, безусловно необходимо ради спасения того, что есть жизнеспособного в нашем государственном строе, для поддержания и укрепления той власти, которая выросла на народной почве и которая так много еще может сделать для блага нашего народа и всего Востока, если только освободится от предрассудков и предубеждений, на нее навязанных извне.

После этих общих замечаний обращаюсь к отдельным Вашим предположениям.

1. Для того, чтобы уничтожить или хотя ослабить ту зависимость от министров, в которой теперь находится государь вследствие личных докладов с глазу на глаз, и чтобы предотвратить возможность вольных и невольных ошибок, сознательной и бессознательной фальши в министерских докладах, Вы предлагаете, чтобы при докладе присутствовали «два, три лица (не министры), ничем не связанные с докладчиком и ни в каком отношении от него не зависящие» (см. [Киреев А.А. *Россия в начале XX столетия*. Прага, 1903.] Стр. 29).

Такая мера представляется мне неосуществимой, хотя и не по тем соображениям, которые высказывались, как Вы передаете, некоторыми сановниками. Дело в том, что министр является не только советником государя, но и исполнителем тех мер, которые принимаются по его совету; на нем лежит и ответственность как за совет, так и за исполнение, ответственность не только перед своею совестью, но перед государем и даже перед общественным мнением, как оно ни мало у нас имеет значения. Представьте же себе его положение, если государь наряду с ним и по вопросам, ему подведомственным, будет советоваться с людьми посторонними, стоящими не у дел и не несущими никакой ответственности ни за общий ход дела, ни за отдельные свои советы. Если государь примет мнение этих посторонних лиц, то министру придется исполнять то, что идет вразрез с его убеждением, может быть

даже с общим направлением его политики, и в случае успеха пожинать плоды будут сторонние лица, а ему останется только освободить им место; в случае же неудачи все легко может быть объяснено плохим, пожалуй, даже недобросовестным исполнением и на него же падет вина, а сторонние советники окажутся правы. Думаю, что такого положения не выдержит ни один порядочный министр. Да и государю будет нелегко: постоянная критика будет подрывать в нем доверие к министру, заменить которого ему, может быть, нечем или почему-нибудь неудобно; оставлять же его³⁸ в должности и вместе с тем вести дело вопреки его советам, конечно, тоже невозможно. Все это создало бы самую благоприятную почву для всевозможных интриг и опутало бы государя еще более сложную сетью.

Вместо такой постоянной критики министерских распоряжений и советов, критики, предшествующей решению государя и сопровождающей доклад министра, требовалось бы нечто иное. Было бы полезно, во-первых, чтобы все правительственные действия, не исключая тех, которые получили одобрение верховной власти, могли свободно обсуждаться обществом и чтобы такая критика не рассматривалась как действие злонамеренное и направленное к подрыву власти; во-вторых, чтобы каждый год подвергалась рассмотрению в Государственном совете или в особом учреждении вся деятельность каждого министра, поверялся бы, так сказать, его годовой отчет и обсуждались бы также советы, данные им государю. За год все-таки виднее результаты деятельности, легче судить об ее общем направлении и можно справедливее отнестись к отдельным, случайным ошибкам, а главное, критика при этом будет считаться уже с определенными действиями, а не только с мнениями. Государю же такой разбор даст, конечно, больше, чем постоянное, мелочное вмешательство сторонних людей в текущие дела.

2. Представление министрами (я прибавил бы: и обнародование) программ их действий было бы, конечно, чрезвычайно полезно: меньше было бы колебаний, противоречий и скачков в политике; самому правительству, а затем и обществу яснее было бы, куда мы идем, в чем заключаются истинные задачи и цели правительственной политики, о которых теперь приходится догадываться по разным случайным намекам и по внушенным газетным статьям. Нечто подобное программе обнародует у нас ежегодно Министерство финансов под видом доклада о государственной росписи. Почему же и другие ведомства не могли бы делать то же самое, связывая эти программы с теми отчетами, о которых было упомянуто выше?

3. Нельзя не согласиться с Вами в том, что Вы говорите о положении печати у нас и о том, как действующий у нас порядок приводит лишь к тому, что процветают как раз те органы, которые придерживаются направления совсем не желательного и с правительственной точки зрения, а писатели, которые желали бы и могли бы бороться с вредными для государства и народа течениями мысли, скованы по рукам и ногам. Совершенно справедливо требуете Вы, чтобы печать изъята была из-под административного произвола и подчинена была только закону, хотя бы и строгому. Но средство, предлагаемое Вами — учреждение особого Министерства печати, — едва ли достигнет цели: одно начальство заменилось бы другим³⁹ — и только: произвола было бы ничуть не меньше. Единственный способ вывести печать из нынешнего положения состоит в подчинении ее особым судам, которые в своих решениях руководились бы только законом и совестью своею и постановляли бы приговоры не иначе, как выслушав объяснения обвиняемого, причем ему принадлежало бы право обжалования в установленном законом порядке. Пусть это будут не общие судебные места, а особые суды, вроде так называемых административных судов, лишь бы только они не были подчинены никакому административному ведомству (они могли бы состоять в ведении Первого департамента Пр[авительствующего]

Сената как высшей инстанции административного суда) и должны были бы соблюдать известные законом установленные формы производства дел.

4. Совещания со сведущими людьми у нас и теперь практикуются в широких размерах. Важно было бы упорядочить применение этого обычая и ввести его в определенные рамки, сделав его в известных случаях обязательным и установив порядок приглашения сведущих лиц так, чтобы выбор их не зависел от произвола того ведомства, проект которого рассматривается, и чтобы эксперты были поставлены в наиболее благоприятные для успешной работы условия. Теперь вызываемые в Петербург лица обыкновенно едут туда, не зная, о чем их будут спрашивать, не имея возможности подготовиться, собрать материалы и справки. Срок для занятий им назначается обыкновенно очень краткий; о дальнейшей судьбе своих работ они большею частью ничего не знают и при обсуждении дела в высших государственных установлениях они не имеют возможности высказать свое мнение и отстоять его. Словом — это именно эксперты, которых приглашает ведомство, а надо бы поставить дело так, чтобы это были добровольные советники из лиц неслужащих, приглашаемые высшими государственными законодательными учреждениями. Еще хуже поставлено теперь дело в многочисленных и столь часто теперь созываемых местных совещаниях и комитетах. Комитеты эти не представляют ничего цельного, сплоченного, однородного: это совершенно случайные по своему составу собрания, члены которых между собою ничуть не солидарны, ничем между собою не связаны и не имеют никакого побуждения что бы то ни было сообща выработать, в чем-либо прийти к соглашению. Каждый высказывает свои личные взгляды, не стараясь убедить других и установить однообразную точку зрения на дело. При таких условиях невозможна никакая работа и отзывы всех подобных совещаний не имеют, по-моему, ровно никакой цены. К тому же работа чрезвычайно затрудняется и тем, что во главе совещаний стоит обыкновенно губернатор и в состав его входят все губернские должностные лица, т. е. люди крайне занятые своими служебными делами. Для чрезвычайной работы у них не хватает ни времени, ни сил, а между тем, они естественно первенствуют в подобных собраниях, и приглашенные со стороны частные лица склонны их считать преимущественно ответственными за результат работ. От такого рода совещаний нет никакой пользы, напротив, они, по-моему, прямо вредны, потому что преподносят правительству случайный набор мнений непродуманных, невзвешенных и не разработанных, выдавая этот мало на что пригодный материал за отзывы местных людей, за голос самого населения. Гораздо целесообразнее было бы, думается мне, вместо таких совещаний прибегать к тому способу, который так широко практикуется в Англии и который неизвестен и у нас, т. е. к производству местного опроса и исследования особыми комиссиями смешанного состава или особыми лицами, специально на то уполномоченными от верховной власти, с тем, чтобы эти комиссии или лица имели право опрашивать, кого они найдут нужным, собирать те сведения, которые они признают полезными, и чтобы они были обязаны на основании всего виденного и слышанного выработать предположения о желательных законодательных мерах. Образцом могла бы послужить хоть известная железнодорожная комиссия графа Э.Т. Баранова⁴⁰ или сенаторские ревизии Ковалевского, Шамшина и других, произведенные в 1880 и 1881 гг.

5. О необходимости административной децентрализации, на которую Вы указываете в двух словах, никто, полагаю, не станет спорить. Но для того, чтобы такая децентрализация стала возможной и чтобы она не привела к еще большему произволу, чем теперь, необходимо предварительно создать правильные административные суды. Эта мера и без того становится все более и более неизбежною, если только основное положение нашего права, что «*Российская империя управляется на основа-*

нии положительных законов» не должно окончательно обратиться в мертвую букву. На действия администрации сейчас нет управы, особенно если обвиняемое административное лицо занимает высокое положение, а жалобщик не имеет ни имени, [ни] связей, ни денег, ни покровителей. Подчинять администрацию обыкновенным судам едва ли пожелают; поэтому следует создать целую систему особых административных судов с Первым департаментом Сената в качестве высшей инстанции, поставить эти суды, в том числе и Сенат, совершенно независимо от администрации вроде того, напр[имер], как стоит государственный контроль.

6. Право ходатайства, предоставление коего населению Вы считаете необходимым, у нас существует: оно принадлежит дворянству и к правам этого сословия в этом отношении, кажется, нечего было бы прибавить. Что же касается земских учреждений, то они имеют право обращаться с своими ходатайствами не непосредственно к верховной власти, а лишь к правительству. Думается мне, однако, что просто предоставление земству того же права, каким пользуется теперь дворянство, нимало не помогло бы делу. Ходатайства и впредь постигала бы, вероятно, та же печальная судьба, что и в настоящее время. Для того, чтобы это право могло получить действительное практическое значение, надо было бы принять меры к тому, чтобы сами ходатайства возбуждались несколько более обдуманно, чем теперь, например, чтобы они излагались в форме мотивированной записки и чтобы в основу их клались материалы и фактические данные, хотя бы по одной губернии. Затем, для того, чтобы ведомства не могли тормозить ходатайства и класть их под сукно, надо сосредоточить рассмотрение их в каком-либо вневедомственном высшем государственном установлении, напр[имер], в Государственном совете, и принять за правило, что при рассмотрении каждого ходатайства должны приглашаться представители того учреждения, которым ходатайство возбуждено.

Я далеко не исчерпал, конечно, в своих замечаниях всего содержания Вашей интересной брошюры, но письмо мое и без того уже приняло размеры совершенно неподобающие и я должен просить Вас извинить меня, что злоупотребляю Вашим терпением и Вашим досугом. Знаю, что все то же самое можно было бы сказать короче без ущерба для ясности, но для этого пришлось бы переписывать и переделывать это письмо, а оно и без того непомерно запоздало. Решаюсь поэтому послать его в том виде, как оно написано, в надежде на Вашу снисходительность. Примите это длинное послание как знак искренней моей благодарности за Ваши интересные письма и брошюры, за Ваше столь лестное для меня внимание и позвольте мне в другой раз побеседовать с Вами о том предмете, который составляет содержание большей части Ваших трудов — о старокатолицизме и о нашем отношении к нему. Ваши неутомимые старания разьяснить этот вопрос — я имел о них раньше далеко не полное понятие — внушают глубокое уважение и вызывают на обмен мнений всякого, кто не может равнодушно относиться к церковным делам и к вопросам, которые выдвигаются нашею современною церковною жизнью.

Усерднейше благодарю Вас за присланное Вами на мое имя приглашение на старокатолический конгресс. Если б только был свободен и обладал бы достаточною подготовкою, непременно воспользовался бы им. Но я не могу оставить детей, да к тому же, не владея достаточно свободно ни одним из иностранных языков и не обладая специальным богословским образованием, я бы не в состоянии был принять в совещаниях деятельного участия. Хотелось бы знать, обязывает ли меня это приглашение ответить и если да, то кому и куда?

Получили ли Вы тот экземпляр моей «записки» о гимназической реформе, который я выслал Вам по Вашему желанию? Думал одно время напечатать ее отдельною брошюрой или в каком-нибудь ежемесячном журнале, но воздержался, пото-

Нестор № 3

му что, перечитав ее, убедился, что в ней много такого, что теперь уже не имеет значения (разбор проекта Ванновского), и что она, с другой стороны, не считается с положением, которое создано с лишком трехлетнею смутой в средней школе. К тому же при настоящем положении и настроении едва ли и можно сделать для школы что-нибудь путное.

В заключение еще раз прошу Вас извинить меня, что я так замедлил ответом на Ваше любезное письмо, и не посетовать на меня за откровенное изложение моих разномыслий с Вами.

Усердно Вам кланяюсь и прошу верить моему глубокому уважению и искренней преданности.

Фёдор Самарин.

Мой адрес: Одинцово (почт[ово]-тел[еграфная] конт[ора]) Московской губ[ернии], Фед[ору] Дм[итриевичу] Самарину, а после 23 июня — Ассерн (Риго-Тукумск[ая] ж[елезная] д[орога]), дача Пильцер.

11 июня 1904 г. с[ело] Измалково.

ОР РНБ. Ф. 349. № 60. Л. 4—21 об.

Опубликовано с сокращениями:

Может ли Земский собор вывести нас из настоящего нашего положения? Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариным (июнь — август 1904 г.). Харьков, 1905. С. 3—21.

29 июня 1904 г.

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Читая Ваш ответ и сличая его содержание с содержанием моей *«России в начале XIX столетия»*, я невольно припомнил замечания прин[ца] Тальрана: «Il ne faut pas voir faire — ni la cuisine, ni la politique»⁴¹. Может быть мы так отрицательно относимся — Вы — к тому, как «делается» политика в земстве, в России, я — к тому, как «делается» политика в Петербурге, — именно потому, что видим вблизи, как делаются обе политики. Думается мне, что издали и та и другая кажутся лучшими, нежели они вблизи и в действительности, в особенности политика петербургская!

Ежели бы Вы видели то шатание мысли, ту неопределенность избранной системы, ту случайность мероприятий, в особенности те влияния, которые царят в Петербурге, — Вы бы непременно стали на мою сторону... Хуже быть не может, может быть только или так же худо или лучше. Я именно теперь переживал тяжелые минуты, благодаря тому, что делалось и сделалось в области нашей церковной жизни (что и было причиной замедленности моего ответа), но об этом позже.

Того, что я говорю в начале моей статьи о книге Чичерина, именно вступительные любезности — я, конечно, отстаивать не буду, они были личного свойства, а к книге его, к идее в ней заключающейся я отнесся, кажется, довольно отрицательно и строго. Вы говорите, что и полемические приемы у Чичерина не хороши! Vous etes bien bon!⁴² Много ли Вы найдете русских писателей, умеющих «куртуазно», не говорю уже научно-объективно, полемизировать?! У нас без «крепких слов — нельзя», умеренность же Чичер[ина] я вижу в том, что он не требует для России парламентарного правительства, а Вы не можете себе представить, до чего конституционализм, даже

парламентарный, преуспевает у нас в Питере! Но перейдем к центральной идее — к оценке пригодности или непригодности (и я думаю, полной непригодности) нашего современного бюрократического строя. Я (как и Чичерин) признаю его изнашившимся. Ведь в сущности это основной вопрос. Нужно ли перестраивать наше политическое жилище? Вы указываете на финансы. Это дело сложное. Можно уметь орудовать, вертеть капиталами, ловко выжимать их — это одно! Быть хорошим хозяином — дело совершенно другое. Для народа важно второе. Когда Сульц, оставленный Наполеоном в Испании без денег, писал императору, требуя денежных средств, Нап[олеон] ответил ему: «*Vous ne savez pas tout ce qu'on peut trouver chez les gens les plus pauvres. Faites leur rendre gorge et v[ous] verrez!*»⁴³ Наш Чемберлен⁴⁴ — Витте именно так и поступил. Деньги явились, но у мужиков пропали лошади и коровы; явился громадный бюджет, но и громадные долги! Леса, конечно, дают более дохода, но ведь просто благодаря тому, что их начали пошире эксплуатировать и т. д. Все растет... Есть и улучшения, вопрос в том, растем ли мы и улучшаемся благодаря правительству, — или несмотря на него?

Я цитирую где-то Вашего дядю, Юр[ия] Феод[оровича], право, его слова: «**Коренной разницы между бюрократам и помещиком мало, наденет мундир — бюрократ, наденет халат — помещик**»⁴⁵; я даже думаю, что по личному составу бюрократия ничуть не ниже земства или неслужащего дворянства, напр[имер], Плева — человек ума выдающегося (хотя не понимает своего положения). Повторяю, бюрократия наша сама по себе недурна, но мундир стал узок, сделался тришкиным кафтаном и перестал вселять нам доверие, а без него (дов[ерия]) управлять нельзя.

Я служил 4 1/2 года в московск[ом] земстве — тогда блестящем; думается мне, что и теперь найдутся люди способные и бескорыстные; ведь раса осталась та же (хотя культурности меньше). Но вот эти способные люди перекочевали в оппозицию, стало много разночинцев, уровень общий понизился; но ведь я и не думаю советовать броситься в объятия земству, но думаю, что и в его среде, как и в среде дворянства, найдутся молодые силы, способные поднять, подпереть правительство, придать ему «престиж», обаяние, которые ныне утрачены, а без авторитета управлять нельзя, — как нельзя [управлять] и без программы; англичане говорят «*method is soul of business*»⁴⁶. Этой души деятельности налицо не оказывается, это вот и есть причина всяких бед.

Вы говорите (и доказываете), что в поганом французском правительстве, при архипарламентарном строе, совершаются гадости, глупости... Еще бы! «*Mais Vous voulez convertir un Saint*»⁴⁷. Я отнюдь не рекомендую подражания этим западным порядкам, при которых министерский произвол если не так груб, то так же возможен, как и при нашем строе. Но я полагаю, что именно при самодержавии настоящий контроль министров и возможен.

Что у нас земство делает немного — это неоспоримо, но не происходит ли это просто от его бедности? Кажется, Добролюбов говорил: «*Отчего мы бедны? Оттого, что глупы! Отчего мы глупы? Оттого, что бедны!*» В значительной степени это относится и до земского самоуправления. А знаете ли, что Дальний Восток нам уже обходится около 1 1/2 миллиарда рублей ([?] война еще не начиналась)⁴⁸.

Не подлежит сомнению, что Земские соборы не созданы Иоанном⁴⁹ ex nihilo, что материалы для них были [в тогдашней Руси] налицо, что они явились нормальным развитием народной жизни XVI ст[олетия], но я не согласен с Вами в том, что (если не ошибаюсь) Вы говорите об их прекращении. Они прекратились насильственно (Петром Велик[им]) и мне кажется, что те источники народных сил, которые дали возможность создать их в середине XVI ст[олетия], еще если не налицо, то под спудом и, mutatis mutandis⁵⁰ могли бы быть вызваны к жизни.

Вы яснее многих из моих критиков (у меня много сторонников, но и много критиков, и притом из двух противоположных лагерей) указываете мне на трудности исполнения моей программы и даже вообще на отсутствие точной и полной программы. Да! Но у меня ее и не может быть, потому что я орудую с неподдающимися анализу силами — ведь я писал *ad usum Delphini*⁵¹. В каждую известную минуту «*modus agendi*»⁵² был бы различен в зависимости от различной степени податливости этих сил. Я предполагаю перестройку не иначе как с согласия и при участии верховной власти. В этом и сила и слабость всего моего плана действий. Он не может быть применяем против воли верх[овной] власти. Конечно, то, что представилось бы возможным как первый шаг к осуществлению моей мысли, был бы усиленный⁵³ Государственный совет и децентрализация экономических и административных интересов (кажется, «совещание» идет верным путем). Это [во] всяком случае «достижимо» при настоящих условиях.

Читая Ваше письмо и сличая с «*Самодержавием*» Д.А. Хомякова⁵⁴, я старался выяснить, в чем между нами в сущности разница (между нами, принадлежащими к одному строю убеждений и верований)? Вот в чем мне кажется (и это и послужит ответом общим на Ваше письмо). Я нечто предлагаю, затеваю нечто в Петербурге. Сообщаю об этом Дмитрию Алексеевичу, кот[орый] отвечает: совершенно Вам сочувствую, но подождите: нужно просветить носителя самодержавия. Дайте прежде ему мою брошюру, пусть научится и тогда — с Богом. За Бога, царя и отечество, с Вами заодно! Вот послал и Вам. Вы тоже сочувствуете, но говорите: наше общество незрело — не в версту таким мерам, его нужно подучить, доразвить. Кажется, так? Но ведь для этого нужно время, много времени; а его нет! *Hannibal ad portas!*⁵⁵ Ежели мое предложение опасно, то Ваши (и Ваше, и Д.А. Х[омякова]) не успеют выполниться, мы провалимся!

«Для чего заявлять об этом» (о дальнейшем плане?), — говорите Вы? Да потому, что иначе Вы не получите необходимых сил от общества (говорю о настоящих, бескорыстных, созидательных, свободных силах). *On ne se degangera pas pour moins!*⁵⁶ Ведь обещание, заявление, намек от лица самого царя могло бы иметь какую угодно, самую скромную, неопределенную форму. Я лично позволил себе предложить такую форму обращения к народу: «Благодарю за принесенные Вами жертвы, слушаю с радостью (*ad libit[um]*)⁵⁷ заявления о Ваших чувствах и буду и впредь прислушиваться к голосу моего (Вашему?) народа во всех вопросах, которые я сочту необходимым передать на Ваше предварительное обсуждение» Конечно, возражения могут быть различные, в зависимости от обстановки. Ежели бы я думал, как, по-видимому, думаете Вы, что время есть — я бы, конечно, не торопился, но вот именно я полагаю, что времени мало, очень мало!

Вопрос о церкви — первенствующей важности, я о нем не говорю в «*России*», потому что говорил о нем лично и незадолго до представления записки имел случай разъяснить (подробно) представителю мирской власти, что он ни в каком случае не должен мнить себя руководителем церкви, ни под каким видом не должен вторгаться в дела церкви, что он должен ограничиваться одним: устранением препятствий, встречающихся на ее пути. Меня выслушали вполне сочувственно, а на днях вся рабская зависимость нашей церкви от мирской власти, вся ее трусливость, беспомощность проявилась в полнейшей мере, в высшей мере. Без протеста была зарегистрирована отмена правила (церковного, но основанного на прямом указании Христа), по которому после развода сторона виновная в прелюбодеянии не имеет права вступления в брак! Этим снимается последняя узда с сидящего в каждом человеке зверя, последнее стеснение, которое еще кое-как, с грехом пополам, могло защитить нашу церковь от обвинений в том, что она попирает ногами ясное запрещение Христа не расторгать

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

того, что соединено Богом! Завет ясен (так его и понимает мир римско-католический и старокатолический). Запрещение всупать в брак преступнику давало и действиям нашей церкви некоторый вид законности, теперь этого более нет, мы прямо и явно нарушаем волю Христа! Мирская власть завладевает храмом. Разве это допустимо? Где же была при этом наша церковь? Принимается мера первостепенной важности, вводящая еще больший (новый) элемент разрушения в наш расшатанный донельзя семейный быт. Победоносцев представляет царю две пустячные справки — и мера принята! И церковь молчит, точно воды в рот набралась! Ежели один епископ, на которого я рассчитываю для поднятия гласного протеста, промолчит, то и делать нечего! Да и бежать некуда! И ежели бы Вы знали, какими глупыми, подлыми, оппортунистическими поводами стараются замаскировать это преклонение перед «цезарем», Вы бы поняли, почему у нас религиозно настроенные люди идут в толстовцы, хилковцы, чертковцы, шуваловцы и почему я не верю в жизнеспособность нашего строя.

Очень Вам благодарен и за сочувствие в единомыслии и за откровенность в разномыслии.

Искренне Ваш
А. Киреев.

Извините небрежный вид письма: спешу на спор с нашими академиками, предлагающими уничтожить «Ў», «•», «Ө» и «і». Некультурные дикари.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 126—129 об.

Частично опубликовано:

Может ли Земский собор вывести нас из настоящего нашего положения? Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариным (июнь — август 1904 г.). Харьков, 1905. С. 22—25.

4—8 июля 1904 г.

Ассерн

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Третьего дня телеграммой уведомил я Вас, что письмо Ваше получено мною. Оно пришло в один день с Вашей «открыткой», на несколько часов только позже. Еще раз усердно благодарю Вас, что Вы так скоро отозвались на мое длинное послание. Я опасался, что оно, пожалуй, не застанет Вас в Павловске, а мне очень хотелось возможно скорее знать Вашу отповедь на мои замечания по поводу Вашей брошюры. Вопросы, Вами возбужденные, так животрепещущи, так настойчиво напоминают теперь о себе, что выяснить их сколько-нибудь, прийти по поводу их к соглашению, хотя бы в тесном кругу лиц, в общем единомысленных, несомненно было бы в высшей степени важно. При теперешней разногласице даже небольшая группа людей, договорившихся до конца и спевшихся по наиболее острому, жгучему вопросу нашей внутренней политики, представляла бы уже некоторую общественную силу. Вот почему я решаюсь, рискуя до смерти надоест Вам, опять вернуться к той же теме, которой было посвящено последнее письмо мое, — о Земском соборе, конституции, самодержавии и проч[ем]. Мне бы хотелось именно разъяснить некоторые недоразумения, которым я, может быть, сам дал повод, и тем самым устранить некоторые возражения против моей точки зрения.

Прежде всего, хотя я и далеко стою от средоточия власти, но вовсе не восторгаюсь тем, как теперь «делается» наша внутренняя политика. Я имею все-таки достаточное

понятие о наших современных правительственных порядках, о нашем современном политическом и административном строе, и, думается мне, недостатки в этой области вижу не хуже, чем в более близкой мне области местного управления. Мне хотелось только указать на то, что едва ли можно видеть основную причину наших нестроений в «упадке» нашего бюрократического строя. По моему мнению, наша правительственная машина действует теперь не хуже, чем прежде, а, может быть, даже лучше, что, конечно, еще не доказывает ее безотносительного достоинства. В этом смысле, и только в этом, я указывал на целый ряд крупных мероприятий — большей частью финансового свойства, — осуществленных за последнее время. Не входя в оценку этих мероприятий по существу, я только обращал внимание Ваше на тот факт, не лишенный, по моему мнению, значения, что наша бюрократия сумела справиться с такими трудными и сложными задачами, которых раньше наше правительство никак не могло разрешить и которые, будучи нележки сами по себе, усложняются еще во много раз внешними условиями нашей государственной и народной жизни.

Вы говорите: «бюрократия наша сама по себе недурна, но мундир стал узок, сделался тришкиным кафтаном, и перестал вселять нам доверие, а без доверия управлять нельзя». Но позвольте спросить Вас: когда же бюрократия наша пользовалась народным или хотя бы общественным доверием? Глубокая вера в верховную власть соединялась у нас, напротив, обыкновенно с крайне отрицательным отношением к ее слугам, к той среде, которая служила орудием власти и посредником между нею и народом. У нас всегда господствовало убеждение, и не только в крестьянстве, что царская мысль и царская воля, пройдя через эту посредственную среду, непременно искажаются, нередко до неузнаваемости. В этом отношении современное настроение не представляет ничего нового, небывалого. Что действительно ново, это все более распространяющееся у нас отношение к верховной власти. Все шире становится круг лиц, утративших веру в эту власть, относящихся к ней безусловно отрицательно, даже враждебно. Прежде такие лица встречались только в высших слоях общества, теперь таким отрицательным отношением прониклись широкие слои так называемой интеллигенции, а через нее яд просачивается понемногу, тонкими струйками и в народные массы. Если и там удастся подточить исконную веру в царя, то революция неизбежна. Вот, мне кажется, где опасность, а вовсе не в том или ином состоянии бюрократии. Если же так, то трудно ожидать какой-либо пользы от мер, направленных к тому, чтобы привлечь к участию в государственных делах представителей общества: при нынешнем настроении это может повести только к ряду столкновений между общественными представителями и властью, а затем и к революции.

Итак, повторяю, я вовсе не восторгаюсь нынешними нашими правительственными порядками, но, вместе с тем, никак не могу признать, чтобы в них обнаруживалась непригодность для настоящего времени действующей у нас административной машины или проявлялась изношенность нашего бюрократического строя. Машина работает не хуже, чем прежде, может быть даже лучше в некоторых отношениях, а состояние государства все же крайне тяжелое и опасное. Причина зла таится, по моему, гораздо глубже и простым усовершенствованием правительственного механизма помочь тут нельзя, а можно даже повредить. Иных усовершенствований не вынесет наш государственный организм в нынешнем своем состоянии.

Перехожу к другому Вашему замечанию, которое, по Вашим словам, должно служить общим ответом на мое письмо. Сдается мне, что и тут есть некоторое недоразумение. По крайней мере, я не могу признать точною ту формулу, в которой Вы выражаете сущность той мысли, которую я старался развить в первом своем письме к Вам. Вы говорите, что я сочувствую Вашим предположениям, но вместе с тем делаю такую оговорку: «наше общество незрело, не в версту таким мерам, его надо подлечить,

доразвить». Между тем, я обращал внимание, помнится, не на недостаточное развитие нашего общества, а на его отрицательное отношение к исторически сложившемуся у нас общественному и государственному строю, с одной стороны, и на недоверие власти к обществу — с другой. При наличии таких отношений всякое, самое элементарное народное представительство должно иметь неизбежным последствием борьбу между властью и представительным собранием, и в этой борьбе, конечно, победа останется на стороне общественного элемента. Поэтому Земский собор, как Вы его понимаете, представляется мне в настоящее время немислимым, если только не видеть в нем первого шага к установлению у нас парламентаризма.

Для того, чтобы общество «подучить, доразвить», нужно, конечно, много времени, но я ведь не о том говорю. С моей точки зрения, нужно постараться теперь прежде всего и главное всего о том, чтобы убедить общество (на деле, а не на словах только), что самодержавие вполне совместимо с той долей личной и общественной свободы, которая теперь стала безусловно необходима нашему обществу и без которой оно не может жить сколько-нибудь нормально. Если бы этого удалось достигнуть, то, думается мне, наше общество стало бы совсем иначе относиться к самодержавию и ко всему существующему политическому и общественному строю, оно бы помирилось с ним, вышло бы из состояния вечной, глухой оппозиции, проявляющейся по всякому удобному и неудобному случаю, сделалось бы способным к совместной с правительством работе, а тогда и сама власть перестала бы относиться к обществу с тем до мелочности доходящим недоверием, которое так сковывает теперь развитие общественных учреждений и даже личной самодеятельности. Итак, я вовсе не предлагаю подождать, пока общество созреет и разовьется, а нахожу, что надо теперь же, возможно скорее, принять целый ряд крупных мер для того, чтобы показать на деле, что самодержавие вовсе не связано неизбежно и по самому существу своему с теми современными порядками, которыми по справедливости тяготеет русское общество и ради которых оно так враждебно относится к самодержавию. В такого рода мерах, по-моему, теперь самая главная настоятельная необходимость, а вовсе не в представительных учреждениях, каковы бы они ни были. Без подобных мер представительные учреждения, которые теперь были бы введены, послужили бы не к упрочению власти, а к ее окончательному разрушению и к торжеству смуты.

Вы говорите: «времени нет»; но ведь и Вы сами, сколько я понимаю, не советуете немедленно созвать Земский собор, а указываете на него лишь как на отдаленную перспективу, для настоящей же минуты предлагаете ряд мер, польза которых далеко не сразу может обнаружиться и которые, во всяком случае, менее способны успокоительно подействовать на умы, чем то, что я предлагаю. Следовательно, в этом отношении между Вашими предположениями и моими существенной разницы нет. Но независимо от того, я не думаю, чтобы была такая крайность принимать поспешные решения. Да, положение наше несомненно очень серьезно, но сколько времени еще оно может так протянуться без окончательного крушения — об этом судить мудрено. Так уже давно я только и слышу от всех людей осведомленных, что «дальше дела так идти не могут», что «мы накануне полного политического крушения» и т. п., а мы, глядишь, все еще держимся, и держимся какими-то неведомыми судьбами. Думаю, что и теперь, при всей неопытности кормчего, мы, Бог даст, минуем благополучно те подводные камни и скалы, которыми усеян наш путь. Во всяком случае, я не могу согласиться, что при теперешнем положении надо скорее решаться на всякую меру, которая может из него вывести, хотя бы эта мера сама по себе была опасна. Теперь еще есть возврат, возможность поворота в другую сторону, возможность установления такого порядка, при котором доверие к власти

восстановится, и сама власть будет опираться на сознательное сочувствие широких кругов русского общества; если же произойдет «перемена режима», если только произнесено будет слово «народное представительство», то при теперешнем настроении это будет понято всеми, как удар самодержавию, как начало новой, конституционной эры и тогда авторитет власти, исторически сложившейся, будет быстро падать и действительная власть весьма скоро перейдет к той общественной группе, которая и сейчас стоит во главе движения, враждебного всему существующему государственному строю. Возврата к органическому развитию не будет. Революции будут настезь отворены двери.

На этом, собственно говоря, надо бы остановиться и не злоупотреблять более Вашим вниманием. Но, перечитав еще раз ваше письмо, я не могу не коснуться еще некоторых соображений Ваших, которых я никоим образом не могу разделять и которыми Ваша точка зрения, по-видимому, существенным образом определяется.

Доказывая, что «в среде земства, как и в среде дворянства, найдутся молодые силы, способные поднять, подпереть правительство, придать ему “престиж”, “обаяние”», Вы ссылаетесь на Ваши воспоминания о Вашей деятельности в среде московского земства и выражаете уверенность, что «и теперь найдутся люди способные и бескорыстные», так как «ведь раса осталась та же, хотя культуры меньше». Вы полагаете только, что «эти способные люди перекочевали в оппозицию, стало много разночинцев, уровень общий понизился».

Не могу, к сожалению, разделять этих надежд. Прежде всего, я не могу согласиться с тем, будто «способные люди перекочевали в оппозицию»⁵⁸. Где они, эти способные государственные и общественные деятели так называемого оппозиционного лагеря? Я знаю там только одного, действительного дельного и незаурядного человека, это Д.Н. Шипов, но даже и его назвать крупным государственным деятелем трудно. Все же остальные «деятели» получили некоторое политическое значение только благодаря правительству, которое само раздуло их слова и дела и возвело их на пьедестал, ими совершенно незаслуженный. Затем, «способные и бескорыстные люди», может быть, и есть, но общественным делом они мало интересуются. Они большей частью заняты или личными своими делами, или профессией, или службой. Свободного времени у них хватает ровно настолько, чтобы зайти на часок-другой в земское собрание или городскую думу, послушать, что там делается, и, в лучшем случае, вставить в прения и свое слово, основанное на впечатлениях, вынесенных из тех же прений. От участия в комиссиях, от изучения какого-нибудь вопроса, словом, от работы они обыкновенно уклоняются. Не иначе отнесутся они и к государственным делам. Произносить речи они, конечно, станут, но чтобы они стали работать над разрешением насущных вопросов, выдвигаемых народной жизнью — этого от них не ждите. Они не могут бросить своих дел, своей профессии, своей службы. Ни адвокат, имеющий серьезную практику, ни врач, пользующийся сколько-нибудь известностью, ни фабрикант, у которого на руках торгово-промышленное предприятие, не могут пожертвовать своим делом ради дела общественного. Для них пропустить один день — иногда значит потерпеть огромные убытки самому и нанести нередко непоправимый ущерб целому ряду лиц, интересы которых от них зависят или так или иначе с ними связаны. Землевладельцы, конечно, в ином положении, у них всегда, в силу естественных условий, остается несколько месяцев сравнительно свободных. Но этот «род людей» теперь, как известно, «не в авантаже обретается». Во многих местностях он исчез совсем (земля перешла в руки торгово-промышленного класса или крестьянства), в других он сильно растаял и остатки его переживают такой тяжелый кризис, что о делах общественных думать не приходится; да и помимо того, этот класс, при всех своих «доблестях», всегда мало проявлял способности к упорной, буд-

ничной, черной работе. В значительной его части и доселе много барства, лени, нерасположения к труду и поверхностного отношения ко всякому делу. Белоручки способны, пожалуй, на временное, мимолетное увлечение, даже на подвиг, но не годятся для правильного, непрерывного, систематического труда и поэтому не могут вести общественное дело. Вот почему теперь даже там, где дворянство еще довольно многочисленно и не совсем разорено, оно идет в хвосте у так называемой «интеллигенции», которую оно же само всячески бранит и презирает. Те работают, хорошо ли, плохо ли, а дворяне только кричат и волнуются. Таким образом, руководящая роль в общественных учреждениях достается теперь, — и достается по заслугам, — именно той неопределенной, крайне растяжимой среде, к которой принадлежат все, живущие личным трудом и оторванные от того общественного строя, из которого они вышли. Эти современные «изгои» объединяются только своим безусловно отрицательным отношением ко всем исторически сложившимся устоям нашей русской жизни. Притом это отрицательное отношение у них не случайное, бессознательное, а возводится в принцип и служит основной нормой всей их политической и общественной деятельности. Над всем, веками созданным политическим и общественным бытом, над всеми понятиями, убеждениями, верованиями народа должен быть, по их мнению, поставлен крест, все следует перестроить заново. На каких основаниях — в этом они между собой не согласны, да по правде сказать, это мало их интересует, лишь бы только уничтожить в корне то, что есть, и начать все сызнова, порвав окончательно со всяким преданием и руководствуясь исключительно личными, теоретическими соображениями, которые в данное время будут господствовать под названием последнего слова науки. Неужели же класс, который вносит в общественное дело такие понятия, такие взгляды и стремления, способен «поднять, подпереть правительство, придать ему престиж, обаяние»? Если ему дать волю, он способен произвести революцию, но больше ничего. Для работы созидательной, творческой он не годится.

Перехожу к Вашим соображениям о том, как бы следовало ввести ту политическую «реформу», которую Вы рекомендуете. Вы полагаете, что одновременно с осуществлением тех частных преобразований и законодательных мер, которые Вами предложены в Вашей «записке», необходимо было бы «заявить» и о «дальнейшем плане», т. е. о Земском соборе. По Вашему мнению, это обещание, заявление (намек) от лица самого царя могло бы иметь какую угодно, самую неопределенную, скромную форму.

Вот в этой неопределенности я и вижу главную опасность. При теперешних обстоятельствах, не только от правительства, но и от частных лиц, когда они выступают публично, требуется прежде всего ясность, точность и определенность; иначе самые, по-видимому, невинные, самые, казалось бы, благонамеренные заявления могут послужить только на руку смуте. Действительно, тот намек, о котором Вы говорите, мог бы породить только самые опасные недоразумения. Царь скажет, положим, что он будет «впредь прислушиваться к голосу народа», разумея под этим самое большее — какое-нибудь совещательное представительное собрание, может быть даже просто усиление состава Государственного совета какими-нибудь сведущими людьми, и во всяком случае, не думая нимало отречься от своей неограниченной власти, а публика поймет это в смысле обещания конституции, парламентского строя, ограничения верховной власти, введение *suffrage universel*³⁹ и т. п. По мере того, как дело будет приближаться к практическому осуществлению неясных, но широких обещаний, будет наступать все большее разочарование в обществе, а правительство будет все более пугаться тех требований, которые будут все громче раздаваться и, пожалуй, начнет принимать энергичные меры для того, чтобы отрез-

вить эти «бесмысленные мечтания»⁶⁰. Таким образом, отношения между правительством и обществом, и теперь уже не особенно нежные, окончательно обострятся и дело может дойти до серьезного столкновения. Если же правительство, несмотря на это, попытается сдержать слово и создать какую-нибудь скромную форму для общественного представительства со строго совещательным характером, конечно, — то новое учреждение явится неизбежно средоточием и очагом всего накипевшего против правительства недовольствия и вся его деятельность будет направлена исключительно к тому, чтобы из совещательного превратиться в конституционное по шаблонному, парламентскому образцу, т. е. к захвату власти, к политическому перевороту. Смута, теперь господствующая в нашем обществе, но не имеющая средоточия и явного руководителя, получит тем самым твердую организацию и станет тем самым бесконечно опаснее и сильнее. Теперь она действует или нелегальными путями, или в обход закона, тогда будет действовать на законном основании.

В конце концов, я остаюсь при том убеждении, которое я старался развить в своем первом письме. Позволю себе еще раз выразить его вкратце. Теперь несвоевременна и опасна всякая организация народного представительства, хотя бы и не соединенная явно с ограничением самодержавной власти. Для успокоения умов, для укрепления власти, для выхода из нынешнего критического положения требуются такие реформы, которые, не затрагивая ни прямо, ни косвенно принципа самодержавия, показали бы на деле, что самодержавие по существу своему вполне совместимо с широкой свободой совести, свободой слова и с надежными обеспечениями личной неприкосновенности от произвола должностных лиц. Только таким путем можно изъять из рук политической агитации наиболее опасное оружие, которым она теперь располагает, и вместе с тем обеспечить правительству поддержку тех благомыслящих слоев населения, которые теперь, при всем отвращении своем к революционному движению, не могут открыто и решительно стать на сторону власти, потому что, сочувствуя принципу самодержавия, они вовсе не желают связывать его и себя с произволом, подавлением всякого свободного и искреннего мнения и с насилием над верующей совестью.

В конце своего письма Вы коснулись вопроса церковного и, в частности, нового закона по делам о браках разведенных лиц. Всему, что Вы по этому поводу высказываете, я безусловно и всею душой сочувствую. Разделяю Ваше негодование на слабость, трусливость нашей иерархии и на ее рабское преклонение пред мирскою властью. Думается мне, однако, что на этот раз иерархия наша повиновалась не «кесарю», а другой власти, также «суетной, земной», хоть и не вооруженной никакими средствами внешнего принуждения, — власти, перед которой наше духовное ведомство доселе, кажется, не преклонялось. Действительно, ослабления брачных уз и свободы брака для разведенных добивалась, кажется, не государственная власть; этого требовала журнальная агитация, которая велась с редкою настойчивостью и перед которою в конце концов, очевидно, спасовали наши духовные отцы и пастыри. Недаром в одном московском листке появился на днях целый гимн — полунасмешливый, полухвалебный — главному борцу за свободу развода Розанову как виновнику реформы. Как подумаешь, чей голос подействовал на наше духовное «правительство», чьим внушениям и советам оно последовало, становится стыдно и досадно! Когда его просят люди, преданные церкви, о преобразованиях в духе древней церкви в целях укрепления и возрождения церковной жизни, оно или отмалчивается, или ссылается на разные практические затруднения или на канонические правила, которых оно будто бы не может отменить и не желает нарушать; а тут оно легко, недолго думая, приняло меру, существенным образом изменяющую отношение церкви к одному из таинств, идущую вразрез со словами самого Спасителя, и все это только в угоду га-

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

зетным крикунам и кликушам, которым и дела-то никакого нет до церкви и ее таинств! Это еще хуже, чем раболепие перед государственною властью.

Чрезвычайно хотелось бы знать подробно весь ход этого позорного дела. Розанов уверяет в *«Новом времени»*, будто Синод предварительно входил в сношения с патриархами и главами автокефальных церквей. Правда ли это и что ему ответили? Кем было возбуждено все это дело? В каком составе оно решено? Неужели Победоносцев высказался за отмену запрещения? Очень был бы Вам обязан, если б Вы нашли возможным посвятить меня во все это. Мне кажется, надо бы ознакомиться с этим делом поближе и постараться, чтобы оно не прошло совсем бесследно.

Хотел писать Вам еще о старокатолицизме или, вернее, по поводу Ваших брошюр, ему посвященных, но вижу, что опять придется отложить эту тему до другого раза: письмо мое снова непомерно разрослось.

Еще раз благодарю Вас за письмо, усердно Вам кланяюсь и прошу не забывать и впредь искренне Вам преданного

Ф. Самарина.

Заказные письма надо адресовать так: через Дуббельнскую почт[ово]-тел[еграфную] контору Лифляндской губ[ернии] в Ассерн, дача Пильцера, Самарину. Для заказных писем адрес таков: через Дуббельнскую почт[ово]-т[елеграфную] контору Лифляндской губ[ернии] в Ассерн, дача Пильцера.

ОР РНБ. Ф. 349. № 60. Л. 22—29 об.

С сокращениями опубликовано:

Может ли Земский собор вывести нас из настоящего нашего положения? Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариним (июнь — август 1904 г.). Харьков, 1905. С. 25—32.

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Я уезжал в деревню к сестре в Тамбовскую губернию и лишь на днях вернулся — вот объяснение моего молчания.

Читая Ваши письма, письма Д.А. Хомякова и еще кое-кого, я досажую на отсутствие у нас органа, могущего служить для людей наших убеждений литературно-ученым центром; нас (мы с Вами спорим, но, конечно, принадлежим к одному и тому же «лагерю») все-таки набралось бы немалое количество, мы могли бы совместно работать; могли бы, мне кажется, принести некоторую пользу и церкви, и государству, но для этого нужно иметь возможность писать свободно, а вот этого-то именно наша бюрократия (которую Вы все-таки берете под свое покровительство) никогда не разрешит (и бюрократия в мундире, и бюрократия в рясе). В моем ответе я буду следовать Вашему «Ideengang»⁶¹.

Я согласен с Вами, что современная наша бюрократия не только не хуже, а даже лучше прежней, напр[имер], николаевской, но разница та, что николаевская имела «prestige», она опиралась на каменную стену, а теперешняя, опираясь на плохой заборик, не имеет и половины того влияния, которое имела николаевская. Вопрос стало быть в том, как усилить самую-то власть, на которую опирается бюрократия. Этого, мне кажется, можно именно достигнуть, стараясь извлечь, вызвать из среды самого общества здоровые силы, не участвующие ныне в администрации; иначе едва ли удастся справиться с тем процессом подтачивания, о котором Вы говорите, — процессом тем более страшным, что его сверху и не заме-

чают! Постоянным притягиванием этих здоровых сил в правительство можно спасти дело, — первым шагом к сему был бы усиленный Государственный совет.

Вы говорите, что дело состоит не в недостаточном развитии нашего общества, а в его отрицательном отношении к нашему строю, к власти. Положим. Но каким же образом помочь беде? Для этого-то и нужно сблизить на деловой почве (а не на почве церемоний и парадов) царя с народом (повторяю, для начала — хотя бы усиленный Госуд[арственный] совет под председательством царя с перспективой земского самодержавного уклада). Вы находите, что эта перспектива опасна и предпочитаете другой путь. Нужно убедить общество, говорите Вы, что самодержавие совместно с той долей личной и общественной свободы, без которой оно не может правильно жить. Но как это сделать? Если мои проекты опасны (что я вполне допускаю), то мне кажется, что Ваши *pia desideria*⁶² при настоящем нашем строе совершенно неисполнимы.

К сожалению, Вы не указываете на те «крупные либеральные меры», которыми можно убедить общество, что самодержавие⁶³ etc... Но ведь на эти меры никогда, ни под каким видом бюрократия не согласится (начиная с частичного «сокращения цензурных строгостей»). Как Вы хотите, чтобы бюрократия позволила говорить *urbi et orbi*⁶⁴, что она плоха, что за нею водятся грешки... Но ведь это было бы самоубийством, *contradictio in adjecto*⁶⁵. Как может допустить Победоносцев, чтобы я доказал яснее дня, что новый его закон незаконен ни по его проведению, ни по его сущности, что он не согласен с волею Христа! Ведь он его никогда бы и не провел гласно: он его бессовестно «эскамотировал»⁶⁶. Или, как Вы хотите, чтобы Витте позволил сказать и доказать, что его Матильда играет на бирже? Ведь тогда его покровитель, грязный педераст Мещерский не мог бы ему добыть 400 000 рублей на «бедность» при оставлении им министерства. Да даже и сам Плеве, понимающий зло, приносимое цензурой, не согласился бы на ее ослабление при настоящем положении дел! А что будет теперь, после его смерти?!!

Мы (Вы и я) смотрим различно на настоящее положение дел. Вы, кажется, полагаете, что мы еще не обанкротились, что мы можем еще двигаться по теперешнему пути, что у нашего политического паровоза есть еще немножко паров, — дай Бог, чтобы Вы были правы! Конечно, если правительство, направляясь по указываемому мною пути, выронит из своих рук вверенную ему Богом власть, то может случиться беда. Но разве она у нас и так не в виду?! Месяц тому назад статс- и кавалерственная дама (да и умная вдобавок) говорила мне, что мы не избежим конституции! А разве теперь власть не вываливается из рук правительства? А если, чего Боже упаси, министром внутренних дел будет Витте⁶⁷, то Россия окажется прямо в руках бессовестного произвола.

Вы говорите, что те способные люди, которые еще остались налицо, имеют «мало интереса» к делам государственным; но не происходит ли это от бесцельности теперешней работы? Некоторые, я таких знаю, думают: все равно мы Россию от катастрофы не убереем! К сожалению, наш великорусский характер, когда-то столь стойкий, столь упрямо деятельный, как-то расползся! Мы, современные русские, не можем понять великое значение всеобщей мелкой работы. А вот англичане умеют; у них и пословица прекрасная сложена по этому случаю: «*If each would sweep before his own door, we should have a clean street*»⁶⁸. С этим приходится считаться!

Вы совершенно верно очерчиваете роль нашей беспочвенной, зазнавшейся, полудикой интеллигенции; но администрации одной, без помощи общества и одними репрессивными мерами с нею не справиться. Говоря о том, что правительству нужно искать опоры в самом обществе, я, конечно, имел в виду не эту псевдоинтеллигенцию (ей цена — грош), а культурную часть нашего общества.

Я считаю необходимым указать обществу (народу) окончательную цель реформ (московский самодержавный строй), потому что иначе лучшие его силы откажутся работать совместно с правительством.

Я дурно выразился, говоря о неопределенности выражения воли царя (в его «обращении» к народу). Обращение должно быть ясное, но заранее нельзя определять (с точностью) размеры прав, которыми будет снабжен embryo⁶⁹ будущего госуд[арствен-ного] устройства — переформированный и увеличенный Государств[енный] совет. Дело будет зависеть от того, когда [и] при каких обстоятельствах будет обращаться царь к народу. Хорошим поводом к такому обращению было бы заключение мира с Японией, но после победы, а то и говорить нечего. Опасно! В таком именно смысле я и позволил себе дать совет, когда в конце января я имел случай видеть царя.

Конечно, всякий переход от одного режима к другому связан с опасностью, верно! Но ведь оставаться на месте тоже нельзя, скоро это топтанье будет еще более опасным! Я не знаю, какие меры (коренные) Вы имеете в виду, но я полагаю, что никакие меры, хотя бы и лучшие, не выведут нас на прямую, торную дорогу, при удержании во власти 14 самодержавных министров и главноуправляющих. *Quieta non movere* — прекрасное правило, но дело в том, что дела наши совсем не *quieta*!⁷⁰

Последний закон Победоносцева об облегчении развода, премирующий прелюбодейание, прошел благополучно. Общество не сопротивлялось, да оно и не знало о том, что дело «на мази», еще менее сопротивлялось духовенство — оно одобрило его. Вся иерархия преклонилась перед мирской властью, олицетворенной К.П. Победоносцевым, настойчиво его проводившим. С[вятейший] Синод и не думал о том, как Вы предполагаете, чтобы угодить либеральным течениям «интеллигенции», не думал *captare benevolentiam*⁷¹ разных Розановых и К°. Он просто безмолвно преклонился перед миром, отдал охотно божие кесарю! Теперь, когда постыдное дело совершено, от него все его инициаторы открещиваются, сваливают весь *odium*⁷² на соседа: Победоносцев уверяет, что дело затеяно Александром III, митр[ополит] Антоний⁷³ уверяет, что и он его «унаследовал», что он бы его не начал. Пишет он это мне в такой жалкой палинодии, что за него совестно! Точно школьник, укравший яблоки на соседнем огороде. Писал я одному иерарху, уговаривая его протестовать во имя Христа и предлагая ему свою подпись на его протест. Отвечает (после долгого молчания), что «если бы протестовать, то пришлось бы протестовать по пяти раз в год», но тогда зачем же он надел клобук да еще и панагию. А сам же упрекал ст[аро]католиков (и притом совершенно несправедливо) в том, что у них нет мученического элемента в церкви. Нет, все это дело одной нашей администрации, конечно, наша интеллигенция ликует (разные Розановы⁷⁴, Амфитеатровы⁷⁵ etc...), но инициатор — Победоносцев и, как он уверяет, Александр III (?) Синод боится его одного, интеллигентов, Розанова, Христа он не боится, к нему не относится расиновское: «*Je crains Dieu, cher Abner, et n'ai point d'autre crainte*»⁷⁶. А еще мы самодовольно высмеиваем англикан за то, что парламент у них решает вопрос о применимости или неприменимости постановлений церковных синодов к жизни. Парл[амент] дает им легальную силу. Да там, по крайней мере, миряне могли протестовать против незаконных проектов, м[ежду] пр[очим], Гладстон, а мы разве можем!! У нас церковные законы «эскамотируются»... А писать негде! Никогда еще подчинение, глупое и рабское, миру не проявлялось так ярко, никогда кесарю не отдавалось божие так наивно, как в данном случае! И идти некуда! Хочу справиться у единоверцев...

До сих пор преемника убитому Плеве еще назначают, называют кандидатов очень неподходящих: Витте! — опасного и беспринципного Мирабо⁷⁷, Клейгельса (*un homme a poigne!*)⁷⁸; Муравьева⁷⁹ (умный, но тоже бессовестный); старший из товарищей Плеве Дурново⁸⁰ — нечист на руку. Наиболее подходящий — Алексей Игнать-

Истор № 3

ев⁸¹ — имеет мало шансов. Трудно сказать, кто будет назначен, вероятно, у Мещерского есть свой кандидат, самый ему преданный — Витте. Может быть окажется какая-нибудь «dark horse»⁸²... Плеве, несмотря на свои ошибки, незаменим; это, по-моему, наш последний «козырь». Вы, вероятно, не знаете одной подробности? Он Вас очень ценил и имел Вас в виду.

Собираюсь в Ольтен.

Искренно Вам преданный
А. Киреев.

19 июля 1904

Павловск. Дворец.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 122—125.

Частично опубликовано:

Может ли Земский собор вывести нас из настоящего нашего положения? Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариним (июнь — август 1904 г.). Харьков, 1905. С. 33—35.

Ассерн, 25 июля 1904

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Вы говорите, что я не указываю тех «крупных либеральных мер», которые могли бы убедить общество, что самодержавие совместимо с тою долей личной и общественной свободы, без которой оно не может жить. Но мне казалось, что я перечислил их в первом своем письме и повторил то же указание во втором. По моему мнению, наше общество нуждается теперь прежде и больше всего не в представительных учреждениях, которыми оно интересуется весьма поверхностно и несерьезно, а в таких законах, которыми обеспечивалась бы хоть в некоторой степени неприкосновенность личности, свобода совести и свобода слова. Вот, следовательно, куда должна быть направлена преобразовательная деятельность Правительства, если оно желает сделать что-нибудь серьезное для противодействия революционной пропаганде и смуте, царящей в нашем обществе. Вы спросите, конечно, как осуществить все эти желания общества, т. е. что я разумею под свободой совести, свободой слова и неприкосновенностью личности? Действительно, это требует разъяснений, потому что об абсолютной свободе и ничем не ограниченной неприкосновенности вряд ли может быть и речь. Думается мне, однако, что между неограниченной свободой и тем полным ее отсутствием, при котором мы теперь прозябаем, есть немало ступеней, и что дело правительственного такта найти именно ту меру свободы, которая возможна и необходима при настоящих условиях. В этом смысле высказал я свое мнение весною 1903 г. покойному Плеве, при том же остаюсь и теперь. Чтобы пояснить, как я лично думаю насчет этой меры, потребовалось бы вдаваться в слишком большие подробности. Ограничусь поэтому только самыми общими указаниями.

Сравнительно проще и легче решается, по-моему, вопрос о свободе совести. Здесь надо не столько создавать что-либо положительное, сколько отменить существующие теперь стеснения. Приступ к этому, хотя и очень нерешительный, уже сделан новым Уголовным уложением, которое, если не ошибаюсь, не содержит уже никаких взысканий за отступничество от веры. Но на этом останавливаться, очевидно, нельзя: надо отменить все кары, которыми закон теперь грозит духовным лицам других исповеданий за совершение таинств и обрядов над лицами, официально причисленными к православному исповеданию, и за пропаганду своей веры. Наконец, необходимо было бы упразднить духовную цензуру, предоставив кому следует привлекать к законной ответственности лишь за оскорбление веры и церкви. Само со-

бой разумеется, что в связи со всем этим должны бы были прекратиться и разного рода административные меры, направленные к стеснению религиозной свободы или к насильственному ограждению «господствующей» церкви. Сюда относится, напр[имер], требование учебным и административным начальством удостоверений об исповеди и причащении от подчиненных и учащихся, заточение в монастырь по высочайшему повелению за преступления против веры и т. п.

Значительно труднее, конечно, найти надлежащую меру обеспечения личной неприкосновенности и создать необходимые в этом случае гарантии, не связывая притом по рукам и ногам администрацию вообще и полицию в частности. Необходимость некоторых стеснений личной свободы при настоящих обстоятельствах, когда идет форменная война между правительством и революционными партиями, не может подлежать сомнению. Однако не следует забывать, что Положение об усиленной и чрезвычайной охране, действующее у нас с 1881 года и дающее полиции самые широкие полномочия, оказалось на практике совершенно непригодным оружием в борьбе с подпольными организациями. За истекшие двадцать с лишком лет оно оказалось бессильным не только побороть эти организации, прекратить их подпольную деятельность, но даже неспособно было ослабить сколько-нибудь заметно наиболее крайние, острые проявления этой деятельности. Политические убийства за последние годы возобновились и грозят принять совершенно систематический характер истребления всех государственных людей, особенно неугодных смуте. Значит, тем путем, которого доселе держались в борьбе с революционным движением, дальше идти нельзя. Прибавить к полномочиям полиции нечего, а между тем, полиция оказывается совершенно несостоятельной. Надо, стало быть, искать другого пути и нечего бояться отмены хоть некоторых, наиболее тяжелых для неповинных лиц, полномочий полицейской власти. По теперешним законам полиция может во всякое время и по всякому поводу произвести у кого угодно обыск, арестовать тех лиц, которые ей покажутся подозрительными, продержать их сколько найдет нужным в предварительном заключении и затем выпустить на свободу, не объявляя им, что подало повод ко всем этим крайне тяжелым для них мерам, даже не требуя от них объяснений по поводу взведенных на них обвинений или подозрений, на них падающих, и не разъясняя им при освобождении, будет ли все это дело иметь для них какие-нибудь последствия или нет. Вот это не только можно, но должно было бы прекратить безусловно. Каждому лицу, у которого производится обыск или которого арестуют, следовало бы предъявлять сущность взводимого на него обвинения, предоставляя ему возможность оправдываться; на все подобные меры следовало бы дать возможность приносить жалобы какому-либо, хотя бы специальному, суду; всякому лицу, так или иначе привлеченному к делу и не подвергнутому никакому взысканию ни в судебном, ни в административном порядке, надлежало бы, по прекращении о нем дела, объявлять о состоявшемся решении, и притом также с правом обжалования или даже с правом требовать судебного разбирательства, чтобы снять с себя всякое подозрение и освободиться от полиц[ейского] надзора. Наконец, в тех случаях, когда почему-либо не признается возможным направить дело для разрешения судебным порядком, общими судебными местами, не следовало бы все-таки разрешать его исключительно путем канцелярской переписки или путем тайных соглашений между ведомствами и учреждениями. Здесь необходимо было бы своего рода судебное разбирательство. Пусть дела эти ведаются какими угодно учреждениями, специально для того созданными, лишь бы только соблюдались следующие условия:

1. Дело должно разбираться устно в присутствии самого обвиняемого и нескольких свидетелей или понятых (пусть даже в понятые берутся только люди, состоящие на правительственной службе, напр[имер], офицеры),

и 2. Обвиняемому должно принадлежать право жалобы в высшую инстанцию как по существу, так и в отношении несоблюдения формальных требований закона.

Понятно, все это я намечаю лишь в самых общих чертах и не входя в подробности; но, думается мне, что суть моей мысли ясна. Надо поставить полицейскую власть в такие условия, чтобы она, преследуя виновных и разыскивая участников преступного деяния или замысла, не привлекала бы зря, без достаточного повода, людей, совершенно невинных и непричастных к политической агитации, заставляя их терпеть без всякого с их стороны повода целый ряд неприятностей, тревог и даже весьма чувствительных взысканий. Теперь, к сожалению, все это бывает зачастую, и можно без преувеличения сказать, что власть в своей борьбе с революцией сама «плодит революционеров»: для того, чтобы изловить одного действительного участника революционной организации, она перехватывает и заподозрит сотню, если не больше, лиц, ни в чем не повинных, и, если эти лица даже отделаются благополучно, то все же тяжелые впечатления, ими испытанные, и бесцеремонность приемов, конечно, не способны будут укрепить в них приверженность к существующему порядку, а многих из них даже наверняка бросят в лагерь недовольных и врагов власти.

Менее всего поддается регламентации свобода слова во всех ее видах. Думается, однако, что и тут самое главное, что требуется, это изъять людей пишущих и говорящих из-под зависимости от произвола администрации, той самой администрации, которую они, мож[ет] б[ыть], критикуют, и предоставить над ними власть учреждениям коллегиальным, действующим на основании закона и ни от какого ведомства не зависящим. Притом порядок производства дел должен бы быть также судебный, т. е. устное разбирательство с правом обвиняемого давать объяснения и обжаловать решения в инстанционном порядке. Пусть это будут не общие суды, а совершенно специальные учреждения, лишь бы только они были и по личному [составу] и по служебному положению своих членов совершенно не зависимы от администрации, считая в том числе и Министерство юстиции. Пусть они занимают положение вроде того, какое теперь предоставлено государственному контролю.

Итак, вот те «крупные либеральные меры», которые, по моему мнению, могли бы в значительной степени ослабить существующее теперь в нашем обществе отрицательное отношение к самодержавию, которые возвратили бы самодержавию поддержку всех независимых общественных элементов, враждебных смуте, и тем самым укрепили бы власть, дали бы ей сознательных и убежденных слуг и надежных (ибо искренно преданных самому ее принципу) исполнителей и советников.

Но Вы говорите, что это все не более как *pia desideria*, совершенно неосуществимые при существующих условиях. Бюрократия, по Вашему мнению, решительно воспротивится всем этим реформам. Но ведь это возражение еще в большей степени относится к предлагаемым Вами мерам с Земским собором в перспективе⁸³. Очевидно, что и эти меры могли бы быть осуществлены не иначе, как вопреки «бюрократии». Если же Вы полагаете, что было бы возможно сломить ее сопротивление для проведения реформ, которые Вам представляются желательными, то почему же нельзя рассчитывать на то же самое для осуществления намечаемых мною гораздо более скромных мер? Мне кажется, все дело в том, чтобы сама верховная власть убедилась в необходимости реформы и серьезно потребовала ее осуществления⁸⁴. Бюрократия, как бы ни была в душе против реформ, не в силах будет их затормозить; вспомните освобождение крестьян: ведь все почти высшие сановники были против него, но оно осуществилось благодаря личному настоянию государя. То же самое было бы и теперь.

Смею думать, таким образом, что меры, на которые я указываю, исполнимы и при настоящих условиях, по крайней мере, в той же степени исполнимы, как те,

которые Вы рекомендуете. Преимущество же их перед Вашими в том, что они удовлетворяют совершенно определенным и вполне назревшим потребностям русского общества, существование и законность которых не отрицаются, полагаю, никем в принципе, тогда как действительной потребности руководить государственными делами у нас, мне кажется, нет, а есть только весьма общее и неопределенное недовольство нынешним положением и ходом дела, есть охота критиковать то, что делается, не принимая на себя никакой ответственности ни за критику, ни тем более за какие-либо положительные предложения. У нас нет ведь даже такого общественного класса, который мог бы взять власть в свои руки и стать деятельною опорой правительства или, при случае, оказать ему активное противодействие не политика ради, а для проведения своей определенной положительной программы.

Вы надеетесь, что перспектива Земского собора вызовет из среды самого общества здоровые силы, не участвующие ныне в администрации, и что тем самым произойдет сближение царя с народом «на деловой почве, а не на почве церемоний и парадов». Позволю себе опять спросить: где теперь эти здоровые силы, на которые власть могла бы опереться и которые в состоянии были бы оказать ей деятельную поддержку? Ведь так называемую интеллигенцию Вы сами исключаете из расчетов: цена ей грош, говорите Вы. А между тем не можете же Вы отрицать, что в настоящее время она, эта самая грошовая интеллигенция, задает тон нашему обществу и ведет за собой в хвосте ту самую «культурную часть нашего общества», на которую Вы возлагаете все надежды. Неужели Вы думаете, что обстоятельства переменятся, как только общественное представительство будет организовано? Напротив, то, что теперь проявляется только контрабандой, будет высказываться и навязываться правительству на законном основании, как подлинное общественное мнение нашей страны, как голос земли. То, что происходит теперь во всевозможных съездах, начиная от съезда учительского и кончая самыми специальными техническими и медицинскими, может служить, кажется, достаточным предостережением.

Но Вы опять повторяете, что ждать некогда, что надо действовать скорее, принимать такие меры, которые окажут действие немедленно, потому что власть уже и сейчас вываливается из рук правительства. Пусть так, но что же тогда наступит? По-видимому, Вы опасаетесь, что «мы не избегнем конституции». Но избегнем ли мы ее, если пойдем по пути, который Вы указываете? Этого Вы не докажете. Напротив, можно показать, что обещание Земского собора и введение представительных учреждений неопределенного характера без «точного определения размера прав» их есть именно вернейший путь при настоящих общественных условиях — к политическому крушению самодержавия, а в связи с этим и к более серьезным потрясениям.

Вот, многоуважаемый Александр Алексеевич, мысли, вызванные Вашим последним письмом. Простите, что все возвращаюсь к тому же предмету и, может быть, повторяю одно и то же. Вопросы, Вами возбужденные, так серьезны, так близко касаются всего, что наболело на душе у всех нас, что, раз начав о них говорить, трудно остановиться. А между тем, многое хотелось бы еще написать Вам по поводу того, что Вы пишете о новом законе, касающемся бракоразводных дел. Хотелось бы спросить Вас, чем все-таки это вызвано, если не газетною агитацией? Почему Победоносцеву казалось нужным провести этот закон? Какими соображениями он доказывал его необходимость? Что сказали восточные патриархи в своих отзывах на запрос Синода? В каком составе был Синод, когда решался этот вопрос? В «Новом времени» (№ 10198, от 23 июля) Розанов пишет, будто все это дело началось еще в 1880 году, только почему-то в то время было положено под сукно. Это крайне любопытно, если верно. Чем объяснить, что тот же Победоносцев 24 года тому назад остановил дело, на которое теперь вдруг, без всякой видимой причины, решился? Право, не без влия-

ния: тут была газетная агитация. Розанов утверждает еще, что в то время были собраны по вопросу о допустимости брака для лица, уличенного в прелюбодеянии, мнения всевозможных авторитетов и что только трое высказались в отрицательном смысле. Между прочим, оказывается, даже покойный Павлов был за разрешение таких браков. Очень было бы важно познакомиться с этими мнениями. По словам Розанова, они изданы отдельно два раза и последнее издание вышло в 1893 году под заглавием: «*Мнения и отзывы по вопросу о праве лиц, брак коих расторгнут по причине нарушения ими супружеской верности, на вступление в другой брак*». Очень бы хотелось достать эту любопытную книжку. Есть ли она в продаже или она получается только по знакомству?

В заключение два слова о Плеве. Вы пишете, что Плеве «незаменим, что это наш последний козырь». Я не вполне могу согласиться с такой оценкой. Да, действительно, теперь нет среди петербургских сановников никого, чье назначение на место министра вн[утренних] дел было бы так же естественно и понятно в обыкновенном, служебном смысле, как было назначение Плеве после Сипягина. С другой стороны, после каждого политического убийства, жертвою которого становится лицо, власть имеющее, всегда кажется, что трудно будет найти человека, который решится стать на освободившееся боевое место и вести дело в том же направлении. Должность министра вн[утренних] дел теперь стала столь же опасна, как должность какого-нибудь генерала, командующего передовым отрядом. Кроме того, каждое такое убийство невольно заставляет задуматься: да уж подлинно, по верному ли пути шел покойный, и все реже становятся ряды людей, которые готовы с убеждением проводить ту политику, которой держится наше правительство. Но, если оставить все это в стороне, если отвлечься от того, что Плеве был, несомненно, человек умный и даровитый, а судить только по тому, что и как он сделал в свое кратковременное правление, то право, кажется, не трудно было бы найти человека, который сделал бы то же или, пожалуй, сделал бы даже лучше и больше. Трагическая кончина внушает, без сомнения, сочувствие к покойному как к человеку, мужественно боровшемуся против несомненных врагов нашей земли и погибшему на своем служебном посту. Но это не должно мешать нам оценивать беспристрастно его деятельность, не должно вести к одобрению его политики. Бесспорно, положение его было с самого начала очень трудно и, может быть, нужен был более крупный государственный ум, чтобы найти из этого положения исход, но это, облегчая его личную ответственность, нисколько не оправдывает его образа действий самого по себе. Вспомните, наприм[ер], его распоряжения, вызванные деятельностью сельскохозяйственных комитетов. Я далеко не защитник той агитации, которая велась на этих маленьких парламентах, скажу прямо: я считаю положительно преступным то отношение к делу, которое проявлено было нашими так называемыми «земскими сферами» при этом случае. Тем не менее, я не могу не осудить столь же безусловно и меры, принятые правительством по почину Плеве для подавления этой агитации. Само правительство вызвало целый обширный круг лиц, им приглашенных, на откровенное объяснение, само оно наталкивало на то, чтоб не ограничиваться одними сельскохозяйственными вопросами, само оно в значительной степени виновато было в том, что вместо деловой разработки практического вопроса громадной важности, им поставленного, получился целый фейерверк либеральных фраз и целый поток никому не нужных благих пожеланий. И вдруг, одумавшись, правительство начинает подвергать этих людей, к которым оно же само обратилось за советом, целому ряду тяжелых взысканий за мнения, ими высказанные. Согласитесь, что это было не только несправедливо, но, по меньшей мере, неумно. Плеве таким способом еще более раздул деятельность комитетов и придал им и их руководителям политическое значение, которого они иначе никогда не получили бы. Вспомните далее целый ряд крайне неудачных назначений, вроде Балясного в Орел или Клейгель-

са в Киев, — назначений, которые, конечно, не могли способствовать укреплению веры в правительство и усилению его авторитета и престижа. Положите, наконец, на весы все меры, принятые по отношению к земству, кончая неутверждением Шипова⁸⁵, — меры, не достигавшие и неспособные достигнуть той цели, ради которой они принимались, и только увеличивавшие и без того сильное раздражение и смуту. Взвесьте все это и скажите: можно ли было действовать более неполитично? Поистине, можно было иногда сомневаться в уме Плеве или в его добросовестности, особенно если не знать его. В действительности же все это объясняется тем, что он был не государственный человек и, в сущности, не знал ни народа нашего, ни общества, разумея под этим те широкие круги, которые теперь задают тон и распоряжаются на местах, ни даже учреждений местных. Это был, мне кажется, прекрасный, умный и искусный следователь, прокурор, наконец, даже директор Департамента полиции, может быть, даже хороший исполнитель и работник, подчиненный министру, но не министр. Он видел, сознавал трудности, с которыми ему приходилось бороться, но он не верил, кажется, ни в какие средства борьбы, кроме полицейских. Не знаю, может быть я ошибаюсь в своей оценке, но такое впечатление я вынес из своего личного с ним знакомства, правда, очень непродолжительного. Он приглашал меня к себе весной прошлого года, когда был в Москве вместе с государем. Я провел у него раз два часа, другой раз — час. Все время он спрашивал, высказывался же очень мало: приходилось догадываться об его взглядах по некоторым намекам, по постановке вопросов и т. п. Потом он вызывал меня в Петербург на частное совещание по крестьянскому делу и по его желанию я подавал ему записку по одному из вопросов, возбужденных при пересмотре законодательства о крестьянах⁸⁶. Но записка эта опоздала, и ни она, ни беседы мои с ним не имели решительно никаких практических результатов. Некоторые меры, принятые им в последнее время, шли даже решительно вразрез с теми взглядами и мнениями, которые я высказывал в беседах с ним. Признаюсь, мне казалось, что, приглашая меня, он руководился соображениями, так сказать, «политического» свойства и что, познакомившись со мной, он скоро понял ошибочность своих расчетов. Поэтому меня немало удивило то, что Вы пишете об его отношении ко мне.

Сейчас получил Вашу «открытку» с длинным перечнем предполагаемых премников Плеве⁸⁷. Имен много, но людей настоящих — ни единого. Каково выбирать при таких условиях! Впрочем, все эти заботы и тревоги теперь ничто по сравнению с теми, которые приходится переживать всем, а власть имущим — в особенности, из-за войны. Положение там, в Маньчжурии, кажется, с каждым днем становится серьезнее и труднее. Неужели Куропаткин будет вынужден дать решительное сражение теперь, не выжидая прихода 5-го, 6-го и 1-го корпусов? Ведь если он его проиграет — а судя по всему, что было до сих пор, этого надо опасаться, — то участь кампании решена и нам придется посылать новую, гораздо более многочисленную армию, чтобы выбивать японцев из приобретенных ими позиций. Кто мог ожидать, что сухопутная война с японцами окажется такою трудной? Надо признать, приготовились они искусно! Каждый день со страхом и волнением развертываешь газету. Каково же переживать это тем, кто чувствует на себе ответственность за то, что совершается! Страшно подумать.

Так как Вы едете в Ольтен, то не могу ли я просить Вас передать там кому следует мою глубокую и искреннюю признательность за честь, мне оказанную присылкой приглашения на съезд, и вместе с тем не найдете ли Вы возможным объяснить, что при всем моем сочувствии делу старокатоликов и при всем интересе, который во мне возбуждает съезд, я решительно не могу оторваться от своей семьи и только издали, по газетам, буду следить за деятельностью съезда и молить Бога, чтобы он благословил святое дело, над которым съезд трудится.

Истор № 3

Прошу Вас верить моему глубокому уважению и искренней преданности. Усердно Вам кланяюсь.

Ф. Самарин.

ОР РНБ. Ф. 349. № 60. Л. 31–38 об.

Опубликовано с пропусками:

Может ли Земский собор вывести нас из настоящего нашего положения? Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариным (июнь – август 1904 г.). Харьков, 1905. С. 35–40.

10 авг[уста] 1904 г.

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Действительно, Вы и прежде указывали на 1) неприкосновенность личности, 2) свободу слова и 3) свободу совести; это, конечно, и мои (наши славянофильские) *ria desideria*⁸⁸; но неужели Вы думаете, что наш настоящий «regime» может нам дать эти три драгоценности?! Наша бюрократия на это не согласится и не может согласиться. Это «*contradictio in adjecto*»⁸⁹, это смерть бюрократии и она к такому само-жертвоприношению нисколько приступать не намерена. Этих благ можно достигнуть только под условием уничтожения личного доклада министров царю. А это и есть та реформа, которую я предлагал царю и которая некогда приведет нас к земско-самодержавному строю (московскому).

Свобода слова. Да как же [Вы] хотите, чтобы министры (у большинства из них «рыльце в пуху» (в том или другом отношении)) отказались от возможности зажать рот газете (или даже отдельному человеку), вздумавшим раскапывать его черные дела и делишки? Пресса может колебать религию, нравственность⁹⁰, все, что угодно, но не трогать их дел, их интересов! Сановники неприкосновенны! Табу! Неприкосновенность личности. Да ведь прикосновенность личности — «палладиум» нашей бюрократии. Как Илион пал, когда Улисс (и еще какой-то герой — не помню) выкрали из цитадели его знаменитый идол Паллады; так падет и современная бюрократия, когда у нее отымут «прикосновенность» личности. Это слишком соблазнительное право, чтобы с ним расстаться! Вы скорее уговорите папу отказаться от догмата непогрешимости!

Свобода совести. Победоносцев и свобода совести! Об этом см[отри] ниже (новый закон о браке прелюбодеев).

Ваш аргумент о том, что если администрация (бюрократия) будет противиться Вашим (Ф.Д. Самар[ина]) реформам, то она восстанет еще сильнее против реформы более коренной — моей (А.К.), мне кажется основан на некотором недоразумении. Дело в том, что мои реформы начинаются с фактического упразднения бюрократического начала (личный доклад), Ваши — Вы предполагаете совершить с помощью той же бюрократии. Это мне кажется гораздо труднее. Вдумайтесь в психологическую сторону дела: гораздо труднее заставить противника, пользующегося сильными средствами борьбы, действовать так, как ему не хочется, нежели просто его устранить, сломив его, поставя его в такие рамки, где он уже безвреден (но в которых он все же будет получать и ордена, и чины, и аренды...). Вы думаете, что бюрократия с ее настоящими правами и «возможностями», хотя бы и в измененном (улучшенном) составе, согласится действовать так, как Вам (нам) надо? Никогда! На личном докладе она непременно обойдет царя, «надует» его! Hier liegt der Hund begraben⁹¹. У Гоголя

(«Женитьба») есть глубоко психологическая сцена. Невеста (Агафья Тихонов[на]) не знает, как ей быть, как ей разобраться с женихами, они ей все чем-нибудь не нравятся, она видит их изъяны, ни с одним из них она не справится, она теряется... Но вот Кочкаров (в данном случае он представитель моих взглядов) ей советует прибегнуть к коренному средству — она собирается с силами и, обращаясь к сонму своих воздыхателей, кричит им: «пошли вон, дураки». Это легче, на это нужна минутная энергия, т. е. самая легкая. От современной власти я скорее ожидаю такую минутную вспышку, такое властное крылатое слово, нежели способность постоянной борьбы!

Вы правы, говоря, что наша «интеллигенция» ничего не понимает и не умеет (кроме глупой критики в смысле порицания), но в ней есть и настоящее культурное меньшинство; это меньшинство втянуто в ее деятельность только потому, что правительство не нуждается (точнее, думает, что не нуждается) в ее услугах. Захоти правительство — и она к нему примкнет, но она теперь служить ему не хочет и не может, она готова служить царю, но не подслуживаться педерасту Мещерскому или негодю Витте. Пока правительство еще верит лакеям и не верит слугам. Сам государь (как и его родители) не любит бюрократии, не доверяет ей, но он (до сих пор) думает, что нужно отыскать этого ненаходимого человека, а не думает, что нужно создать новые условия, рамки, пока его управление будет вращаться в тех же старых рамках, оно не исправится; чтобы его исправить, бедный царь и старается отыскать этого «человека», но все натывается на неудачные личности: то Безобразов⁹², то Демчинский⁹³, то Клопов⁹⁴, то m. Philippe⁹⁵...

Нет! Бюрократия наша несостоятельна, а между тем, она всячески старается не допустить прямых сношений царя с «обществом», с народом, поступаясь даже и своими «убеждениями». Пример Витте: красный из красных, а в записке о земстве⁹⁶ доказывал, что правительству нельзя допускать земства в западном крае, ибо сама идея земства несовместима с идеей самодержавия! Кстати, союз его с Мещерским очень крепок, но авторитет самого Мещерского как будто (???) колеблется... Дай-то Бог!

Вы говорите, что у правительства (1859 г.) хватило же энергии провести (и провести благополучно) такую громадную реформу, как освобождение крестьян (прибавлю — единственную удачную), за которую Александр II заслужил памятник! Но тут нужно разобраться.

Освобождение крестьян делалось полстолетия тому назад, когда, повторяю, в правительство верили. Затем оно очень мало затрагивало личные интересы бюрократии; она и не оппонировала — *als solcher*⁹⁷. Вы бы поверили мне, ежели бы видели, что теперь делается, когда приискивают министра внутр[енних] дел.

Может быть, мы оба до некоторой степени ошибаемся, т. е. мне кажется, что у Вас (в России) есть люди, а Вам кажется, что у меня (в Петербурге) есть люди... Все-таки мне кажется, что у Вас лучше, нежели у меня. *Qui vivra vegeta*⁹⁸ Вы правы, говоря, что теперь на всех съездах учителей, ветеринаров или кого бы то ни было сейчас начинают говорить о политике, о конституции, начинают молоть всякий вздор; да, начинают! А знаете ли, что о конституции говорят уже во дворце?! Не есть ли это признак крайне опасный? Ведь скоро начнут думать и о практической стороне вопроса. Недоверие растет и не только среди народа к правительству, но и в самом правительстве к своей будущности... Во всяком случае, здоровых сил в нем нет.

*Modus agendi*⁹⁹ перехода к земскому строю в моей записке не указан — верно, но он зависит от обстоятельств; напр[имер], до войны или в ее начале он мог быть один; дело казалось мне легким. Конечно, дело будет гораздо труднее после ее окончания, в особенности, если конец ее будет неудачен! Тогда могут наступить времена трудные, и в этом случае и сознанный «либеральная» мера будет иметь характер вы-

нужденный, чего допустить нельзя. Необходимо, чтобы все «либеральные» меры были «октроированы», а не вырваны у правительства. Но, повторяю, «qui vivra verga». Ведь у нас обоих, конечно, одни цели — благо родины (и только ее одной); расходимся мы (и то скорее хронологически) в оценке мер, ведущих к цели: Вы считаете, что правительство может еще кое-что сделать «ex sese»¹⁰⁰, я его считаю более больным и слабым. Дай Бог мне ошибиться.

Закон 28 мая (о браке прелюбодеев) возник — не знаю, как выразиться — случайно-наивно. Правительство и не думало им задобрить газеты, интеллигенцию, ничего этого, никакого замысла не было!¹⁰¹

При Александре III возникало много дел о незаконно совершаемых браках, т. е. прелюбодеевание совершалось, брак расторгался и немедленно за сим прелюбодеей(ка) вступал(а) в брак; это стоило немного рублей, затем подавалось прошение на высочайшее имя о прекращении дела, возбуждаемое духовными властями; с высочайшего соизволения «дело» клалось под сукно и тем фактически прекращалось. Эти постоянно «скучные» учащающиеся дела вызывали и у Победоносцева, и у государя желание, чтобы... их совсем не было. Засим царь умер, на престоле Николай II. Прелюбодеевания и незаконные браки участились, а с ними и просьбы о прекращении возбуждаемых дел. Это было неприятно и скучно. Нашли очень простое средство отменить слово Христа! Что и было приведено в исполнение 28 мая. Христос, конечно, не имел средств сам о себе напомнить; дело состоялось! Вчера я спросил у о[тца] ректора здешней академии (духовной), как он (глава ученой богословской корпорации) выпутается из этой казалась бы довольно шекотливой дилеммы¹⁰². «Очень просто, — сказал он, — принципиально защищать дело “трудно”, но ведь это вопрос “церковного домостроительства” (экономии), ведь Христос запретил клясться, а вот мы клянемся, и ничего!»

И действительно — «ничего». А предложите этим же иерархам постановить, что вместо пятницы следует постничать в субботу, какой крик подымется! И сейчас же будет найден надлежащий канон, обязательный для каждого христианина, доказывающий, что поститься в субботу безбожно, а нужно в пятницу, без этого, мол, нельзя попасть в царствие небесное. Среди знакомых мне иерархов есть один, которого я считал крепким, котор[ый] говорил о необходимости жертвы, мученичества, укорял старокатоликов за то, что у них нет мучеников, святых. Я теперь к нему обратился с предложением торжественно протестовать, прибавляя, что я с радостью готов подписаться первым мирянином под его протестом — после некоторого молчания он ответил, что ведь если протестовать против каждой незаконности действий С[вятейшего] Синода, так пришлось бы по пяти раз в год протестовать да пришлось бы оспаривать и самое учреждение С[вятейшего] Синода, так нечего уж хлопотать. Вот вам и иерархия! Это все камергеры в рясах. А главное — в чем беда? В том, что для нашей церкви, точнее, для нашего «церковного правительства» вся этическая сторона религии отошла на задний план. Впереди всего стоят отношение к мирской власти, перед которой иерархи «пасуют», преклоняются, «лежат на брюхе»; затем те каноны, которые имеют внешнее, легко уловимое значение, обряд ... и в 3-х, уже этическая сторона религии, о которой духовенство не заботится.

Вот в этом и заключается причина того, что у нас растут расколы, построенные на этике (часто неясно понятой), на чтении слова Божия (штундизм¹⁰³, редетокизм (?), толстовщина...). Я на днях был у Победоносцева, укорял его, ... смеется! «Вот я думаю, прелюбодее-то ликуют», — дополнил он! Ipsissima verba¹⁰⁴. Да! многоуважаемый Феодор Дмитриевич, поживите у нас в Питере — и заразитесь моим скептицизмом!

Поручение Ваше в Ольтене исполню.

Стессель телеграфировал царю, что он может продержаться недолго.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

Может быть, завтра (крещение) появится и новый министр в[нутренних] дел. Но окажется ли он умнее и удачнее Плеве?

Искренне преданный
А. Киреев.

Очень бы мне хотелось посетить Вас, Хомякова ... (новую Москву) нынче зимою.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 130–133 об.

Частично опубликовано:

Может ли Земский собор вывести нас из настоящего нашего положения? Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариним (июнь — август 1904 г.). Харьков, 1905. С. 40–42.

Примечания

¹ У А.А. Киреева была лишь одна брошюра, а точнее, отдельный оттиск его статьи из «Русского обозрения» (1890. №2) «В защиту нашего образования (письмо к редактору)» (М., 1890).

² **Трубецкой П.Н.** (1858–1911) — московский губернский предводитель дворянства с 1893 г., в 1906 г. избран членом Государственного совета.

³ По-видимому, это «Записка по вопросу о применении новой учебной реформы к московской 7-ой гимназии» (М., 1902).

⁴ «Пособие к чтению шестопсалмия» (М., 1899).

⁵ **Киреев А.А.** Ответ профессору В.А. Керенскому // Богословский вестник. 1904. Т. 1. № 3. С. 522–545.

⁶ **Заозерский Н.А.** О средствах усиления власти нашего высшего церковного управления (Л. Тихомиров. Запросы жизни и наше церковное управление) // Богословский вестник. 1903. Т. 3. № 9. С. 1–18; № 12. С. 371–393.

⁷ **Тихомиров П.В.** Каноническое достоинство реформы Петра Великого по церковному управлению // Богословский вестник. 1904. Т. 1. № 1. С. 75–106.

⁸ См. письмо А.А. Киреева от 31 марта 1904 г.

⁹ П.С. Ванновский (министр народного просвещения с 24 марта 1901 по 11 апреля 1902 г.) намеревался провести реформу гимназического образования в духе сокращения классицизма: упразднить изучение латыни и сократить курс древнегреческого языка, сделать акцент на преподавание родной истории. Однако из-за сильного сопротивления правых и недовольства самого Николая II реформа не была завершена.

¹⁰ В.П. Мешерский, приобретший в это время заметное влияние на Николая II, предполагал усилить классическую систему образования и сделать так, чтобы только выпускники гимназий, где изучались бы два древних языка, имели возможность продолжить образование в университетах.

¹¹ Не «смех сдерживайте, друзья», а «слёзы» (лат.).

¹² **Бисмарк Отто фон** (1815–1898) — первый канцлер объединенной Германии (1871–1890 гг.); **Штейн Карл**, барон (1757–1831) — немецкий государственный деятель; **Гладстон Уильям** (1809–1898) — премьер-министр Великобритании в 1868–1874, 1880–1886, 1892–1894 гг.

¹³ **Киреев А.А.** Россия в начале XX столетия. СПб., 1903 (на правах рукописи).

¹⁴ **Киреев А.А.** Россия в начале XX столетия. Прага: типография «Политика». Собственное издание, 1903. Записке Киреева был предпослан текст «От издателя»: «Записка эта, изданная в ограниченном числе экземпляров в С.-Петербурге, печатается вновь без ведома и согласия автора ввиду пользы, которую принесет чтение такой честной, правдивой статьи. Обдуманное, сдержанное слово о России — редкость в заграничной русской печати!» По-видимому, переиздание записки было предпринято самим Киреевым, чтобы иметь возможность более широко пропагандировать свои взгляды.

- ¹⁵ С оговорками (лат.).
- ¹⁶ Жалкий, ничтожный (фр.).
- ¹⁷ Не нарушать спокойствия (лат.).
- ¹⁸ Спокойствие, мирное положение дел (лат.).
- ¹⁹ «Одного русского теолога» (нем.).
- ²⁰ Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С. 3.
- ²¹ Там же. С. 4.
- ²² Там же. С. 16.
- ²³ Имеется в виду закон 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделных земель».
- ²⁴ По-видимому, имеется в виду книга: Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877; 2-е изд. — СПб., 1881. Она действительно вызвала полемику в периодической печати.
- ²⁵ Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С. 14.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. Прага, 1903.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Шипов Д.Н. (1851–1920) — один из самых известных либералов, в 1893–1904 гг. возглавлял московскую земскую губернскую управу, рассматривался как лидер русского земства. В 1906–1909 гг. входил в состав Государственного совета. Один из основателей «Союза 17 октября».
- ³⁰ Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. Прага, 1903.
- ³¹ Там же. С. 35.
- ³² А.А. Киреев намекает на то, что в ходе Великой французской революции Генеральные штаты превратились из совещательного представительства в настоящую и единственную законодательную власть.
- ³³ Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С. 14.
- ³⁴ Там же. С. 24.
- ³⁵ Там же. С. 23.
- ³⁶ Там же. С. 12, примечание.
- ³⁷ Все писано для царя (прим. А.А. Киреева).
- ³⁸ При А[лександр]е III (прим. А.А. Киреева).
- ³⁹ Но не Мин[истерством] п[ечати] (прим. А.А. Киреева).
- ⁴⁰ Речь идет о Комиссии для исследования железнодорожного дела в России, работавшей с 1876 по 1884 г. под председательством графа Э.Т. Баранова. Комиссия была создана для выяснения недостатков в строительстве и эксплуатации железнодорожных магистралей. В результате ее работы был подготовлен Общий устав железных дорог и соображения о выкупе правительством частных железных дорог.
- ⁴¹ «Как делаются кушанья и политика — лучше не видеть» (фр.).
- ⁴² Вы зато хороши! (фр.)
- ⁴³ Вы даже не представляете, что можно найти у самых нищих. Заставьте их вернуть краденое, и Вы увидите! (фр.)
- ⁴⁴ Чемберлен Джозеф (1836–1914) — в 1895–1903 гг. министр колоний британского правительства.
- ⁴⁵ У Киреева: «Между ними нет и разницы по-существу. Надел человек мундир — “бюрократ”, надел халат — барин, земец, помещик» (Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С.11).
- ⁴⁶ Метод — душа дела (англ.).
- ⁴⁷ Но «Вы хотите обратить в веру праведника» (фр.).
- ⁴⁸ К началу 1904 г. общая сумма затрат на строительство железных дорог и обустройство Ляодунского полуострова составила 1,135 млрд. руб.
- ⁴⁹ IV Грозным.
- ⁵⁰ С изменениями (лат.).
- ⁵¹ Для пользы дофина (лат.).

⁵² Образ действий (лат.).

⁵³ Далее в опубликованном тексте: «избранниками земли».

⁵⁴ Д.Х. [Д.Хомяков] Самодержавие (опыт систематического построения этого понятия). М., 1903.

⁵⁵ Ганнибал у ворот! (лат.).

⁵⁶ О меньшем не стоит беспокоиться (фр.).

⁵⁷ Если угодно (лат.).

⁵⁸ Далее в опубликованном варианте следует текст: «Я что-то таких примеров не знаю. Да и вообще, мне кажется, как “оппозиция”, так и противоположная ей партия одинаково не могут похвалиться теперь обилием сколько-нибудь крупных талантов. “Способные и бескорыстные люди”, конечно, есть, но многие ли из них интересуются общественным делом?»

⁵⁹ Всеобщее избирательное право (фр.).

⁶⁰ Фраза из первого публичного выступления Николая II 17 января 1895 г.: «Мне известно, что в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления».

⁶¹ Движению мысли (нем.).

⁶² Благие намерения (лат.).

⁶³ В публикации далее добавлено: «совместимо с свободой совести, свободой слова».

⁶⁴ Всеми миру (лат.).

⁶⁵ Противоречие в определении (лат.).

⁶⁶ От фр. «escamoter» — скрыть, припрятать.

⁶⁷ После убийства В.К. Плеве 15 июля 1904 г. С.Ю. Витте претендовал на то, чтобы занять его кресло. Однако Николай II и его окружение не рассматривали кандидатуру Витте как возможного преемника Плеве (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.*. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 137).

⁶⁸ Если каждый вымоет тротуар перед своей дверью, то у нас будут чистые улицы (англ.).

⁶⁹ Зародыш (греч.).

⁷⁰ См. примеч. 17 и 18.

⁷¹ Домогаться благосклонности (лат.).

⁷² Ненависть, отвращение (лат.).

⁷³ **Антоний** (Вадковский А.В.) (1846–1912) — митрополит Петербургский и Ладонский (1898 – 1912 гг.).

⁷⁴ **Розанов В.В.** (1856–1919) — писатель, публицист.

⁷⁵ Амфитеатров А.В. (1862–1938) — писатель, журналист.

⁷⁶ Я боюсь Бога, дорогой Абнер, и не ведаю другого страха (фр.). Слова из трагедии Ж. Расина «Гофолия» (1670), из монолога первосвященника Иода, обращенного к «военачальнику царей Иудейских» Авениру (*Расин Ж.* Сочинения. М., 1984. Т. 2. С. 332).

⁷⁷ **Мирабо О.-Г. Р.** (1749–1791) — политический авантюрист, блестящий публицист. Во время Великой французской революции являлся сторонником конституционной монархии, наладил тайную переписку с королевским двором, одновременно пользуясь огромной популярностью у революционеров. Мирабо стремился занять министерский пост, предлагая королю рецепты спасения монархии и призывая его к проведению реформ. Однако, находясь на гребне своей популярности, он заболел и умер. После свержения династии переписка Мирабо была обнаружена и его заклеили как предателя.

⁷⁸ **Клейгельс Н.В.** (1850–1916) — в 1904–1905 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. Властный человек (фр.).

⁷⁹ **Муравьев Н.В.** (1850–1908) — министр юстиции в 1894–1905 гг.

⁸⁰ **Дурново П.Н.** (1842–1915) — в 1884–1893 гг. — директор Департамента полиции, в 1900–1905 гг. — товарищ министра внутренних дел. В 1905–1906 гг. — министр внутренних дел в кабинете С.Ю. Витте.

⁸¹ **Игнатьев А.П.** (1842–1906) — в 1889–1897 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, с 1896 г. — член Государственного совета.

⁸² Темная лошадка (англ.).

⁸³ На полях А.А. Киреев пометил: «Но тут у бюрократии [одно слово неразборчиво] ход».

⁸⁴ А.А. Киреев над этой фразой пометил: «Ей, бедной, нет чем бороться». Рядом — еще одна его помета: «Ибо тут [слово неразборчиво] явилось бы [слово неразборчиво]».

⁸⁵ В апреле 1904 г. В.К. Плеве не утвердил избрание Д.Н. Шипова на должность председателя Московской губернской земской управы.

⁸⁶ Возможно, это было сочинение «О мирской надельной земле. Замечания на статью Б.Н. Чичерина», опубликованное в 1898 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 44, 51, 61, 67) и отдельной брошюрой (М., 1902).

⁸⁷ В открытке, отправленной А.А. Киреевым 23 июля 1904 г., были перечислены как кандидаты в министры внутренних дел: «Муравьев, Витте, Клейгельс, Кристи, Васильчиков (псковский) губерн[атор], Святоп[олк]-Мирский» (ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 3).

⁸⁸ См. примеч. 62.

⁸⁹ См. примеч. 65.

⁹⁰ Недавно Розанов издал такую грязную книгу, которую даже сам Витте (а ведь из целомудренных!) нашел бесстыдной. По его совету из нее вырезаны 4 листа, в которых Р[озанов] (тот самый, на авторитет которого ссылается «Церк[овный] вестник») говорит о соитус (прим. А.А. Киреева).

⁹¹ Вот где собака зарыта (нем.).

⁹² **Безобразов А.М.** (1855–1931) — статс-секретарь (1903), лидер группы, выступившей с критикой политики С.Ю. Витте на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. и предложившей свой курс, прежде всего в отношении Кореи. Действия Безобразова во многом способствовали развязыванию русско-японской войны 1904–1905 гг.

⁹³ **Демчинский Н.А.** (1861–1914) — инженер, издатель журнала «Климат». В 1902–1904 гг. обращался, но безуспешно к Николаю II с несколькими записками, в которых предлагал ряд реформ.

⁹⁴ **Клопов А.А.** (1839–1927) — мелкий чиновник МПС. В 1898 г. благодаря стечению ряда обстоятельств был представлен Николаю II и получил право писать прямо в высочайшие руки. С 1898 по 1917 г. им было написано около 150 посланий царю, в большинстве из них содержались политические оценки текущих событий и предлагались умеренные реформы. Нельзя сказать, чтобы сочинения Клопова оказали какое-нибудь влияние на Николая II. Он видел в своем «негласном корреспонденте» скорее одно из выражений общественного мнения.

⁹⁵ **Филипп Низье** (1849–1905) — французский гипнотизер и оккультист, близкий к известному Папюсу. В начале XX в. он приехал в Россию, получил доступ к царской семье. Филипп обещал царице Александре Федоровне, что поможет ей родить долгожданного наследника, однако не преуспел. По распоряжению Николая II Филиппу был выдан диплом военного врача.

⁹⁶ **Vitte С.Ю.** Самодержавие и земство. Stuttgart, 1901. Записка эта, переданная самим Витте Д.Н. Шипову, через него, по-видимому, попала к П.Б. Струве и была опубликована им за границей (Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. С. 112).

⁹⁷ Как таковой (нем.).

⁹⁸ Поживем — увидим (фр.).

⁹⁹ Образ действий (лат.).

¹⁰⁰ Своими силами (лат.).

¹⁰¹ Так может возникнуть у нас и конституция! (прим. А.А. Киреева).

¹⁰² Т. е. распоряжение С[вятейшего] Синода и слова Христа (прим. А.А. Киреева).

¹⁰³ Штундизм (от нем. Stunde — час), религиозное течение, распространяемое во второй половине XIX в. немецкими колонистами среди крестьян преимущественно в Малороссии. Для них были введены специальные «библейские часы», когда читалась Библия, произносились проповеди и т. п. Штундизм не имел стройного самостоятельного вероучения, вскоре слился с баптизмом.

¹⁰⁴ Слово в слово (лат.).

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

1905 год

16-го янв[аря] 1905 [г.]

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Благодарю Вас за присланный проект адреса. Я сначала думал, что это тот самый, о котором мне писал Д.А. Хомяков, и который мне предлагали тоже подписать. Будь в нем указание на то, что самодержавие, оставаясь вполне самодержавным, заявляет о готовности своей выслушивать совет народа, я бы подписался под ним обеими руками, до такой степени он мне по душе (и по сердцу, и по уму). Но оказывается, что «московские обыватели» прислали мне совершенно другой адрес, совершенно!, который я и передам завтра же министру вн[утренних] дел, но без моей подписи.

В газетах я читал, что в московском дворянстве — две партии: одна под Вашим руководством, другая под руков[одством] кн[язя] Долгорукого (полу-конституционная, (не полутрусливая ли?) и намеревался было к Вам приехать, дабы совместно с Вами разбить (или постараться разбить) партию конституционную. Разница между нашими (Вашими и моими) мнениями не помешала бы этой совместной работе; к сожалению, оказалось, что для того, чтобы принимать участие в прениях, недостаточно числиться в дворянской книге, но нужно еще владеть и некоторой недвижимой собственностью в губернии — а оной у меня нет! Очень жалею. У меня оказываются еще новые аргументы против конституционализма.

Но у меня, к несчастью, есть и новые аргументы и против современного нашего polizei-staat'a¹. И Вы бы поколебались в своих взглядах, если бы видели, что у нас делается!

Витте ведет нас к конституции.

(Эта страница — конфиденциальна)

Государю это объясняли. Он знает, что Витте ведет переговоры с конституционалистами, что у Витте были члены «эвентуального» временного правительства (в нем Горький назначался министром просвещения!?) и что он (В[итте]) дал им понять, что будь он у власти, то etc etc²... — и государь на все отвечает: «Я сменил Витте, он власти не имеет!»

Ежели бы Вы знали, что происходило 8-го (канун бунта), Вы бы не столь настойчиво отстаивали мнение о способности самодержавия — действовать!

Желаю Вам успеха!

Искренне Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 9—10 об.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Сегодня Д.А. Хомяков сообщил мне Ваше письмо от 7 февраля, в котором Вы высказываете пожелание, чтобы последовало какое-нибудь общественное заявление из Москвы о том, как организовать Земский собор, созвание коего, по Вашим словам, в принципе уже окончательно решено. Так как письмо Ваше относится отчасти ко мне, то я считаю себя обязанным откровенно высказать Вам, почему я никоим образом не могу взять на себя осуществление Вашего пожелания или хотя бы содействовать ему.

Я считаю, что при нынешних обстоятельствах созвание Земского собора было бы делом безумным. При том состоянии анархии, до которого дошло и общество, и само правительство, при крайнем возбуждении всех оппозиционных элементов и при не-

Нестор № 3

бывалой растерянности власти Земский собор неминуемо сделается средоточием политической борьбы, направленной против самодержавия, и деятельность его весьма скоро примет революционный характер. Если теперь нелегко противодействовать политической агитации, которою охвачено наше общество, то тогда положение власти станет много труднее и не теперешнему правительству справиться с такою задачей.

Не буду подробно развивать и пояснять свою мысль. Позволю себе только напомнить Вам соображения, которые я имел случай изложить в переписке нашей по этому же вопросу прошедшим летом. Мне кажется, что опасения, которые я тогда высказывал, теперь имеют еще более основания. Все, что произошло за последние шесть месяцев, до очевидности показало, чего можно ожидать от народного представительства хотя бы с совещательным только голосом. Можно смело утверждать, что оно не укрепит власть, не опорой ее будет, а поколеблет ее окончательно.

Поэтому всеми силами души желаю (и надеюсь), чтобы мысль о Земском соборе не получила теперь осуществления. До тех пор не поверю, что вопрос этот уже решен окончательно, пока не прочитаю сам указа или манифеста. Сколько бы ни убеждали государя, я думаю, он все-таки не поддастся этим опасным советам и в последнюю минуту верное чутье возьмет у него верх над внушениями и настояниями окружающей его среды; может быть, самая нерешительность его сослужит в этом случае добрую службу русскому народу и рука его дрогнет прежде, чем подписать акт, чреватый столь грозными последствиями.

Вы поймете теперь, что я не могу выступать ни с какими предложениями об организации Земского собора. Пусть этим занимаются те, кто находит возможным брать на себя ответственность за эту меру. Я же не хочу даже косвенно содействовать осуществлению этой мысли, которая, по-моему, при настоящих обстоятельствах чуть ли не опаснее даже откровенно конституционных затей. Не могу прилагать руку к делу, которое нахожу вредным и опасным для политической судьбы нашего народа.

Простите, многоуважаемый Александр Алексеевич, что выражаюсь так решительно и, может быть, несколько резко. Крайняя серьезность вопроса не позволяет смягчать выражения и стусевывать мысль. Приходится говорить прямо, без обиняков: в нынешнее грозное и смутное время всего опаснее недомолвки и неопределенности, которыми только плодятся всякого рода недоразумения.

Я еще не успел ответить Вам на письмо Ваше по поводу «записки», внесенной нами в дворянское собрание. Приношу Вам глубокую благодарность за Ваш благосклонный о ней отзыв. Зная Ваш взгляд на вопрос, рассмотрению коего посвящена «записка», я был уверен, что в принципах между нами разногласия не будет, но опасался, что Вы гораздо решительнее восстанете против нашего заявления как практического действия, направленного не только против конституционных требований, но также и против совещательного представительства — при нынешних обстоятельствах.

Очень интересует меня, что произошло в петербургском «Русском собрании» по поводу доклада Никольского о Земском соборе. Газеты ничего об этом не сообщают. Если у Вас выберется свободная минута, то, может быть, Вы не откажетесь черкнуть мне об этом словечко.

Прошу Вас верить моему глубокому уважению и искренней преданности.

Усердно Вам кланяюсь.

11 февраля 1905 г.

Федор Самарин.

Москва

Поварская, д[ом] кн[язя] Голицына

ОР РНБ. Ф.349. Оп.1. №60. Л.51—52 об.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

14 февр[аля] 1905 [г.]

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Отвечу Вам несколькими словами на письмо Ваше от 11 февр[аля].

Вы вполне «consistent»³, как говорят англичане. Вы неизменно придерживаетесь взглядов, высказанных мне и прежде! От души желаю ошибиться, но то, что я вижу — дает и мне повод оставаться при тех взглядах, которые я Вам излагал при начале нашей политической корреспонденции. То, что я вижу ежедневно, лишает меня возможности ожидать улучшения в делах (внутренних) по инициативе правительства самого!

Не менее Вас я вижу опасность созыва Земск[ого] собора; но мне ясна и опасность от правительственного ничегонеделания, от его косности. Ведь здесь все расплзается, разлагается безнаказанность растет, а вместе с тем растут и конституционные «похоти»! Союз конституционалистов с социал-демократами и террористами крепнет! Заметили ли Вы характерную особенность? Некоторые земства и думы в адресах царю выражают ему соболезнование, избегая при этом квалифицировать самый акт убийства! Подумаешь, что Серг[гей] Алек[сандрович] умер от холеры или инфлуэнцы! У террористов и конституционалистов цель одна — конституция! Разница лишь в средствах! Мне и кажется, что мы должны бороться с конституционалистами (этому вопросу я посвятил недавнее мое собеседование в «Славянском обществе»)⁴, предварительно «размежевавшись» с ними (боевым средством мне представляется и созыв Земского собора (который вместе с тем остается и целью). Думаю, что при этом размежевании многие конституционалисты, увидя пропасть, в которую они толкают Россию, примкнут к нам! Говорю мы, потому что в основном мы (Вы и я) согласны, разность же — в различном понимании настоящего времени и настоящих людей; в их оценке.

Отнюдь не отрицая опасностей, представляемых созывом Земского собора, я иду на этот риск вполне сознательно, ибо, во 1-х, не думаю, чтобы настоящее дряблкое и слепое правительство могло само выбраться из глубокой трясины, в которую оно попало само и в к[оторую] оно завело Россию; во 2-х, потому что надеюсь, что Земск[ий] собор выдвинет настоящих людей, которые помогут правительству спасти Россию. Подумайте: правит[ельство] это позволяет студентам и курсисткам безнаказанно рвать портрет царя в клочки и топтать его ногами, и таких фактов можно привести сколько угодно! Где же такому правительству справиться с революцией, косвенно поддерживаемую конституционалистами! Поэтому-то я и толкую о необходимости создать (приискать) опору для правительства в общественном сознании, среди «соборян» или иначе как-нибудь. Несомненно, что в России есть еще много консервативных сил, но они разбросаны, разобщены, а правительство не умеет их сплотить.

Я не член «Русск[ого] собрания» и не знаю, что собственно происходило на заседании, в котор[ом] читал Никольский, но во всяком случае «либеральная» «Русь» (Суворины junior) постаралась раздуть этот «инцидент». «Либералы», конечно, терпеть не могут «Русского собрания», а fortiori⁵ нас — «Славянское благотв[орительное] общество».

Искренне преданный Вам
А. Киреев.

P.S. Ведь без людей управлять невозможно! А таких людей у правительства нет, нет и «престижа», который заменяет настоящую силу! Так было при Николае I. Весь

Нестор № 3

наш правительственный строй оказался одним «фасадом», за которым был мусор. Что удалось совершить Александру II? Удалось найти людей, и главнейше для правительственных сфер, м[ежду] пр[очим], Вашего дядю Ю[рия] Ф[едоровича] [Самарина]. Настоящее правительство этого делать не умеет? Являются проходимцы, Клоповы, Демчинские и глупые льстецы! Нет никого! Есть, правда, один сильный человек, «strongman», как говорят англичане, Витте, но он предатель, торговался с Петрункевичем и К-о, и, представьте себе — это царю известно ... На ум приходят слова одной (1-ой?) из «Катилинарий» Цицерона: «Senatus vidit — hic tandem vivit!»⁶.

Конечно, кроме воли человеческой, в истории народов действует еще и воля божия... но чем же мы заслужили ей особую «протекцию»? Разве мы «в версту» нашим религиозным идеалам? Где вверенные нам таланты? Кто поручится за то, что стяг Христов перешедший к Москве от Византии и истребанный Петербургом, не перейдет к старокатоликам, к обращенным в христианство японцам, к урмийским христианам? ... — а что же мы без этого стяга? — и впрямь «une grande impuissance!»⁷

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 7–8 об., 1–2 об.

Москва, 24 февр[аля] [1905 г.]

Поварская, д[ом] кн[язя] Голицына

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Недавно мне случилось перечитать Ваши письма, полученные мною летом минувшего года, и в связи с ними сохранившиеся у меня копии с моих ответных писем и мне пришло в голову, что, может быть, переписка эта представляет теперь интерес для публики ввиду толков о Земском соборе и о значении рескрипта 18 февраля. Я дал переписать те места из Ваших и моих писем, которые касаются этой «злободневной», как теперь выражаются, темы и посылаю Вам как эту копию, так и подлинные Ваши письма⁸. Будьте так добры: просмотрите все это и скажите, не напечатать ли переписанные мною выдержки в каком-нибудь журнале, например, в харьковском «*Мирном труде*»? Если Вы найдете это неудобным, то, может быть, Вы разрешите мне напечатать одни мои письма, не говоря, кому они адресованы и сделав к ним, где необходимо, два-три примечания для пояснения тех мыслей, на которые я отвечаю. Во всяком случае, не откажитесь сообщить мне, что Вы обо всем этом думаете? Мне сдается, что в форме переписки вопрос, который теперь так всех волнует, лучше уясняется, чем в газетных статьях. К тому же интерес увеличивается еще тем, что переписка велась прошлым летом, когда невозможно было и предвидеть, какой оборот примут наши дела. Все неудобное для печати (замечания о Мещерском, Витте и т. п.) придется, конечно, исключить. Я вычеркнул все эти места красным карандашом. Может быть, Вы и сверх того признаете нужным что-нибудь выключить: в таком случае потрудитесь отметить тоже красным карандашом.

После 19-го февраля я все хотел поздравить Вас с победой, но сил не было писать: шатание мыслей, так ярко обнаружившееся в манифесте и рескрипте, привело меня в совершенное уныние. Будущее представляется мне в весьма мрачных красках. Только от поворота в военном счастье можно было ждать некоторого улучшения нашей внутренней неурядицы. С замиранием сердца следил я за ходом борьбы вокруг Мукдена и начинал уже надеяться на успех, как вдруг сейчас полученные телеграммы все это разрушили: мы опять отступаем, сосредоточиваемся вокруг Мукдена, японцы приближаются к городу, подошли совсем близко к железной дороге, забрались далеко на север⁹ ... Неужели будет повторение Ляояна?¹⁰ Или, может быть, нечто еще худшее? Мне все думалось, что скоро должен наступить поворот в нашу

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

пользу, а, по-видимому, оказывается, что мы далеко еще не испили до дна чашу всякого рода унижений и бедствий.

Прощайте, писать больше ни о чем не могу. Усердно Вам кланяюсь.

Преданный Ваш
Ф. Самарин.

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 81–81 об.

26 [февраля 1906 г.]

Павловск
Петерб[ургской] губернии

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич!

Полагаю, что в данную минуту нам нечего заниматься теоретической постановкой вопроса о самодержавии, о том, может ли оно обойтись без помощи Собора (как думаете Вы) или нет? После рескрипта Булыгину отказать земле в праве «совета», мне кажется, нельзя, тем более, что ошибки правительства учащаются. Вопрос в том, стало быть, как поставить это дело «совета», как его организовать? Мне кажется, что это будущее «Земское собрание» («Земские думы», «Царский совет») должно быть верным отображением, уменьшенной копией России, стало быть, представителем первенствующего в ней элемента — земли, классов, с землею связанных, класс[ов] консервативных. Представляется мне «Собор» состоящим из представителей от крестьян, дворян, духовенства, городов (торговля, фабриканты, биржевые комитеты, мещане etc etc...), 3–4 представителя либеральных профессий (конечно, не из забастовавших). Представителям настоящего современного земства не будет места в Земск[ом] соборе, и Бог с ним, он не надежен.

Такому Земскому собору (который окажется, думаю, консервативным) можно дать и больше, и много прав; избрания представителей должны совершаться вполне честно.

Но для того, чтобы обществу, всем нам сознательно приступить к избранию представителей, нам необходимо оглянуться, посмотреть на самих себя, сосчитать и своих и противников.

Кто эти противники? Главные из них — конституционалисты, затем — социал-демократы, террористы. Социал-дем[ократы] соединились с террористами. Сами по себе они не опасны, с ними бы легко было справиться, ежели бы только их не поддерживали конституционалисты¹¹. Вот главные наши враги, с ними и нужно бороться, их должно образумить и большинство их, думаю, образумится, как только они увидят просвет, возможность отделаться от бюрократии.

С другой стороны, и нам, «самодержавцам-соборьянам», нужно бы организоваться, сплотиться в партию. Это последнее мне представляется столь же необходимым, сколько и трудным при нашей славянской (специально русской) неумелости организоваться, нашей страсти спорить, критиковать при неумелости делать необходимые уступки чужому мнению для достижения общей цели.

Как это сделать? Как организовать эту искомую большую охранительную партию? К ней, конечно, должны присоединиться (составлять ее) и люди Вашего мировоззрения (большинство м[осковских] д[ворян] — адрес москов[ского] дворянства и люди моего — адрес меньшинства моск[овского] дворянства)¹². К нам несомненно примкнут многие конституционалисты. Не так ли?

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 103–104 об.

28 февр[аля] 1905 г.]

Павловск
Петерб[ургской] губ[ернии]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Спешу изъяснить Вам полное согласие на Ваше предложение напечатать нашу корреспонденцию. Я бы очень желал, чтобы она появилась в «*Мирн[ом] труде*», желал бы очень помочь Вязигину. Я хлопотал о субсидии ему, но дело «не выгорело», несмотря на сочувствие моему проекту самого Зверева¹³. Кое-какие стилистические исправления я сделал, кое-что пришлось сократить. Я бы просил сделать в тексте ли или, еще лучше, в преди- или послесловии заметку, что эта переписка относится к прошлому году, подчеркнуть это, теперь живется так интенсивно, что 12 месяцев представляют уже значительный период времени. Переписка — интересная форма и действительно лучше заинтересует читателя.

Да, будущее — мрачно! Военное счастье к нам едва ли вернется, и беда, если народ начнет допытываться: кто виноват в затеянной войне? Она — личное дело царя. Вот мне и кажется, что Земск[ий] собор мог бы разделить с государем, снять с него часть odium'a этой страшной затеи, стать между царем и критикующими.

Что царь не видит той пропасти, над которой мы стоим, доказывает манифест, в котором он становится в «позитуру» защитника против японцев остальных европ[ейских] стран!!

Что же делать? Повторяю: размежеваться с конституционалистами, указать им на вредоносность конституц[ионного] строя. Часть из них перейдет к нам (уверен в этом). Нам необходимо образовать сильную, деятельную партию в помощь бедному царю. Нужно, чтобы Зем[ский] собор именно бы так был составлен, как я указываю в письме к Вам. Нужно нам думать о спасении царя. Сам он этого не поймет, на днях увижусь с Булыгиным... Ведь дело все же [в] его руках пока.

Толкуют о регентстве... (месяца на 3, на 4), но где он, этот «регент», где «сильный человек»!!

Искренне Вам преданный
Киреев.

Как посмотрит Москва на изложенное выше? Как устроить пропаганду таких идей в Москве. Ведь теперь мы готовы, конечно, действовать единодушно, Вы, Хомяков. Есть те, которые пошли за Вами на выборах двор[янского], да и конституционалистам не сделать ли заявление в этом смысле от Москвы, от дворянства, от москвичей?

Попросите Вязигина прислать мне 16 оттисков нашей переписки.
Так, так тяжело!

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 120—121 об.

10 м[арта] 1905 г.]

Павловск

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Ежедневно, ежечасно правительство наше приближается к банкротству! Булыгин, очевидно, не рассчитывает на сильную, надежную поддержку царя и действует вяло (да он, кажется, и по натуре — не из «диктаторов»)! Из окружающих царя нет никого, кто бы мог взять его в руки и спасти. Единственный крупный властный человек из высоко стоящих — Витте, но он-то именно и будет первым его предателем! Он даже в Совете министров, говоря о рабочем вопросе, указывал на то, что

когда он был министром, он хотел помочь делу, но наткнулся на оппозицию высоких правит[ельственных] лиц и благое дело не могло состояться! Но ведь это было прямым указанием рабочему населению Петербурга и всей России, и всем тем, которые его ведут и кот[орые] руководят смутой, что вот я, мол, Витте, хотел помочь делу, я знаю, что нужно, но мне помешало глупое неспособное правительство — и я не мог помочь! Но кто же правительство? Очевидно, царь! Вот кто виноват, смотрите, вот он — помеха!! Ату его! Одним словом, речь кандидата на будущее премьерство или президентство. И протокол заседания этого преподносится царю и удостоивается его «утверждения» и печатается в «Руси». Разве это не геркулесовы столбы? Не ясное самоубийство самодержавия?!

Ясно, что самодержавие приходится спасать *malgré lui-même*¹⁴. Ясно, что приходится действовать так, как если бы его не было совсем, но что же должно делать первое всего? Мне кажется — сплотиться (отделиться от конституционалистов) и стараться повлиять на государя и на Булыгина в нашем смысле (говорю о нашем, ибо силою вещей Вы и я, братья Хомяковы etc ... соединены неразрывно желанием спасти и самодержавие и его современного несчастного носителя!).

Если бы это удалось, тогда мы могли бы повлиять и на дальнейшее, т. е., опираясь на Земский собор, исправить по возможности все то, что можно, и восстановить авторитет царя и самодержавие.

Опасность немедленная состоит в том, что Земский собор будет составлен неверно; он должен быть составлен (как я Вам писал недавно) из элементов консервативных (земля). Затем он никак не должен быть конституционной камерой, обладающей решительным голосом, а именно быть лишь З[емским] собором с голосом совещательным.

В этом смысл. Здесь составляется челобитная (на основан[ии] указа Сенату 18 февр[аля])¹⁵. Она будет подана от «Славянского общества»¹⁶ (и будет несомненно прочтена царем).

Что сделает Москва? Слышно, что дворянство намерено тоже высказаться перед царем о современных тяжких делах, вероятно, этот адрес, это слово будет составлено в смысле последнего адреса моск[овского] дворянства? Причем, ввиду рескрипта 18 февр[аля], оба течения мысли (большин[ства] и меньшин[ства]) сольются?

Ежели да — прекрасно!

Ежели нет? То, может быть, Вам «со товарищи» можно будет выразить солидарность во мнениях с нами?¹⁷ Это — в случае крайности, но уповательно, в Москве будет написано что-либо самостоятельное? Здесь тоже готовится адрес. Может быть оба дворянства, москов[ское] и петербур[гское], соединятся и составят что-либо сообща?

Очень боюсь, что и новый здешний адрес выйдет бесцветным или (что еще хуже) двухцветным, таким, какой был представлен здешними двор[янами] и кот[орый] мог быть подписан и «конституционалистами», и «соборниками». Здесь этим хвастаются, а я нахожу, что это доказательство недостатка гражданского мужества, признак политической «никуда негодности». Не так ли?

Ведь врознь нам, сторонникам самодержавия, жить нельзя; надо сплотиться вокруг тождественной программы более точной и определенной, нежели те, которые писались до сих пор.

Повторяю: «*Hannibal ad portas*, или *constitutio ad portas*»¹⁸. Гибель! (Вы, надеюсь, получили мое сообщение 3 февраля в «Славянском обществе» и согласны с ним?)

Повторяю: нам медлить нельзя, правительство разлагается! Ввиду того, что предстоит реформа, им в настоящую минуту ничего не делается (революция — та действует; не спят и конституционалисты). Цензуры нет, нет совершенно Мин[истер-

Нестор № 3

ства] нар[одного] просвещ[ения], нет почти Мин[истерства] юстиции. Очевидно, если не принять мер, расплзется и все остальное правительство.

Итак — нетерпеливо жду Вашего ответа!

Искренне преданный
А. Киреев.

P.S. Необходимый нам сильный человек может явиться лишь из числа членов Земского собора. Это надежда непременно осуществится, лишь бы Собор был правильно составлен.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 97—100 об.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Не менее Вас сознаю всю опасность положения: власти нет, хаос полный во всем, смута все усиливается, война все затягивается без надежды на какой-либо успех в близком будущем. Более грозных обстоятельств мы не переживали, кажется, с эпохи междуцарствия. Но чем тут помочь, к чему это обязывает нас, частных лиц, — это, признаюсь, мне совершенно неясно. Вы говорите: «надо сплотиться (отделиться от конституционалистов) и стараться повлиять на г[осударя] и Булыгина в нашем смысле». Так ведь мы здесь это уже сделали, поскольку это от нас зависело, и как умели. Я разумею адрес московского дворянства и нашу «записку». И что же? Оказало ли это какое-либо действие на правящие круги да и на самого самодержца? Рескрипт 18 февраля служит ответом. Власть стала на сторону той партии, с которой мы боролись. Я не хочу сказать, что наша борьба прошла совсем бесследно: она, может быть, имела некоторое влияние на те общественные элементы, которые колебались, не знали, куда им примкнуть. Но власть пошла как раз по тому пути, против которого мы ее предостерегали. Что же мы теперь можем сделать?

Вы указываете на опасность, что Земский собор будет составлен «неверно» и что он получит характер конституционного учреждения. С этим, думаете Вы, надо теперь бороться. На это я скажу тоже, что не раз Вам докладывал, что если только будет Земский собор, то он при настоящих обстоятельствах и не может быть верным выразителем народной мысли и воли; в нем непременно возобладают революционные (в широком смысле слова) элементы, и правительство при всем желании не в силах будет помешать ему превратиться в конституционное, а затем в революционное учреждение. Следовательно, спасение возможно было бы только при том условии, чтобы понять рескрипт 18 февраля буквально, не давая ему никакого распространительного толкования, т. е. организовать привлечение выборных к законодательной работе, не создавая постоянного представительного учреждения. Но, кажется, мало надежды, чтобы правительство наше, окончательно спасовавшее перед политической агитацией, решилось действовать в таком смысле. Впрочем, мы здесь все-таки собираемся высказать свои соображения о том, как желательно было бы осуществить меру, возведенную рескриптом 18 февраля. У меня в доме собирается кружок, который в настоящее время как раз занят разработкой этого вопроса. Если придем к определенным выводам, то молчать, конечно, не будем. Кстати, позвольте познакомить Вас с другою работою нашего кружка, которую я на днях представил Булыгину для внесения в Совет министров. Это записка о необходимости местного обследования по крестьянскому делу¹⁹. Посылаю ее Вам отдельно заказною бандеролью.

Но более чем вероятно, что слабый голос небольшого кружка не обратит на себя никакого внимания. Ведь и дворянство московское, когда оно пошло против тече-

ния, не могло подействовать на власть. А теперь дворянство ни о каком адресе не думает и думать не может, потому что до Фоминой недели никакого дворянского собрания не будет, на Фоминой же будут только выборы. Да и что могло бы сказать дворянство? В нем три течения: чисто конституционное, земско-соборное и третье, не отрицающее Собора в принципе, но считающее его крайне опасным теперь. Первое приветствует в рескрипте 18 февраля только приступ к преобразованию в конституционном духе, второе желает, очевидно, чтобы мера, возвешенная этим рескриптом, осуществилась в форме созыва Земского собора²⁰, третье полагает, вероятно, подобно мне, что уж если правительство сделало страха ради иудейска такую ошибку, как обещание, что будут призываться выборные к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений, то обещание это надо осуществить, не расширяя его смысла, держась исключительно на практической деловой почве, а не спускаясь еще дальше по лестнице уступок. Как же эти различные течения могли бы теперь согласиться насчет совета, который следовало бы дать теперь правительству?

Да если б даже у нас тут и установилось трогательное согласие, подвинет ли это сколько-нибудь дело? Вы сами, по-видимому, думаете, что нам теперь главнее всего нужен «сильный» человек и вместе с тем надежный человек. Но Вы все возлагаете надежду на то, что Земский собор нам даст такого человека! Увы! Он может исполнить Ваше ожидание только в том случае, если он превратится из совещательного учреждения в правящее, т. е. если он вступит на революционный путь. А пока он будет обсуждать «законодательные предположения» и высказывать по ним свои мнения, он ничего подобного сделать не в состоянии. Революция выдвинет, несомненно, людей, но какой ценой? Что мы должны для этого вынести и чего нам придется ради этого лишиться? Об этом страшно и подумать.

Итак, по-моему, если к чему должны быть направлены старания тех, кто не желает революции, то только к тому, чтобы, с одной стороны, по мере возможности воздействовать на общество, сдерживать хоть несколько его конвульсивные припадки, стараться вывести его из того состояния острого умопомешательства, в котором оно теперь находится; с другой, хоть немного задержать падение власти по наклонной плоскости от одной уступки к другой. Хорошо сознаю, как мало надежды на успех в том и в другом отношении, но другого пути для деятельности частных лиц, не стоящих у дел общественных и государственных, решительно не усматриваю.

Из этого Вы видите, что я ничуть не умаляю опасность; думаю даже, что положение представляется мне более серьезным, чем Вам. Я был бы счастлив, если б вместе с Вами мог сказать, что опасность заключается только в том, что будет конституция и что она неминуема, если только не созовут «настоящего» Земского собора. Еще счастливее был бы, если б вместе с Вами верил в возможность воздействовать на государя. Все, что произошло за минувшие 7—8 месяцев, заставляет меня весьма скептически относиться к такой вере. Вы спросите: где же исход? Я его не вижу и опасаясь всего самого худшего, если Богу не угодно будет нас избавить каким-нибудь неведомым нам путем. Я ждал до сих пор многого от военных действий: успех в Маньчжурии мог бы все изменить к лучшему, хоть на время подняв авторитет власти. Но теперь, к сожалению, и эта надежда утрачена. Я не могу так винить Куропаткина, как многие, и Вы в том числе. Думаю, что его нельзя считать ответственным за весь первый период кампании, не могу забыть, что числом войск японцы нас всегда превосходили, принимаю в расчет и моральное влияние на войска таких событий, как изменнический образ действий Гриппенберга²¹, оставшийся без всякого возмездия, и как наша внутренняя смута, известия о которой давно уже доходят до армии. И при всем том я надеялся на успех именно потому, что я

Нестор № 3

верил в Куропаткина. Теперь эту надежду надо оставить надолго. От флота можно ждать только новых несчастий. Следовательно, исцеление может прийти только изнутри. Но как? Этого я не постигаю и могу только вместе с Тютчевым повторять: «Ты долго ль будешь за туманом скрываться, русская звезда? или оптическим обманом ты обличишься навсегда?»

Вот, многоуважаемый Александр Алексеевич, единственное, что могу ответить на Ваш призыв. Простите, если это не то, чего Вы ждете и желаете. Чувствую полное свое бессилие для той исключительной работы, которая теперь требуется обстоятельствами, сознаю вполне, что совершенно не гожусь для нынешнего грозного времени, с наслаждением стал бы работать по указанию другого, если б только мог убедиться, что это именно тот «сильный» человек, который нам теперь так нужен, о котором надо теперь ежечасно Бога молить.

Прощайте, будьте здоровы и бодры духом.

Искренне Вам преданный
Федор Самарин.
Москва

16 марта 1905 г.

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 53–55 об.

17 мар[та] 1904²² [г.]

Гор[од] Павловск
Дворец

Милостивый государь Феодор Дмитриевич,

Вследствие некоторого недоразумения я не поблагодарил Вас за присылку первого тома сочинений (собрание статей) Вашего покойного батюшки²³. Позвольте мне, хотя несколько поздно, исполнить этот долг вежливости.

Статьи, относящиеся до крестьянского дела, особенно ценны в настоящую минуту, когда у нас, того и гляди, может вспыхнуть аграрный вопрос (в дополнение ко всем тем, которые отчасти надвинулись на нас, независимо от нашей воли, а отчасти вызваны собственным нашим недомыслием — как, н[а]пр[имер], настоящая война)!

Пока длится война все остальные задачи, поставленные нам нашей историей, будут, я думаю, оставаться без движения, но по окончании войны они настойчиво потребуют решения, решения, к которому ни правительство, ни самое наше общество совершенно неподготовлены!

Я был в отъезде и поручил одному моему знакомому переслать Вам несколько моих брошюр, не знаю дошли ли они до Вас?

Прошу Вас, милостивый государь Феодор Дмитриевич, принять уверение совершенной готовности к услугам.

А. Киреев.

Заседание интересующее Вас (в «Русском собрании») было несколько бурного характера. Докладчик, пр[офессор] Никольский, становился на Вашу точку зрения: «Правительство может своей собственной силой, без помощи Земского собора, вывести нас из нашего отчаянного положения». Некоторые хотели возражать (оппоненты, впрочем, — тоже антиконституционалисты). Председатель закрыл собрание. Детские выходки, в русском стиле, тушение электричества, похищение председательского колокольчика и т. п.

Псылаю Вам мое сообщение «О злобах дел с [точки] зрен[ия] славян»²⁴. Там Вы найдете некоторые из вышеизложенных мыслей развитых более полно.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

Судьба нашей войны становится все мрачнее ... а страшная, мистическая мысль о призвании России защищать другие христиан[ские] нации на берегах Тих[ого] океана (точно навеянные M-me Krüdner), доказывает полное непонимание положения дел, и открывает американцам, японцам, да и всем, имеющим торговые там интересы, глаза на наши похоти, совершенно не поддержанные могуществом! А между тем мир невозможен! Мы не можем, не должны заключать его после ряда поражений, из которых три могли бы быть победами, не будь Куропаткин профессором без воли и решимости.

Искренно преданный Вам
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 4—6 об.

23 марта 1905 [г.]

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Вы стоите крепко и нерушимо на Вашем решении ни на волос не отходить от Ваших взглядов, от принятого Вами «standpunct'a»²⁵. Хвала Вам и честь! Такая твердость — дело редкое в наше время! Но мне кажется, что Вы напрасно переносите такую «интранзигентность»²⁶, безусловно необходимую в вопросах религии и этики, на почву политики. Ведь ежели бы Вы и Ваши (да, в принципе, и мои) единомышленники могли своим отказом совместной деятельности с нами (соборниками) остановить правительство на пути в пропасть, дать ему силы, которых оно лишено, я бы Вас понял, может быть бы к Вам сам присоединился; но, повторяю, правительство, точнее, та тень, тот символ правительства, которые стоят на его месте, играют его роль, на Вашем standpunct'e устоять не могут, а, между прочим, Вы его лишаете содействия тех больших сил, которые заставили московское дворянство принять этот именно standpunct!

Если бы Вы, Д.А. Хомяков ... вступили в комиссию Булыгина, Вы бы помогли ему как-нибудь разобрать[ся] в его трудных делах, обстоятельствах. Он бы может быть стал на средний путь, хотя бы временного Земск[ого] собора, или «ad hoc»²⁷ (что я лично считаю недостаточным), но отказом Вашим Вы увеличиваете лишь шанс конституционалистов²⁸. Булыгин уже допускает возможность привлечения в его комиссию (да кажется и в самый З[емский] собор) представителей земства! А это и есть начало конституции.

Здесь собираются тоже «кружки» для разработки тех мер, которые являются необходимыми для спасения самодержавия. Пока дело представляется еще в очень «пестром» виде, кажется оно войдет в настоящую колею. На днях оно, может быть, примет некоторую форму, остановится на некоторой программе. В этом случае я Вам сообщу результаты наших совещаний. Может быть, Вы будете так добры ответить нам (через меня) тем же. Может быть, нам удастся слиться? Ведь и здесь есть лица, которые стояли на Вашей (непримиримой) точке зрения и которые, однако, присоединяются к нашей («соборной»)! Может быть, ввиду надвигающейся грозы, ввиду развития обстоятельств, «столь трогательное», как Вы говорите, «согласие» и действительно могло бы состояться?! Ведь границу уступок установить между нами было бы, мне кажется, нетрудно.

Да, конечно, будь у нас «сильный человек» мы могли бы около него сплотиться, но его нет! Есть налицо один сильный мошенник — Витте (около которого группируются и очень плотно конституционные и революционные силы). Но я твердо упо-

Нестор № 3

ваю, что такой «сильный» человек найдется и среди членов будущего З[емского] собора. Но и до Собора, теперь, нужно именно заботиться о том, чтобы выработаны были такие основания для его созыва, которые ручались бы за то, что он будет консервативен, т[о] е[сть] б[удет] отражать настоящее состояние России, будет ее зеркалом (см[отрите] мое сообщение в «Слав[янском] общ[естве]»).

На государя воздействовать нельзя (он для сего слишком неустойчив), но можно действовать на 2-х—3-х его министров, и других близких ему лиц.

Пока до свидания.

Искренне Вам преданный
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 11—13 об.

26 марта 1905 [г.]

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Вчера обсуждался вопрос о принятии образующейся консервативной партией известной программы. Решено²⁹ примкнуть прямо к программе 20 дворянских предводителей, собравшихся в Москве³⁰. Она Вам известна.

Программа эта не сходится с Вашей; она отошла от Вас и Вашей партии налево. Да, но поверьте, Ваша программа уже устарела, как может быть устареет и наша (Зем[ский] собор), если правительство будет медлить! Это сознают и разные сановники-бюрократы, примкнувшие к нам вчера.

Не сочтете ли Вы и Ваши единомышленники возможным согласиться с нами³¹ и действовать *viribus unitis*?³² Пожалуйста, подумайте.

Искренне Вам преданный
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 14—15.

Христос воскрес!

Поздравляю Вас, многоуважаемый Александр Алексеевич, с праздником и желаю Вам, как и всем теперь, возможно больше того мира душевного, о котором постоянно молит церковь. Только теперь начинаешь понимать все великое значение этой молитвы и того блага, которое ею призывается на нас.

Посылаю Вам нашу отповедь губернским предводителям³³. Я говорю «нашу», потому что она идет за подписями всех членов кружка, который у меня собирается. Составлена же она первоначально мною. Потом она подверглась некоторым изменениям и исправлениям по указаниям членов кружка. Из этой отповеди Вы усмотрите, что я остаюсь, как Вы пишете, «верен себе»; да, признаюсь, я и не вижу причины изменять свою точку зрения: все, что совершается кругом, еще более укрепляет меня в моих убеждениях. Постараюсь на днях побеседовать с Вами на эту тему обстоятельнее, а пока должен кончать, тем более, что и машинка моя, выдержавшая сегодня очень большую работу, отказывается служить и требуют починки.

Итак, до свидания, будьте здоровы. Усердно Вам кланяюсь.

Искренне Вам преданный
Федор Самарин.

18 апр[еля] 1905

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 56.

1 [июня] 1905 г.

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Два оттиска получил — премного Вас благодарю! Мнение мое о положении наших дел Вам известно! Я не «составляю себе иллюзий» (извините галлицизм!) на счет благополучного исхода их; созыв Собора (Думы) — дело опасное, и преимущественно вследствие нашей петербургской неумелости вести какое бы то ни было серьезное дело; но ведь иначе поступать нельзя ввиду отсутствия людей в правительственной среде! Со средою этой повторяется то, что (говорят) было с Гегелем. Перед смертью он, говорят, сказал: «*Nur ein einziger unter meinen Schülern hat mich verstanden, aber auch der hat missverstanden!*»³⁴ Царь мог бы тоже сказать: «Из числа всех моих сановников обладает головой — лишь один Витте, но и этот — с мошеннической головой!» Что же тут будешь делать?! Видел я на днях царицу (Алекс[андру]) и говорил с ней долго о З[емском] соборе. Очевидно и у нее и у царя существуют сомнения на счет безопасности созыва Собора. Она два раза, настойчиво, меня спросила, могу ли я отвечать за то, что это не поведет к конституции, к смутам? Я ответил оба раза, что нет, что это дело опасное, но сравнил наш политический организм с телом, у которого кисть руки охвачена антоновым огнем. Приходится сделать опасную операцию!

С величайшим удовольствием прочел Ваше письмо Трубецкому (в «*Нов[ом] времени*»)³⁶. Vous l'avez non seulement au pied du mur, mais encore au pied du pilori³⁵.

Верно ли, что съезд 6-го июля (в Москве) конституционной партии отменен?! Дай-то Бог! А то дела могли бы дойти до столкновений! Пока войска надежны; но пропаганда (в артиллерии в особенности) производится деятельно и безнаказанно!

Cureosum! Знаете ли, где особенно легко мирятся с мыслию о возможности введения у нас конституции? Среди бюрократов (пронюхали, что без них ни Трубецкие, ни Гапоны не обойдутся)!!

Искренне Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 31–32 об.

12 июня 1905 [г.]

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Великое спасибо за присылку Вашей брошюры «*О способе...*»³⁷. Дмит[рий] Алексеевич Хомяков, впрочем, передал мне ее раньше, в гранках!

Что Вам сказать? Ведь, повторяю, мы единомышленники, между нами разница лишь, так сказать, хронологическая. Вам кажется, что мы живем лет 20–30 тому назад, что у правительства есть еще какие-то возможности, какие-то средства, силы, которых у него нет. Конечно, земство наше плохо, очень плохо, а «интеллигенция» наша просто дрянь, но что такое (в политике) сила и слабость? Это понятия относительные! Наши оппозиционные силы, конечно, плохи, слабы, но правительственные еще плоше и слабее. Поэтому-то и нужно усилить наше правительство советом земли, и притом, в большей мере, нежели вы полагаете. На послезавтра (вторн[ик], 14) предполагается съезд «*Союза русских людей*» в Москве. Я туда приглашен (в числе других членов нашего «*Отечеств[енного] союза*»); надеюсь и Вас там встретить? Ведь нам всем нужно действовать, и притом сообща, забыв оттенки мыслей, нас еще отделяющих друг от друга! Не забудьте, что наши противники, понимая значение настоящей минуты, действуют с удвоенной энергиею и сплоченностью. Проиграть партию теперь — значит проиграть ее навсегда, невозвратно;

Нестор № 3

раз введено будет всеобщее голосование, дана конституция (введением вместо совещательного — голоса решительного) — дело будет окончательно испорчено!

Искренне преданный
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 16—17 об.

10 июля 1905 [г.]

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Посылаю Вам мой ответ Башмакову, который послужил мне лишь предлогом для освещения положения дел вообще.

Нам, повторяю сказанное мною в статье «*Нов[ого] вр[емени]*», необходимо счесться и, поставя вопрос ребром, отделаться от конституционалистов. Не понимаю, что за вздор пишет против Вас Ю. Милютин (да еще, вдобавок, и наставительно-резко)³⁸. Какая польза будет от того, что, утаив на время наши чувства, наши мысли, мы войдем в мнимое соглашение, в компромиссы с нашими противниками?! Что мы этим выиграем?! Это или плутня, или крайняя наивность! Или плутня относительно публики, которой представляют царя единомышленником Трубецкого, или наивность, состоящая в том, что надеются под этим условным (ложным) единением провести какие-нибудь благие законы, которые все успокоят, усмирят etc etc ... вздор!

По-видимому, булыгинский проект будет рассматриваться не в Госуд[арственном] совете ...³⁹ Очень жаль! Без значительных усовершенствований он окажется плохим, в особенности в том, что крестьяне едва ли доползут доверху.

Духовенство тоже останется в стороне! З[емский] собор без представителей церкви! А бедный царь говорит о «*неколебимых основах*»! «*Как встарь*».

Здесь многие с нетерпением, ждут Ваш ответ Милютину. Если Вы его поместите не в «*Нов[ом] времени*» — благоволите его мне прислать («*Нов[ое] вр[емя]*» я получаю)⁴⁰.

Витте не получил никаких инструкций от царя, сказавшего ему «*Я отсюда буду направлять (?) переговоры(?)*»⁴¹

Если переговоры удадутся (что сомнительно), Витте достигнет своей мечты — Минис[терства] иностранных дел.

На днях здесь ожидаются серьезные беспорядки (сомневаюсь в серьезных).

Искренне Вам преданный
А. Киреев.

Принимаются меры (военные) против возможных волнений в Петербурге на завтрашнее число(?)

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 18—19 об.

23 июля [1905 г.]

Ассерн близ Риги
Дюнная ул., 31

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Приношу Вам усерднейшую благодарность за присылку Вашего ответа Башмакову. Хотя я читаю «*Новое время*» и внимательно слежу за Вашими статьями, но почему-то как раз эту я пропустил, между тем, она очень интересна и своевременна.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

Мой ответ Милютину появился в «*Новом времени*» 15-го июля, и потому я Вам его не послал, основываясь на Вашем письме. Очень мне было тяжело и грустно вступать в полемику с человеком, лично мне близким и носящим имя, с детства мне дорогое, но ввиду самого имени этого и ввиду характера предъявленного обвинения нельзя было промолчать. Не могу понять, что заставило Милютину, человека постороннего в данном случае, вмешаться в этот спор, но в сущности должен признать, что это было к лучшему, потому что дало возможность публично установить точный и определенный характер «земского» адреса. В этом отношении большое счастье, что Шарапову удалось его напечатать без придирок со стороны цензуры, а то нельзя бы было на него ссылаться и дело мое было бы проиграно. Но какова нелепость, что депутация была принята, речи депутатов напечатаны в «*Правительственном вестнике*», а их адрес, на котором основаны их речи, запрещен? Ведь это какая-то игра в жмурки, которая на руку только либеральной и революционной партии. Не в ее ли интересах редактировано и правительственное сообщение о приеме губернских предводителей?⁴² Ведь предводители говорят, что они не думали всецело поддерживать или хоть сколько-нибудь поддерживать земское обращение. Кто же, спрашивается, вклеил эти роковые слова в заметку «*Правительственного вестника*»? Очевидно, *is fecit cui prodest!*⁴³

Живу теперь на берегу Балтийского моря и стараюсь не думать о всем, что происходит в России, — таково приказание врачей, но постоянно мысль возвращается к печальной действительности; каждая газета, каждое письмо волнуют и раздражают до последней степени! Исхода мирного, нормального не вижу совершенно. Думается, что остается теперь дать общественному движению свершить свой круг и путем свободного развития дойти до самоубийства. Это будет стоить русскому народу, конечно, недешево, но по крайней мере, это освободит нас от того мутного потока, который все шире разливается и в котором мы захлебываемся, такого рода клапаном, который даст всей этой мути вылиться наружу, и послужит, может быть, та Государственная дума, над созданием которой теперь трудятся в Петергофе. Дай Бог только, чтобы народный организм вынес без окончательного истощения эту операцию.

Усердно Вам кланяюсь и крепко жму руку. Прошу извинить меня, что не скоро ответил: совершенно не успеваю справляться со своею корреспонденцией.

Искренне Вам преданный
Федор Самарин.

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 30—30 об.

28 июля 1905 [г.]

Павловск

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Не знаю, писать ли Вам или нет? (раз Вы живете на морском берегу для успокоения нервов). Все же пишу ввиду тех интересных данных, котор[ые] могу Вам сообщить. Комиссия петергофская представляла чрезвычайно интересное явление. Можете себе представить, что эти заскорузлые бюрократы, все эти Сольские, Коковцовы, Шванебахи и К^о оказываются сознниками конституционалистов! Канцелярщина и радикализм! Трудно себе объяснить генезис этого союза; может быть атавизм? (граф Сольский!!! и т. п.), может быть соображения личные (шкурные). Как, мол, ко мне отнесется Гапон, когда он будет первым министром? *Kurz und gut*⁴⁴, или скорее *kurz und schlecht*⁴⁵ — петергофские заседания кончились очень плохо. Программа нашего

«Союза» была отклонена, принята министерская, основанная, как известно, на законе 1864 [г.] для земства. Таким образом, вопросы высшей и сложной жизни государственной втиснуты в рамки, данные для решения вопросов хозяйственных. Государь, по-видимому настроенный очень хорошо, был сбит с толку разными бюрократами (Сольский, Коковцов, Шванебах, Фриш ...). Государю было (в частном письме) объяснено нами, консерваторами, очень подробно и ясно положение дел. М[ежду] пр[очим], была доказана необходимость присутствия в Г[осударственной] думе дворян, крестьян и духовенства как таковых (als solcher)⁴⁶. Сам царь спас крестьян, но и духовенство и дворянство — провалились; подумайте! Зем[ский] собор без представительства церкви! Это после многократных заявлений царя о том, что он хочет, чтобы все делалось как «ветарь», что Россия не должна сходить со своих старых исторических основ и т. п. Вы, конечно, все это читали. Одним из ярых оппонентов дворянства оказался в[еликий] кн[язь] Владимир Алексеевич, которому гр[аф] Бобринский (один из наших представителей) должен был ответить очень резко. На последнее заседание Влад[имир] Алекс[андрович] и не явился.

Дела стоят так: принцип монархический в теории стоит твердо, т. е. Дума имеет характер совещательный; решает царь. Дворянство как фактор политический перестанет существовать. Сословие двор[ян] осталось, оно будет представлять адреса, давать обеды и балы (пока совершенно не разорится), но несомненно будет поглощено землевладением.

Крестьянство, спасенное на последнем заседании царем, лишь в начале (??) будет стремиться (??) в Думу; по проекту Булыгина Дума будет работать 9—10 месяцев в году (мы предполагали, для облегчения крестьян, дать З[емскому] собору двухстепенное представительство. З[емский] собор заседал бы лишь месяца 2—3, давая общее направление делам, такой срок никого бы не испугал, а собственно управляла бы Россия Дума, избираемая Собором (и контролируемая им). В булыгинскую думу лучшие люди, действительно связанные с землею, пойдут лишь на первое время; вероятно Дума перейдет в ведение городских политиканов, т. е. самых скверных, которые живут политикой; государственными паразитами... Я смотрю на дела мрачно.

Посылаю Вам при сем ответ мой Милютину⁴⁷. На этот ответ, он возразил мне открытым письмом в «Нов[ом] врем[ени]»⁴⁸, который мне нельзя будет оставить без возражения, потому что Милют[ин] представляет мнение многих... Но я начинаю относиться подозрительно к его bonam fidem⁴⁹. Будете ли Вы далее разъяснять вопрос? Я не знаю, что будут теперь делать дворянские предводители? Они, должно заметить, не безусловно присоединились к депутатам 6-го июня⁵⁰, а лишь усмотрели в ней союз царя и земли. Нужно было бы сказать: союз обманутого царя. Есть и у Вас записка предводителей.

Ну! что Бог даст?!

Жму Вашу руку.
Искренне Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 22—23 об.

12 [августа 1905 г.]

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Лишь сегодня удалось мне навести справку (окончательную) о заметке в «Правит[ельственном] вестнике».

Нет! Is fecit cui non prodest⁵¹.

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

Можете со спокойнейшей совестью утверждать, что г[оспод]а предводители действительно всецело поддержали обращение земских и город[ских] ... etc. Так написано, и это их слова. Конфиденциально же я могу Вам сообщить, что то лицо (тоже предводитель), которому было поручено редактировать их заявление⁵², по недостаточному знакомству с логикой и грамматикой выразил таким вышесказанным образом мысль о том, что они одобряют не содержание самого обращения, а его откровенный *modus*⁵³, его прямоту. Зная лично злосчастного редактора, я совершенно верю в то, что таково и было его намерение. Но он, очевидно, не знаком с одним из иезуитских фокусов, называемым *modus dirigendi intentionem*⁵⁴.

Ежели Трубецкой (и К^о) будут уверять, что в «*Правит[ельственном] вестнике*» напечатан вздор, то *opus probandi*⁵⁵ его уверений ляжет на него и он, конечно, должен будет сознаться, что он действовал совершенно легкомысленно, а его заместитель⁵⁶ — еще более. Я слышал, что москов[ское] дворянство намерено объяснить, что оно твердо стоит на своих прежних заявлениях (лояльных).

Итак, у нас «*Дума*»! Т. е. совещательное собрание, имеющее право говорить царю правду! Причем самодержавность царя не умалется ни на йоту. Затем крестьянство как таковое доходит до Думы. Все остальное в положении о Думе никуда не годится, но это уже не наша вина, не вина тех, которые советовали царю идти по этой дороге; будь Дума построена на сословности, за результаты можно было бы поручиться; ну а теперь??? Как пройдут выборы?! Беда та, что наша консервативная партия не успела сформироваться, устроиться, приготовиться к выборной борьбе. Противники же давно готовы. Как Вы думаете, какой будет характер Думы? Много ли туда проберется жидовства и нигилятины?

Искренне Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 39—40 об.

15 авг[уста] 1905

Ассерн

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Усердно благодарю Вас за сообщение результатов Вашего «расследования». Не скрою, однако, от Вас, что сведениями, которые Вам удалось добыть, дело для меня мало разъясняется. Что слова «всецело поддержали» были включены в текст с ведома и согласия того из предводителей, которому было поручено редактировать сообщение, т. е. г[афа] Гудовича, это было известно и без того. Точно так же не подлежит сомнению, что означенный предводитель действовал в данном случае, как говорят юристы, без полного и ясного разумения, а потому лично ответственности за это не подлежит или, по крайней мере, должен быть от нее освобожден по невменяемости. Наконец, бесспорно и то, что это ничуть не снимает ответственности с его более способных к сознательной деятельности товарищей и что ссылка их на его ошибку несколько их не оправдывает, ибо они должны были знать, кому они поручают составление столь важного сообщения, и не имели права устраняться от участия в этом деле, а если уж такой грех случился, то были обязаны принять все меры для восстановления истины.

Все это так, но меня собственно интересовал другой вопрос: кто Гудовичу внушил написать то, что напечатано. Сам, собственным умом он до этого не дошел бы, следовательно, кто-нибудь водил его пером и вот любопытно знать, кто именно. Впрочем, теперь Трубецкой в письме, адресованном дворянам (оно не предназначается для печати), говорит, что из текста, представленного предводителями в виде проекта пра-

вительственного сообщения, было исключено только одно слово: «непосредственное» перед словом «обращение» и что это и могло будто бы подать повод к недоразумению, так как под непосредственным обращением предводители разумели только речи земцев, якобы совершенно невинные, а не адрес⁵⁷. Если это так (я сомневаюсь в том, чтобы это было совершенно точно и имею на [это] данные), то вина падает уже не [на] одного Гудовича, а на всех предводителей вместе, потому что и без слова «непосредственное» выражение «всецело поддержали» достаточно сильно характеризует отношение предводителей к земскому съезду и его требованиям.

Чтобы разъяснить дело вполне, надо было бы прочесть тот первоначальный текст сообщения, который был составлен предводителями по выходе из кабинета государя и который они передали Гудовичу для окончательного редактирования. Но, само собой разумеется, этого черновика доискиваться нельзя, не следует и не нужно. В общем, вся эта история теперь уже утратила значение. События все быстрее и быстрее идут вперед, так что менее чем двухмесячная давность уже совершенно покрыла деяние, совершенное при опубликовании правительственного сообщения о приеме предводителей государем.

Что касается московского дворянства, то я сомневаюсь в достоверности полученных Вами сведений о предполагаемых им заявлениях. Теперь, в глухую летнюю пору, вообще трудно судить о настроении дворянства, особенно такого, как московское, которое разъезжается по всей России и за границу и трудно собрать дворян в достаточном числе; да если б что-нибудь подобное слышанному Вами действительно подготовлялось, я бы, вероятно, знал об этом от брата своего⁵⁸. К тому же не скрою от Вас, что после всего происшедшего едва ли и в московском дворянстве осталось непоколебленным настроение, которое возобладало в январе; во всяком случае, я уверен, что такого большинства, как тогда, мы бы теперь уже не могли собрать. Ведь не забудьте, сама власть пошла на уступки, она сама вылила не один, а несколько ушатов холодной воды на тех, кто хотел ей оказать поддержку в ее борьбе с революционными и конституционными вождениями. Так как же Вы хотите, чтобы и теперь все дворяне остались на прежней точке зрения? Одни по унаследованной привычке пойдут вслед за властью и тоже скажут, что необходимы уступки, что сам царь подает в этом пример, что нельзя верноподанным действовать в духе противления царской воле; другие просто поколеблены и смущены все продолжающейся смутой и подпали общему увлечению, против которого все труднее устоять; ведь надо же иметь какую-нибудь точку опоры, а таковой теперь не обретается и само правительство старательно выдергивает ее из-под ног у всех «благонамеренных». В общем, я полагаю поэтому, что и московское дворянство за это время подвинулось несколько влево. Впрочем, повторяю, это только предположение мое, а данных я никаких не имею и ровно ничего не слышал.

Относительно «Думы» Вы мое мнение знаете: оно нисколько не изменилось. Я по-прежнему уверен, что она послужит лишь боевым оружием в руках революционной и конституционной партии. Это, как уже пишут газеты, не что иное как «этап» по пути в ту неведомую область, куда нас неудержимо влечет политическая агитация и дряблость власти. При современных условиях состав Думы, по-моему, будет иметь мало значения. Конечно, хорошо, что в нее войдет значительное число крестьян, но я сильно опасаясь, что это не помешает ей обратиться в революционное собрание. Силою вещей она будет вынуждена выйти из пределов своих полномочий и, следовательно, вступить на революционный путь. Ведь теперь, когда каждая городская дума какого-нибудь захолустного Царевококшайска занимается вопросами общегосударственными и высказывает свое мнение о политической реформе, необходимой России, когда земские собрания закусили удила и не обращают внимания ни на распоряжения ми-

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

нистерства, ни на закон (было, напр[имер], несколько случаев что собрание экстренное провозглашало себя очередным и это сходило с рук участникам таких беззаконий), теперь, когда, с другой стороны, власть растерялась до последней степени и совершенно не знает, что делать, какого пути держаться (это сказалось особенно характерно на отношении администрации к земским съездам), теперь прямо психологически немислимо, чтобы собрание выборных со всей России, из кого бы это собрание ни состояло, занялось текущею законодательною работою и прямо с места приступило бы к рассмотрению какого-нибудь проекта изменения штатов бывшего Министерства земледелия или даже о реформе местных административных учреждений. Не подлежит сомнению, что «платформа» либеральной партии в первую избирательную «кампанию» будет сводиться к требованию «пересмотра конституции» и введения представительства с решающим голосом и выборов, основанных на прямой, равной и т. д. подаче голосов. Кроме того, будет предъявлено неизбежно сопутствующее требование о даровании всяческих «свобод». Эти требования будут выдвинуты и в Гос[ударственной] думе при ее созыве. Для крестьян же, чтоб их привлечь на сторону либералов, будет выставлена необходимость прирезки или дополнительного наделения в той или другой форме. Поэтому, сколько бы ни прошло в Думу людей, желающих работать, а не вести политическую агитацию против существующего государственного строя, для дела это почти безразлично. Серьезной работою Дума заниматься не будет в состоянии.

Да-с, многоуважаемый Александр Алексеевич, Дума только «этап»; это теперь ясное Божье дело. Да и соберется ли она по крайней мере в том виде, как она учреждена 6-го августа? Даже и в этом нельзя быть уверенным. Ведь оказалось же возможным отменить указ 18 февраля как раз тогда, когда он мог бы сослужить некоторую службу. Почему же не отменить и учреждение Государственной думы или ввести вместо того какой-нибудь гораздо более либеральной конституции? Так или иначе, но боюсь, что дела наши обстоят хуже, чем когда-либо и что без какой-нибудь катастрофы мы не обойдемся. По крайней мере, не могу себе представить, чтобы то невероятное возбуждение, которым охвачено наше общество и которое все более проникает в народную массу, могло разрешиться мирным путем. Конечно, много будет значить в этом отношении исход переговоров с Японией и дальнейший ход войны, если она возобновится; но даже при самом благоприятном повороте дел внешних внутренняя наша жизнь едва ли может войти в нормальную колею без какого-нибудь чрезвычайного события. Дай Бог, чтоб опасения мои были напрасны, но отделаться о них никак не могу и это меня угнетает и приводит в уныние.

Еще раз благодарю Вас за письмо, усердно Вам кланяюсь и крепко жму руку.

Искренне Вам преданный
Федор Самарин.

20 или 21-го августа надеюсь быть дома; тогда адрес мой будет: Одинцово, Моск[овской] г[убернии], Ф[едору] Д[митриевичу] С[амарину].

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 57—59 об.

30 сент[ября] 1905 г.

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Дм.А. Хомяков сообщает мне, что вы собираетесь принимать деятельное участие в выборной борьбе! Кому же как не Самарину и ратовать в таком деле!

Через неделю наш «Отечественный союз» соберется (со всех концов Руси). Было бы совершенно праздным делом «*infandum renovare dolorem*»⁵⁹ и «плакаться» о том, что наша партия (охранительная — славянофиль[ская]) не организована! А наши противники организованы. Приходится организоваться наскоро, какнибудь. Одна надежда — это глупость наших противников, обнаружившаяся столь блестяще в съезде городских и земск[их] деятелей в Москве!

Что же делать всем нам? Нас на Руси, думаю, очень много: но мы не сосчитались, действуем вразброд и являемся маленькими сравнительно с конституционными крикунами. Стало быть, нам нужно счесться и соединиться на почве одной общей и притом, для возможности общего действия, самостоятельной программы и действовать сообща⁶⁰. Но прежде всего нужно счесться. В Петербурге существует один лишь кружок («Отечественный союз»), затем есть ультраконсервативная группа важных и довольно глупых сановников и два общества — «Русское»⁶¹ (многочисленное, но скомпроментировавшееся бестактностями) и «Славяне»⁶² (благородно дремлющее, даже спящее), надежду я возлагаю на наш «Отечест[венный] союз». Но у Вас в Москве дело обставлено, кажется, шире? Есть «Союз русск[их] люд[ей]» (т. е. Ваш, Шереметева etc)⁶³, союз Плевако, союз Никол[ая] Хомякова, союз «Моск[овских] ведомостей»⁶⁴ (кажется, опирающийся на многочисленных «хоругвеносцев»?)⁶⁵, может быть, еще есть. Во всяком случае, всем тем, которые признают боевым кличем самодержавие (в противовес конституционализму, даже самому мягкому) должны соединиться и выставить всюду свою программу и своих избираемых.

Действовать нужно быстро. Глупеющее (все более и более) правительство нам помочь может немного; пожалуй, скомпрометирует?!

Как Вы о сем думаете и как думаете поступить?

Искренне преданный
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 37—38 об.

8 окт[ября 1905 г.]

Павловск

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич!

Очень опечалило меня Ваше письмо! Правое дело теряет в Вашем лице сильного бойца, одного из тех немногих, на которых правое дело это имело основание рассчитывать!

Вы говорите про необходимость работы в будущем! Но мне кажется, что настоящий момент важнее всех последующих. Он на них повлияет властно, окончательно. Вся будущность России поставлена на карту; мы идем *va banque*! Дело в том, что если победим не мы, а победят конституционалисты, то Россия станет на такую наклонную плоскость, по которой она покатится неудержимо. Ведь мы, русские, — радикалы самые бесшабашные и сие — по 2 причинам: по крови как славяне и еще более — по отсутствию культуры, которая не только не увеличивается, а несомненно уменьшается по мере того, как школой будет овладевать политика и как политика эта будет демократизироваться!

Поэтому-то и опасен настоящий момент. Мы с политики можем перепрыгнуть в бездну и через церковь. Разве Combes не разрушил церковь во Франции, поставив батареи свои к почве политики?⁶⁶ То же могут сделать у нас и разные Петрункевичи и К^o.

Конечно, церковь Христова сильнее ада. «Врата адавы не одолеют ее», но ведь представительство церкви может из наших рук перейти в руки другого народа,

может быть, Японии, Америки. С точки зрения общей церковно-исторической экономики это безразлично (важно то, что церковь — представительница безусловной истины — где-нибудь все-таки существовать будет), но с точки зрения русской — это далеко не все равно. Мой узкий политико-религиозный партикуляризм глубоко этим оскорбляется. А это может случиться.

Нет, нет, уважаемый Феодор Дмитриевич, идите в Думу. Дело еще может быть спасено, у него еще много «шансов», несмотря на позорное самовольное ослепление правительства, его позорное молчание, бездействие. Не бросайте дела. Нужно, или вернее, его придется бросить только тогда, когда у нас объявлена будет самим правительством конституция, а до тех пор нужно спасать наше никуда не годное правительство, его нужно спасать, несмотря на то, что оно, само не понимая, что оно делает, мешает своему спасению, отталкивает спасающих.

Ваша enquête⁶⁷ над крестьянами — конечно, дело важное, но если Вы его не превратите на некоторое время, занявшись выборами, то оно не пропадет! Ежели Вы сами не можете идти в Думу (не обманываетесь ли Вы насчет этого?), то, по крайней мере, направьте дело выборов как должно. Я два дня был среди москвитян, у меня глаз наматался (живу восьмой десяток!), для меня совершенно выяснилось, что spiritus gestor⁶⁸ — Вы и что Ваше место впереди немалых, но юных сил, которые я видел.

Хомяков может быть высказался несовершенно, особенно о Ваших намерениях, но я его так понял!

Мне кажется, что состав Думы очень трудно предсказать, хотя она не та (сословная), которую мы предлагали, однако может оказаться славянофильской, а не конституционной. А в этом случае на правительство можно будет налечь и заставить его идти правильно. Пусть тогда конституционалисты и снимают маску. Да и правительство тогда пояснее увидит свою дорогу. А с забастовками школы справиться будет нетрудно, опираясь на Думу.

Правительство, конечно, само не может справиться с революцией. Ведь это и было тем исходным положением моим, которое я выставлял против Вас, Павлова (историка), Хомякова, требуя Думы. Правительство не в состоянии спасти Россию само, но я верю, что с помощью Думы оно справится с революцией и даст народу все то, что ему нужно. Если же дело в настоящее время стоит так плохо, то это происходит оттого, что Дума дана слишком поздно, но все еще поправимо! Теперь правительство всюду отступает. Когда будет Дума, оно, надеюсь, почувствует себя сильнее, опомнится, встрепенется. Конечно, многое (если не все) будет зависеть от состава Думы. Если Дума будет революционного состава (конституционного), то такому безвольному человеку как государь едва ли устоять; но может быть, повторяю, она будет и монархическою?! Тогда — победа.

Вы обвиняете меня в оптимизме, а я — Вас! Вы говорите: современное положение неисправимо, переждемте бурю, тогда примемся за работу. Я говорю: совр[еменное] положение очень опасно, но исправимо, а если мы допустим бурю, то она сметет все, нечего будет и исправлять.

О церкви пока говорить не буду, в двух словах мое мнение таково: отстаивать буду до плахи догматическое учение: 1) в Евангелии; 2) In consensu omnium patrum⁶⁹; 3) догматические постановления 7-ми вселенских соборов.

Обдумываю обращение к избирателям. Трудность в том, что оно должно быть приемлемо и нашим сословием, и крестьянством. При первой возможности соберем наш кружок для приготовления к выборам: благоволиите сообщить, кого бы, по Вашему мнению, можно было послать в Думу от Москвы?

Энергия, за которую Вы меня хвалите, объясняется просто: с тех пор как я начал мечтать о будущем России (этому гораздо более 1/2 столетия), мечты эти (кото-

Истор № 3

рые затем стали думами, а впоследствии и убеждениями), сводились к восстановлению у нас самодержавия, усиленного совещательным голосом народа. Вот мечта эта осуществилась (хотя в искаленном виде), как же мне не помолодеть, не окрепнуть при этом!

Сердечно Ваш
А. Киреев.
Извините, спешу.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 105—108 об.

20 [октября 1905 г.]

Павловск

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич,

Итак, у нас конституция! Обещание Витте оправдалось: («не торопитесь, г[оспо]да, будет Вам конституция, поганенькая — но будет»).

Царь капитулировал перед забастовкой, сначала профессоров и студентов, затем улицы, затем желез[ной] дороги и, наконец, своих чиновников (почти все мелкие чиновники Государ[ственного] банка начали было забастовку)! Капитуляция эта совершилась а'la Небогатов, без даже попытки протеста, какого-нибудь сопротивления. Самодержавие подало прошение об увольнении сначала в отпуск, по «семейным обстоятельствам» в окрестности Петербурга, а затем и в отставку! Но в манифесте своем об отставке оно, как будто мало ему было срама и поношений, заявило⁷⁰ о необходимости (мнимой) ввести новые элементы — «классы», «не нашедшие места» в Думе, проектированной на Петергофских совещаниях. Очевидно это *captatio benevolentiae*⁷¹ у интеллигентного *plebs*'а. Однако таким заявлением я считаю возможным воспользоваться и нам. И вот каким образом: ни дворянство, ни церковь тоже, как таковые, «не нашли себе места» в Думе; но если, как думать должно, гр[аф] Витте намеревается уделить место в Думе разным «классам» корпорациям (какие могут это быть к[орпорации], адвокаты? ветеринары? ...), то такое же, если не (?) большее значение имеют классы — корпорации российского дворянства и православ[ной] росс[ийской] церкви. Первое находится, к сожалению, в руках двух политических кастратов — кн[язя] Трубецкого (Москва) и гр[афа] Гудовича (Петербург[рг]). Я к ним обращаться не могу, но относительно церкви я кое-что сделать могу, что и сделал. Я обратился к Ширинскому-Шихматову (тов[арищу] об[ер-]прок[урора] и к митр[ополиту] Антонию, объясняя им возможность и необходимость воспользоваться этим 2-м пунктом Манифеста 17 сент[ября]⁷² для возбуждения ходатайства представителей (?) церкви о том, чтобы и ей (презренной петергофскими законодателями) были даны права (класса?) корпорации, не нашедшей приюта в Думе. Не знаю, решатся ли они что-нибудь предпринять ... Шир[инский]-Ших[матов] — человек смелый, но еще не крепко стоящий на своем посту (да и временно), а м[итрополит] Антоний совершенно «тусклый» человек, уклончивый; может быть, здесь мне ничего сделать не удастся. Попробуйте что-нибудь в Москве (конечно, если Вы согласны с теми соображениями моими, которые высказаны выше). Москва все же русская и православная, может быть кого-нибудь найдете Вы в дух[овной] академии? Попробуйте владыку Евдокима (ректора) — лично. Я его не знаю, сужу по его статьям. Господи Боже мой! Да где же Ермогены, Дионисии, Авраамии?⁷³ Куда они все позапрыгались?!!

Знаете, мне очень тяжело! Ребенком я чувствовал правду славянофильского, древнерусского самодержавия середины XVI — до конца XVII ст[олетия] (самодержа-

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

вие, вслушивающееся в голос народа), юношей эти неясные чувства я понял умом. У возмужалого мысли эти сложились в твердые убеждения; я им служил со всею данною мне энергиею. Летом 1905 года мы были обстоятельствами, приближены к этим идеалам; в Петергофе они осуществились, хотя в глупых, эмбрионических, уродливых формах, и вот все это рухнуло и мы стоим перед конституцией, перед тем, чего более всего боюсь, что более всего ненавижу, в чем вижу гибель и моей родины и моей церкви ... Ну да этими lamentациями делу не поможешь.

Что делать?

Члены «*Отечеств[енного] союза*» (моего) еще не съехались, да в деле церковном они мне помогать не будут (не знают его), не будет ли чего на Москве?

Если что-нибудь начнете (или начнется) — пожалуйста, сообщите, примкну!

Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 88–91.

31 окт[ября] 1905 г.

Павловск

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Несомненно пора взяться за обращение к народу. Вчера вечером мы (в тесном кружке) это решили, будем издавать маленькую (пока) газетку с полувоззваниями именно к народу.

Несомненно нам нужно сплотиться, стать и действовать заодно, *viribus conjunctis*⁷⁴. Присоединяйте к себе всех единомышленников, так будем поступать и мы. И Грингмуту, и Мещерскому, и дворянину Павлову, всем должно протянуть руку! Всем «тянуть лямку».

Ближайшая беда вот в чем: Витте, исправляющий должность «сильного человека», открывается совсем не сильным; он без борьбы отдает позицию за позицию а la Куропаткин... Что же может быть? Может быть то, что уступив все, обессилив донельзя самодержавие, он сам тем или иным путем будет устранен! Останется в конце ослабленное самодержавие лицом к лицу с усиленной до крайности революцією... Все это объяснено в Петергофе ... Все, что можно делать, делается ... Но как Вы будете спасать утопающего, который отталкивает руку спасителя?!

Ежели бы Вы знали, как глупо-постыдно была дана конституция!

Продолжение — завтра.

Искренне Ваш
Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 33–34.

4 но[ября] 1905 г.

Павловск
Двор[ец]

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Не без опасности засесть на полдороге и с помощью рыбинского поезда добрался я до Питера. Из-под сени Пожарского, Гермогена, Дионисия и Палицына — под сень Витте, Антония, Нотовича и Проппера⁷⁵. Расстояние огромное.

Истор № 3

Пожалуйста, поторопитесь высылкою Ваших трех «пунктов». Я доложу моему «Союзу» («Отечественному») о происходившем в Москве; но для дальнейших действий мне необходимы *ipsissima et explicitissima verba*⁷⁶ постановления.

Уничтожить отказ Николая Александровича от самодержавия будет гораздо труднее, нежели то было при Анне Иоанновне. Тогда представителями ограничения были несколько верховников, теперь — масса конституционалистов, опирающихся на дураков и на *alliance israelite* ... Но попробуем! *Je ne demande pas mieux!*⁷⁷ Чемодуровское пояснение («самодержавного») помешает делу. Легче было бы восстановить самодержавие, не вызывая объяснений и толков о значении акта 17 октября. Сообщите тогда состав и адрес бюро.

Почему не были вчера на заседании Н. Хомяков и Шарапов?

Действовать необходимо скоро, а то Витте опять исторгнет у слабого царя какие-нибудь уступки, худшие последних, напр[имер], прямая и всеобщая подача голосов. Это будет такая «крышка» для нашего дела, от которой можно будет избавиться лишь прямым восстанием.

Искренне Ваш
А. Киреев.

P.S. Сообщите, пожалуйста, имена и адреса старообрядцев, которые были вчера на нашем собрании. Это очень крупный козырь в нашей игре и, признаюсь, козырь, на который я для этого дела не рассчитывал.

Один из них (?) выразил мне сочувствие за мои статьи.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 35–36.

13 н[оября] 1905 г.]

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Нам приходится бороться столько же с революцией, сколько с правительством графа Витте. Совет министров находится в руках последнего (в особенности — м[инистр] юстиции Манухин).

Государь старательно председательствует в Совете раз в неделю, но ... политической науки он не знает. Витте втирает ему очки.

Мне кажется, что ежели бы всенародный «Союз союзов» на днях представил царю протест (мотивированный) против усиления разрушительных революционных элементов 1) введением в Думу рабочих (как таковых) и устранением дворянства и духовенства (которые, конечно, имеют не менее рабочих право на представление) (как таковые); 2) понижением городского избирательного ценза и 3) намерением завести в России прямую и всенародную избирательную систему (допустимую лишь в очень маленьком и очень культурном государстве) — такой протест был бы очень полезен.

Такой протест можно бы было представить или официально, в двух экземплярах: один (оригинал) — царю; другой — самому Витте или — неофициально — прямо царю через меня или, если у «союза» есть другие пути, то пользуясь сими путями.

Как Вы думаете?

Искренне Ваш
А. Киреев.

Мне кажется, что ввиду сплоченной и сильной организации красных сотен «Союзу союзов» необходимо организовать свои белые сотни. Что же делать, коли

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

правительство (стоящее скорее за красное, нежели за белое) не может или не хочет защищать порядок. Ввиду выборов это особенно важно!

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 41–42.

15 ноя[бря 1905 г.]

Павловск

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Вам уже сообщили о результате совещания нашего «совета» по вопросу о соединении с Вашим «союзом». Мы посылаем Вам нашу пространную программу, может быть, будет найдена какая-нибудь соединительная формула... Во всяком случае, действовать-то мы должны сообща. Но в чем должна первее всего выразиться наша деятельность, *ad extra*?⁷⁸ 1) в торжественном по цели воззвании к избирателям и, во 2-х, в организации белых батальонов в ответ на организацию красных банд, заставляющих бастовать фабричных и т. п.

Мне кажется, что это необходимо, и вот почему. Но это конфиденциально.

У меня была сегодня конференция с военным министром. Выяснилось, что войск у нас так мало, так недостаточно, что об активных действиях, о подавлении восстаний политических, напр[имер], на Кавказе или аграрных в России в настоящую минуту нечего и думать! Войска возвращаются с Востока очень медленно, целый корпус нужно оставить для обеспечения самой жел[езной] дороги и Сибири.

Одним словом, *der langen Rede kurtzer Sinn*⁷⁹, тот, что войск не хватает на самое необходимое. Очевидно, что для заблаговременного отвоевания у стачки (и забастовок) железных дорог войск не окажется! Что делать? Мне кажется, необходимо организовать белые сотни (о подробностях не говорю).

Вопрос теперь состоит в следующем:

Можно ли из имеющихся в Москве прекрасных материалов (хоругвеносцы, охрана, старообрядцы etc...) организовать боевые дружины?

(«*Mais Vous voulez donc la guerre civile?*» — спросили меня в Царском Селе. «*Nous l'avons déjà*», — ответил я.)⁸⁰

Редигер⁸¹ сказал мне, что проект мой очень хорош, но что обсуждение его выходит из его (Ред[игера]) компетенции, т. е. что такая мера может быть принята не им одним, а всем правительством (вполне корректный ответ).

Прежде, однако, чем поднять этот вопрос перед правительством (т. е. официально), я бы желал знать Ваше о нем мнение.

Искренно ваш
А. Киреев.

Не знаю, где, в какой губернии новое Ваше местожительство — Измалково, пишу по старому адресу.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 109–111 об.

15 ноября [1905 г.]

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Получил Ваши письма — конфиденциальное от 11 ноября и другое от 13-го. Отвечаю сначала на первое.

Есть люди, которые всегда высказываются в одном тоне с собеседником своим (я в этом убедился из многочисленных примеров); думаю поэтому, что передаваемым Вами сообщениям не следует приписывать слишком большого значения. Тем менее можно на них основывать какие бы то ни было предприятия. Это — первое. Затем Вы слишком оптимистически смотрите на силу и значение тех людей, которые собрались 3 ноября. Вы большую часть их мало знаете или даже совсем не знаете. В действительности они не представляют ровно никакой силы или силу совершенно темную. Первое относится ко всем этим союзам землевладельцев и русских людей, да и к тому кружку, который объединяется вокруг меня; второе — к «Добровольной охране» и «Хоругвеносцам». Что касается старообрядцев, то все, заявленное нам офицером, оказалось чистейшим вздором и сам он личностью весьма подозрительною. У них у самих идет, очевидно, раздор: молодежь и «верхи» сильно заражены новыми веяниями и примыкают к «освободительному движению», простонародье и духовенство относятся враждебно к революции, но не имеют руководителей. На днях появилось в «Московских ведомостях» прекрасно написанное, но безымянное воззвание от старообрядцев, но до сих пор не удается добраться, кто его автор и от кого оно исходит, а между тем в «Русских ведомостях» и в «Русском слове» уже появились против этого воззвания протесты со стороны либеральных старообрядческих кружков. Словом, на старообрядцев пока надежды мало и во всяком случае к нам они не примкнут: они организуются самостоятельно и будут, может быть, действовать в одном с нами направлении, но независимо от нас. Что мы для них? У нас нет ни имен, ни средств, ни людей, за нами пока никто не стоит.

Ввиду всего этого я считаю, что мы совершенно бессильны для того образа действий, который Вы рекомендуете. Кроме того, и это главное, я никак не могу его одобрить принципиально. Пока есть законная власть, она и она одна может и должна бороться против всякого рода правонарушений и революционных действий силою. Частные лица или организации, принимая на себя самовольно такого рода обязанности, вступают тем самым на путь революционный. Вы скажете, что у власти нет средств. Во-первых, я с этим не согласен: средств материальных у нее все-таки более чем достаточно, но нет смелости ими пользоваться, нет нравственного авторитета, без которого физическая сила бесполезна. В этом отношении мы можем и обязаны оказывать власти посильную поддержку, осуждая те явления, с которыми она призвана бороться, и поддерживая ее в принимаемых ею мерах для подавления смуты и беспорядков или даже требуя от нее, чтоб она действовала энергично, не останавливаясь ни перед чем. Но если бы даже и действительно у нее оказалось мало людей и денег, то от нее зависело бы призвать на помощь те общественные элементы, которые стоят за порядок; тогда они стали бы действовать уже входя в предварительную организацию, подчиняясь ей и как ее агенты. Говоря просто: если полиции и войск мало, то пусть правительство сделает из полицейской службы повинность или пусть оно организует дополнительные к нынешним полицейские отряды из добровольцев, обратившись для этого к сословным обществам. Эти отряды могут быть также распределены по полицейским командам или [могут] составить отдельные дружины. Но так или иначе, а это возможно только по инициативе и под руководством самой правительственной власти. Иначе — это та же революция, и ни на что подобное я по крайней мере не пойду, пока существует законная власть.

В приписке к первому письму Вы говорите, что только Земск[ий] собор может снять с царя обязательство уничтожить 17 октября. На эту тему мне писал на днях и Шараров. Его письмо разослано циркулярно многим. Поэтому я счел долгом ему ответить подробно. Копию со своего ответа пришлю и вам. А пока скажу только, что

не считаю возможным в настоящее время формальную отмену 17 октября. Это было бы только новым ударом [по] самой царской власти и окончательно лишило бы ее доверия, каким бы способом эта отмена ни была проведена. Все ведь очень хорошо поймут, что Земский собор для того и созывается, чтобы оформить эту отмену. Не вижу и никакой практической надобности в такой отмене. На днях царь издал манифест, которым отменил всю выкупную операцию⁸², и никто не возражал против этого, хотя эта важная мера была принята даже без совещания с Государственным советом, а о Думе и помину еще нет. Фактически самодержавие зависит не от существования 17 окт[ября] или его отмены, а прежде всего от того, есть ли самодержец и желает ли он идти по историческому и народному пути или нет. Если нет, то при отмене манифеста 17 октября самодержавия все ж не будет, а если да, то и существование этого акта не помешает царю действовать на благо народа.

Перехожу ко второму письму. Вы, очевидно, страшно преувеличиваете в своем представлении наши силы. Мы положительно не в состоянии справиться со всею тою работой, которую Вы на нас хотите возложить. Ведь от Вас исходит предложение об адресе. Мы ответили немедленно телеграммой на имя Лыкошина, что в принципе мы эту мысль разделяем и что мы сочувствуем содержанию тех мест из составленного им проекта адреса, которые он привел в своем письме. Стало быть, теперь ближайшей нашей задачей, осуществление которой не требует от нас напряжения всех наших слабых и малочисленных сил и средств, является организация этого сложного и трудного дела. Ведь согласить всех на тот или другой текст адреса, собрать подписи и устроить съезд для избрания депутации не так легко.

Между тем Вы хотите теперь, чтоб мы рядом с этим протестовали против включения в состав избирателей Думы рабочих и интеллигентов без соответствующих прав для дворянства и духовенства. Но ведь это опять требует большой работы. Отчего бы Вам от «*Отечественного союза*» не изготовить проект такого протеста и подать его от петербургских групп («*Слав[янское] общество*», «*Русское собрание*»); мы к нему в той или другой форме присоединимся. Сами же мы решительно не поспеем заняться этим, если будем агитацию насчет адреса. По существу об адресе пишу Хвостову и Лыкошину⁸³. Попрошу их, чтоб они передали Вам мое мнение по этому вопросу, так как решительно не успею изложить его еще раз.

Насчет «белых сотен», о которых Вы опять пишете, я уже высказался выше. Повторю еще раз, что на это дело я ни в каком случае не пойду, пока существует законная власть, хотя бы эта власть и бездействовала. Другое дело, если бы она сама обратилась к населению, призвала его в лице его сословных организаций к содействию.

На днях пришлю Вам протест мой против воплей, раздававшихся на лжекрестьянском съезде. Он напечатан в «*Русском листке*» вчера, 14 ноября. Я издаю его отдельным листком и буду просить Вас его распространять в Петербурге в надежде, что к этому протесту кто-нибудь примкнет и заявит об этом публично. Необходимо высказываться решительно против таких преступных возгласов. Теперь при отсутствии цензуры это единственное средство борьбы. Да и цензура тут мало помогла бы. Она только вогнала бы болезнь внутрь, а надо лечить ее радикально и для этого одно средство — общественное негодование.

Арест руководителей съезда не должен останавливать. Во-первых, по всему вероятию, их так же выпустят, как выпускают теперь всех преступников. Во-вторых, надо, чтобы общество не только не высказывало им сочувствия, а поддержало бы власть в этой ее попытке бороться с разнузданностью слова. Иначе административные и судебные кары только послужат на пользу революции. Кроме того, пришлю Вам на днях то, что я читал 3 ноября в исправленном и дополненном виде. Это не для публики, а для распространения среди членов «*Отечественного союза*», «*Русского собрания*» и

Истор № 3

«Слав[янского] общества». Наконец, печатаю еще листок против созыва Учредительного собрания для распространения среди большой публики.

Прощайте, крепко жму Вашу руку и усердно кланяюсь.

Искренне Вам преданный
Ф. Самарин.

Усерднейше прошу извинения за массу ошибок, описок, опечаток: страшно спешу, чтобы письмо послать сегодня же, и не успею поправить его.

Ф. С.

ОР РНБ. Ф. 349. Оп. 1. № 60. Л. 84–86 об.

22 [ноября 190 г.]

Павловск
Двор[ец]

Глубокоуважаемый Федор Дмитриевич,

Получил я письмо Ваше от 15 н[оября] и, читая его, вспомнил начало (эпистолярное) нашего знакомства. Как и теперь, мы стояли тогда на двух разных точках зрения: Вы — монархиста, верующего еще в царскую власть, я — мон[архиста], уже в нее не верующего⁸⁴; (при данных обстоятельствах) и теперь то же самое. Я вынужден предлагать почти революцию, почти междоусобную войну. Вы стоите еще на законной почве, Вы думаете, что правительство что-то такое благое, нужное России совершит, в состоянии что-то совершить.

**«Барин вот придет,
Барин все устроит».**

И тогда (2 1/2 года тому назад) барин ничего не устроил и не мог устроить; так будет (и есть уже) и ныне. Правительство было тогда без воли, теперь оно в злой власти. Барина нет! Вот поэтому я и предлагаю как бы нечто незаконное ... Вы по-прежнему стоите на некоей законно-исторической почве и кажется Вам, что я ношу не генеральскую шапку, а фригийскую.

Думал я долго, что министерство делает глупости; нет, оно умно и сознательно ведет страну к такому положению, в котором бедному царю останется снова (как 16-го и 16 окт[ября]) преклониться перед (мнимой) необходимостью. Витте снова объяснит царю, что мы не в состоянии защищаться, что мы слабы, что у него нет сторонников, что весь народ за революцию! Повторится история глупого запугивания! Но кто же виноват в том, что правительство само дало фактически всякие «свободы» ранее опубликования тех новых законов (рамок), в которых эти свободы должны осуществляться, развиваться? Витте! Можно ли допустить, что В[итте], бывший 11 лет министром, мог проглядеть такое дело?! Ведь это понимает всякий молодой чиновник, всякий еле оперившийся бюрократ! А постоянное откладывание созыва Думы?! Разве это «лояльно»?! И опять тут является тот же Витте. Вот ввиду такого положения дел мне и кажется, что организация «белых» сотен если не лучшее, то хорошее средство самозащиты общества против революции! Что же делать?

Об увеличении правительственных сил добровольцами из этих же белых сотен я тоже думал; к этому средству английская полиция прибегает зачастую в виде волнений. Однажды при мне было (в Лондоне) такое усиление полиции; новые роисетеп'ы присягают и оказываются прекрасными защитниками порядка. Конечно, если консервативный материал не надежен сплошь (если и среди старообрядцев шатание), то, конечно, придется ограничиться усиленной вербовкой в поли-

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

цию (при которой можно руководствоваться более точными данными)! Но и на это нужно согласие Витте!

Лыкошев сообщил нам Вашу телеграмму. Ладно, споемся!

Относительно протеста царю, о котором я Вам писал (против допущения в Думу одних представителей от рабочих), переговорю с товарищами, но бедный царь попал в такую кабалу к Витте, что ни на что уже не способен; просто у меня начинают бродить в голове воспоминания о Фоме Бекете и рыцарях Генриха!⁸⁵

Конечно, бороться нужно и литературно, тут мы несомненно сильнее, но к несчастью, мы не умеем пропагандировать, да у нас и некому, в нашем кружке совсем нет молодежи; около Царского и Павловска революционная молодежь (студенты, гимназисты(!)) постоянно агитируют мужиков (в особенности, по праздникам). Будь мне не 72 года, а 27... эх!!

Пропаганда нужна и с нашей стороны. Кажется, у Вас в Москве дело обстоит лучше? Больше молодых сил?

Странно как-то смотреть на весь этот мир, окружающий нас, который тихо проваливается в «прошедшее». Кто о нем пожалеет! Плох он, покойник... но неказист и надвигающийся! Грубый, некультурный, да и мелкий, ужасно мелкий, плоский, и неуч, невежда!

Искренне Ваш
А. Киреев.

Простите отсутствие каллиграфии — очень спешу!

P.S. Не нашедши пока (к стыду нашему) среди нашей партии какого-нибудь богача, желающего пожертвовать на общее дело от 2 до 260 000 р., мы решились нанять одну из существующих газет (н[а]пр[имер], «*Россию*» Брискорна⁸⁶ или «*Слово*» Перцова!⁸⁷), за известную плату готовую выпускать отдельные наши листы. Ежели и у Вас нет своего органа подходящего, то не хотите ли принять участия в нашей комбинации. Это облегчит многое, программу нашу, окончательно нами установленную лишь 20-го числа, я вам вышлю (у нас их две).

По-видимому, Витте не намерен принять никаких мер против забастовки (всеобщей), ожидаемой на декабрь. Этим он парализует созыв Думы, а тем временем выторгует у царя еще какие-нибудь уступки в смысле благоприятном крайней партии.

Когда-то получите Вы это письмо?!!

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 92–96 об.

8 дек[абря] 1905 [г.]

Павловск

Многоуважаемый Федор Дмитриевич,

Вам теперь, конечно, не до корреспонденции — буду краток.

Инцидент Витте (по поводу его заявлений о том, что 1) у нас нет конституции, а есть самодержавие, 2) что самодержавие есть, но что оно будет руководствоваться советами Думы, кончился 3) заявлением со стороны Витте, что он никогда и не думал говорить с кем бы то ни было об этих вопросах — l'incident est clos⁸⁸. Вы слышали конечно о том, что министр земледелия Кутлер (ставленник Витте) представил в Совет министров чудовищный проект отобрания у землевладельцев⁸⁹ их земель, (в сущности о национализации поземельной собственности) для передачи их крестьянам, причем владельцы получают не деньги, а лишь обязательства и притом

Истор № 3

не полной ценой, но 80: за 100? Проект этот отклонен даже нашим революционным правительством (пока?). Но ведь нечто подобное может возникнуть ежедневно, и на подобное возникновение, конечно, могут повлиять решения съезда предводителей дворянства, собранного в Москве. Надежды на этих г[оспо]д предводителей невелики, все теперь только и заботятся о том, что бы *captare benevolentiam plebis*⁹⁰ (всякой plebs — и уличный, и интеллигентный) нам все страшно!.. «А вдруг меня продернут в газетах, да назовут аграрием» (так и нас, членов «*Отечественного союза*», называют аграриями)!

Хотя сам кн[язь] Трубецк[ой] почувствовал (на своих поместьях) прелести аграрного движения, но на него надежда плоха (человек неустойчивый). Мы («*Отечественный союз*») посылаем ему для передачи другим предводителям то, что говорилось по этому вопросу в наших собраниях. В наших сообщениях Вы найдете много точных данных, которые окажутся не бесполезными для тех из Вас, которые захотят отстаивать общечеловеческие права на собственность.

Искренне Ваш
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 29–30 об.

31 дек[абря] 1905 [г.]

Павловск
Дворец

Многоуважаемый Феодор Дмитриевич,

Гр[аф] Витте приучил нас к сюрпризам, но последнего — я (да и никто) не ожидал! Он объявил, что самодержавие ничуть не отменено актом 17 октября, что о конституции никто никогда и не думал?!

Или Витте сошел с ума и его слова будут опровергнуты, или мы переживаем «*coup d'état*», коего конца в данную минуту никто предвидеть не может, менее всего тот, именем коего переворот совершается! Если это переворот, а не сумасшествие Витте.

Мне нечего Вам объяснять, до какой степени я враждебен конституции. Я должен, однако, сказать, что такое нарушение царского слова едва ли извинительно (хотя бы и «благой целью»). Но раз действительно акт 17 окт[ября] признается «*non et non avenu*», да «*er abphilosophieh wird*»⁹¹, мы может только этому радоваться. Другое дело, что на это скажут многочисленные члены всех тех партий, которые сгруппировались около конституции, т. е. правовая парт[ия]⁹², парт[ия] 17 октября и т[ому] подобные, что они скажут? Часть из их членов несомненно перейдут в партии крайне левые, а левые может быть воспользуются прекрасным случаем обвинить царя в весьма тяжком нарушении слова и начать революционную борьбу (может быть даже открытую) с правительством.

Какая открывается нам перспектива? Думаю, что наше положение усилится. Не все, думаю я, члены партий, порожденных 17 окт[ября], перейдут в явную оппозицию; вероятно, более консервативные примкнут к нам, до сих пор мы были His Majesty's opposition⁹³, теперь мы станем если не His Majesty's Government⁹⁴, то все же его сторонники и «Supporters»⁹⁵.

На днях я узнаю, в чем дело. Но, какая бы ни была настоящая цель Витте, нельзя было лучше, полнее скомпрометировать бедного царя! Помните, как все революционные элементы, все враги царя предсказывали, что как только страх у него пройдет, он отберет конституцию! И что же? Оказывается, что они правы, между тем, зная царя, я голову дам на отсечение, что у него и в мысли не было обманывать свой народ.

Что произошло третьего дня — я не знаю, не понимаю, но несомненно Витте в значительной степени потряс царский авторитет! Подкопал доверие к царскому слову!

Как отнесутся к этому событию те партии, с представителями которых я встретился в Москве 3-го ноября? Конечно, это de l'eau pour notre moulin⁹⁶, но едва ли следует смотреть на заявление Витте как на нечто окончательное, на чем бы можно было построить какие-либо соображения для дальнейших ходов. Многое будет зависеть от того, как будет принято это известие конституционными и демократическими партиями!

Некоторые (финансисты) объясняют выходку Витте желанием скомпрометировать Коковцова, который поехал во Францию негоциировать займ⁹⁷; не верится...?! Нам необходим займ, и займ крупный, более миллиарда франков... За спиной Коковцова Витте сам вошел в сношения с какими-то (английскими?) финансистами, будто бы объявившими нашему правительству, что заем может сделать лишь один Витте?... Все это выходит как-то опереточно, но оперетка эта кровавая.

До какой степени страх, нагнанный на правительство накануне 17 окт[ября], был напрасен, доказывается тем, как легко Дубасов справился с революцией в Москве, располагая всего 2000 бойцов (остальные занимали разные дворцы, банки и т. п.), а в Петербурге было 26000 гарнизона! Не говоря уж о том, что в Петербурге есть цитадель и все улицы прямые.

Один из представителей революционной партии говорил мне недавно, что до весны революционеры будут сидеть смирно, а к весне они «обработают» мужиков — тогда (с неделю тому назад) я думал, что это хвастовство, что они просто не могут ничего делать, ну, а после слов Витте...??

Желаю Вам счастливого Нового года.

Искренне Вам преданный
А. Киреев.

ОР РГБ. Ф. 265. К. 190. № 32. Л. 25–28.

Примечания

¹ Полицейского государства (нем.).

² Вечером 8 января к С.Ю. Витте явилась депутация, избранная в редакции газеты «*Наши дни*», куда входил и М. Горький. Общественные деятели просили председателя Комитета министров вмешаться в события, уверяли его, что рабочая манифестация, намеченная на следующий день, пойдет с мирными намерениями, что Николаю II следует принять их петицию, чтобы избежать кровопролития. Витте уклонился от участия в событиях, заявив, что не имеет никакой власти. Однако сразу же после ухода депутации он сообщил о визите по телефону министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 119; Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. С. 174).

³ Последовательный (англ.).

⁴ Речь идет об уже упоминавшемся выступлении А.А. Киреева в Славянском благотворительном обществе 3 февраля 1905 г. «*О злобах настоящего дня с точки зрения славянофильского учения*».

⁵ Тем более (лат.).

⁶ Сенат все видит, а он все еще жив! (лат.). (Из первой речи Цицерона против Катилины).

⁷ Великое бессилие (фр.).

⁸ По миновании в них надобности не откажитесь возвратить их мне (прим. Ф.Д. Самарина).

⁹ Сражение под Мукденом произошло 13–24 февраля 1905 г. и окончилось очередным поражением русской армии.

¹⁰ Во время сражения под Ляояном 11–21 августа 1904 г. русская армия устояла перед фронтальными атаками японцев, тем не менее главнокомандующий А.Н. Куропаткин отвел войска с занимаемых позиций.

¹¹ Стремящиеся к той же цели — ограничению самодержавия (прим. А.А. Киреева).

¹² Речь, по-видимому, идёт об адресе московского дворянства, принятого 22 января 1905 г. голосами консервативного большинства во главе с братьями Самаринскими (219 против 147).

¹³ Начальник Главного управления по делам печати МВД.

¹⁴ Вопреки ему самому (фр.).

¹⁵ О разрешении представлять в Совет министров предположения, касающиеся «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».

¹⁶ Не от «Русского» (прим. А.А. Киреева).

¹⁷ С челобитной «Слав[янского] общества» (прим. А.А. Киреева).

¹⁸ Ганнибал у ворот; конституция у ворот (лат.).

¹⁹ Самарин Ф.Д. Записка о необходимости местного обследования по крестьянскому делу. СПб., 1905.

²⁰ Причем Земский собор она понимает весьма близко к конституционной палате представителей. См. доклад Н.А. Хомякова губернским предводителям (Русск[ие] ведом[ости]. 16 марта); тут и право запросов, тут и рассмотрение росписи и проч[ее] (прим. Ф.Д. Самарина).

²¹ По-видимому, имеется в виду открытое обвинение генералом О.К. Гриппенбергом своего главнокомандующего Куропаткина, что из-за его нерешительности и ошибок русская армия потерпела поражение под Мукденом. Николай II разрешил ситуацию, вызвав Гриппенберга в Петербург.

²² Это описка. Должно быть — 1905 г.

²³ Вероятно, имеется в виду книга: Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 1. Крестьянское дело. (М., 1903) с предисловием Ф.Д. Самарина.

²⁴ Точное название — «О злобах настоящего дня с точки зрения славянофильского учения». Это речь А.А. Киреева в Славянском благотворительном обществе 3 февраля 1905 г., опубликованная в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» и в виде отдельного оттиска.

²⁵ Позиция, точка зрения (нем.).

²⁶ От фр. «intransigent» — непримиримый, прямолинейный.

²⁷ Здесь: что-то вроде этого (лат.).

²⁸ Получили ли Вы мое «Сообщение» в «Сл[авянском] общ[естве]» о злобах наст[оящего] дня? Насколько Вы с ним согласны? (Принципиально) (прим. А.А. Киреева).

²⁹ Оппонировали (нас было человек 25–30) лишь дворянин Павлов (предст[авитель] «Моск[овских] ведомостей») и Платонов член Госуд[арственного] совета — ставленник Мещерского) (прим. А.А. Киреева).

³⁰ 10–15 марта 1905 г. в Москве на встрече 21 губернского предводителя дворянства была одобрена в качестве политической платформы записка Н.А. Хомякова. В ней дворянству предлагалось выбрать «третий» путь, между конституционалистами и ультраконсерваторами. Хомяков выступал за создание в России народного представительства с правами законодательной инициативы, запросов министрам и рассмотрения государственной росписи, что, по его мнению, никак не ограничивало самодержавие (Записка Н.А. Хомякова // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 24. Л. 28–29).

³¹ Всеми нами признано необходимым бороться с конституционализмом! А Вы не сильный ли борец именно против конституции?! (прим. А.А. Киреева).

³² Объединенными силами (лат.).

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

³³ Отзыв на записку гг. губернских предводителей дворянства. М., [1905]. Дозволено цензурой 11 апреля 1905 г. «Отзыв» подписан 23 лицами, первый — Ф.Д. Самарин. Авторы утверждали, что в рескрипте Булыгину 18 февраля 1905 г. не содержалось никакого обещания ввести в России «представительные учреждения». Поэтому те, кто призывает к ним, отошли от содержания рескрипта и его духа.

³⁴ Лишь один из моих учеников понял меня, но и тот — превратно (нем.).

³⁵ 20 дворян, в том числе и Ф.Д. Самарин, 24 июня подписали открытое письмо П.Н. Трубецкому, в котором московский предводитель дворянства обвинялся в том, что представил Николаю II записку от имени дворянства. В ней якобы звучала поддержка обращения к самодержцу земских и городских деятелей, призывавших учредить в России народное представительство с решающим голосом (т. е. законодательное). Письмо дворян было опубликовано в «Новом времени» (1905. 30 июня. № 10532). Трубецкой ответил письмом, не подлежащим печатной огласке, которое было разослано губернским предводителям, где отверг обвинения (текст письма П.Н. Трубецкого // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 131. Л. 4–5). В дворянской среде выпад Самарина и его единомышленников широкой поддержки не получил.

³⁶ Вы не только приперли [его] к стенке, но и пригвоздили к позорному столбу (фр.).

³⁷ Самарин Ф.Д. О способе осуществления предначертаний высочайшего рескрипта 18 февраля [1905 г.]. М., 1905.

³⁸ Милютин Ю. Отповедь 20-ти дворянам (письмо в редакцию) 6 июля 1905 г. // Новое время. 1905. 9 июля. № 10542. Милютин в этом письме опровергал утверждение Ф.Д. Самарина и его сторонников, что П.Н. Трубецкой вместе с земскими и городскими деятелями требовали представительства «с решающим голосом».

³⁹ Булыгинские «Соображения...» были рассмотрены 24 мая 1905 г. сначала в совещании при Совете министров под председательством Д.М. Сольского, а затем с 26 по 28 июня — в Совете министров (Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб., 1991. С. 144–145). Несмотря на обещание Николая II, данное им Сольскому, что он намерен затем передать документ в Государственный совет, последней инстанцией в его обсуждении стало Особое совещание (Петергофское), проходившее 19–26 июля. Правда, туда царь пригласил около десятка членов Государственного совета, придерживавшихся правых взглядов.

⁴⁰ Самарин Ф. Ответ Ю.Н. Милютину // Новое время. (1905. 15 июля. № 10548). Ф.Д. Самарин настаивал, что его противники предлагали представительство с ответственностью министров и решающим голосом.

⁴¹ На самом деле С.Ю. Витте были переданы инструкции, подготовленные для Н.В. Муравьева.

⁴² Речь идет об аудиенции у Николая II двух губернских предводителей дворянства — В.В. Гудовича (петербургского) и П.Н. Трубецкого (московского), состоявшейся 18 июня 1905 г.

⁴³ Это сделал тот, кому это выгодно (лат.).

⁴⁴ Одним словом (нем.).

⁴⁵ Коротко и плохо (нем.).

⁴⁶ Как таковой (нем.).

⁴⁷ Киреев А. Политические компромиссы // Новое время. (1905. 24 июля. № 10557).

⁴⁸ Милютин Ю. Ответное письмо генералу Кирееву // Новое время. (1905. 26 июля. № 10559). Милютин призвал своего корреспондента отказаться от спора о том, какой голос должен быть у будущего представительства — совещательный или решающий, и заняться работой.

⁴⁹ Добрым намерениям (лат.).

⁵⁰ Н.В. Очень прошу указать мне № «Прав[ительственного] вестника», где вк[л]еены слова о поддержке дворянами (предварит[ельной]) земского обращения (6-го июня), постараюсь расследовать. Aut prodest??? (Или выгодно — лат.) Смуте? (прим. А.А. Киреева).

⁵¹ Это сделал тот, кому это не выгодно (лат.).

⁵² Сами они разъехались (прим. А.А. Киреева).

⁵³ Манера (лат.).

⁵⁴ Способ излагать намерение прямо (лат.).

⁵⁵ Тяжесть доказательства (лат.).

⁵⁶ Редактировавший заметку в «*Правит[ельственном] вестнике*» (прим. А.А. Киреева).

⁵⁷ Письмо П.Н. Трубецкого см.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 121. Оп. 1. Д. 131. Л. 4–5.

⁵⁸ А.Д. Самарина.

⁵⁹ Предаться вновь невыразимой печали (лат.).

⁶⁰ С «*Моск[овскими] ведомостями*» действовать, может быть, и неприятно, но что же тогда делать? Иначе мы будем разбиты! (прим. А.А. Киреева).

⁶¹ Имеется в виду «*Русское собрание*».

⁶² Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество.

⁶³ Возник в марте 1905 г. на основе шереметевского кружка. Программа «*Союза...*» (РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 467. Л. 1–4) предлагала единство монархических сил для созидательной работы. Отстаивая нерушимость самодержавия, члены «*Союза...*» также признавали необходимость государственных реформ. Чтобы власть была «народной», они, как и другие правые, полагали необходимым разрушить бюрократическое средостение с помощью тесного общения царя с местными выборными людьми, чтобы власть была «народной» (Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Ч. 5. СПб., 1914. С. 366–370).

⁶⁴ Имеется в виду Русская монархическая партия, созданная в марте — апреле 1905 г. Центральное бюро партии находилось при редакции «*Московских ведомостей*», ее лидерами были В.А. Грингмут и И.И. Восторгов (Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Ч. 5. СПб., 1914. С. 362–365).

⁶⁵ Общество хоругвеносцев было учреждено 30 января 1905 г. при Князь-Владимирском храме в Москве под председательством епископа Серафима. Оно оказывало содействие Русской монархической партии. Впоследствии вошло в Союз русского народа (Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Ч. 5. СПб., 1914. С. 374).

⁶⁶ **Камбон П.-Ж.** (1756–1820) добился принятия декрета от 15 декабря 1792 г. о конфискации собственности дворянства и церкви.

⁶⁷ Расследование (фр.).

⁶⁸ Властитель дум (лат.).

⁶⁹ Сл. бысть до И. Дамаскина (прим. А.А. Киреева).

⁷⁰ Точкой 2-ой манифеста (прим. А.А. Киреева).

⁷¹ Домогательство благосклонности (лат.).

⁷² Так в тексте. Надо — октября.

⁷³ **Гермоген** — патриарх в 1606–1612 гг. Пытался поддержать Шуйского, после его низложения не изменил своим убеждениям. Был открытым противником поляков, проповедями и рассылаемыми грамотами призывал народ стоять за православную веру. Отказался осудить ополчение Минина и Пожарского, после чего был уморён голодной смертью. **Дионисий** (в миру Давид Федорович Зобниковский). С 1610 г. — архимандрит Троице-Сергиевой лавры, один из организаторов сопротивления полякам. В грамотах, которые он рассылал с гонцами по городам, он призывал всех ратных людей для спасения отечества от поляков и возбуждал богатых к пожертвованиям. В частности, Дионисий способствовал формированию нижегородского ополчения Минина и Пожарского. **Авраамий Палицын** (в миру Аверкий Иванович). Во время Смуты — келарь Троице-Сергиевого монастыря, активно помогал архимандриту в борьбе с поляками. После заточения Дионисия остался во главе монастыря и принимал участие в обороне его в 1618 г. от Владислава.

⁷⁴ Объединенными силами (лат.).

⁷⁵ **Нотович О.К.** (1849–1914) — издатель газеты «*Новости*»; **Проппер С.М.** (1855–1931) — издатель газеты «*Биржевые ведомости*».

Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина

⁷⁶ Самые подлинные и самые точные слова (лат.).

⁷⁷ О лучшем я не прошу (фр.).

⁷⁸ До крайней степени (лат.).

⁷⁹ Суть дела (нем.).

⁸⁰ «Так Вы хотите гражданской войны?» — «Мы уже имеем ее» (фр.).

⁸¹ **Редигер А.Ф.** (1853—1920) — военный министр в 1905—1909 гг.

⁸² Ф.Д. Самарин имеет в виду манифест Николая II 3 ноября 1905 г. «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения», в котором провозглашалось уменьшение в два раза с 1 января 1906 г. выкупных платежей, а с 1 января 1907 г. их полная отмена.

⁸³ **Хвостов Н.А.** (1844—1913) — сенатор, с 1908 г. — член Государственного совета, правый деятель. Отец А.Н. Хвостова, министра внутренних дел в 1915—1916 гг. **Лыкошин А.И.** (1861—1918) — чиновник Министерства юстиции, сенатор (с 1911 г.), с 1914 г. член Государственного совета. Один из организаторов «Союза русского народа».

⁸⁴ В ее практическое значение, ее работоспособность (прим. А.А. Киреева).

⁸⁵ **Св. Томас Бекет** (1115—1170) до того, как был избран архиепископом Кентерберийским в 1162 г., служил при дворе английского короля Генриха II канцлером и имел сильное влияние на государя. Впоследствии активно противодействовал вмешательству Генриха в дела церкви и был убит людьми короля.

⁸⁶ Слова «“Россию” Брискорна» зачеркнуты А.А. Киреевым.

⁸⁷ «Слово», газета, издававшаяся в Петербурге Н.Н. Перцовым. В конце 1905 г. она выступала как главный печатный орган октябристов.

⁸⁸ Инцидент закончен (фр.).

⁸⁹ Не только дворян, но всех вообще (прим. А.А. Киреева).

⁹⁰ Домогаться благосклонности плебса (лат.).

⁹¹ Недействительный (фр.).

⁹² Имеется в виду партия правового порядка, созданная в октябре 1905 г. Ее программа отличалась противоречивостью. Защищая самодержавие, партия в то же время поддерживала идею учреждения народного представительства, допускала принудительное отчуждение помещичьих земель.

⁹³ Оппозицией Его величества (англ.).

⁹⁴ Правительством Его величества (англ.).

⁹⁵ Опорой (англ.).

⁹⁶ Дает воду для нашей мельницы (фр.).

⁹⁷ В.Н. Коковцов уехал в Париж 17 (30) декабря 1905 г., чтобы 29 декабря (11 января 1906 г.) заключить там займ на 100 млн. руб. (267 млн. франков). Подробнее об этом: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 112—118; *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал 1897—1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 159—161.